

Российская Академия Наук
Отделение философии, социологии,
психологии и права

М.Н.РУТКЕВИЧ

МАКРОСОЦИОЛОГИЯ
Методологические очерки

Москва
1995

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН *А.В.Дмитриев*

Р 90   **РУТКЕВИЧ М.Н. Макросоциология: Методологические очерки. - М., 1995. - 187 с.**

В "Очерках" известный ученый, член-корреспондент РАН М.Н.Руткевич освещает ряд основных вопросов макросоциологической теории. В книге рассматриваются такие проблемы как структура социологической теории, связь социологии с социальной философией, отношения социологии и властных структур, изучение общественного мнения и манипуляция таковым, социальная структура, противоречия и конфликты, их роль в развитии общества. Все эти проблемы освещаются преимущественно на материалах жизни современного российского общества и содержат немало дискуссионных моментов. Книга написана живо и интересно, ориентирована на широкий круг читателей.

ISBN 5-201-01890-4

© М.Н.Руткевич, 1995
© ОФСПП, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые вниманию читателя "Очерки" рассчитаны не только на профессионалов-социологов, но также на широкие круги интеллигенции, проявляющие интерес к вопросам социологической теории и осмыслению сложившейся в нашей стране социальной ситуации. Представляется необходимым здесь отметить особенности предлагаемого труда.

Во-первых, это не учебное пособие по макросоциологии, как обычно называют общую теоретическую социологию, но всего лишь очерки, в которых в определенной логической последовательности рассмотрены некоторые, наиболее важные, на наш взгляд, проблемы социологической теории в их связи с реалиями сегодняшнего дня.

Во-вторых, макросоциология генетически и логически неразрывно связана с социальной философией. На эту сторону дела обращено особое внимание во всех очерках, а один из них специально посвящен философским основаниям социологической теории.

В-третьих, книге в известной мере присущ полемический характер. Противоречия между различными социальными силами в России всегда проявлялись в спорах по проблемам мировоззренческого характера. Авторская позиция заявлена здесь с достаточной определенностью, причем для нас важны не лица, а теоретические позиции, которые они представляют. Остается выразить надежду, что появление "Очерков" будет способствовать оживлению научных дискуссий по актуальным проблемам, а тем самым выяснению истины.

**Член-корреспондент Российской
Академии Наук**

М.Руткевич

1 января 1995 года

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

О ПРЕДМЕРЕ И СТРУКТУРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

От древних греков идет весьма плодотворный способ выяснения истины: одна за другой рассматриваются различные точки зрения на данный предмет, "по дороге" выясняется их односторонность и ошибочность, в итоге постепенно вырисовывается более полное представление, которое может претендовать на истинность. Мы осмелимся предложить читателю подобный ход рассуждений и по вопросу о предмете и структуре социологии.

Термин "социология" был введен О.Контом (вместо первоначально предлагавшегося термина "социальная физика") в середине прошлого века и буквально означает "наука об обществе". Конт полагал, что социология должна изучать законы функционирования общества ("социальная статика") и его изменения, развития ("социальная динамика"). Социология должна служить, как всякая наука, обществу, т.е. использоваться в целях его реформирования. Все эти идеи сохранили свое значение. Недостаточно был разработан Контом вопрос о взаимном отношении социологии и других наук об обществе, что объясняется, в частности, тем, что дифференциация общественнознания в то время была недостаточно развита.

С тех пор социология прошла длинный путь развития, в ней появилось много весьма различных концептуальных направлений, она явно идеологизировалась и в отношении предмета науки существует немало весьма различающихся друг от друга точек зрения; это полностью относится и к социологии в нашей стране.

СОЦИОЛОГИЯ - НАУКА О СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ?

Данное определение (без вопросительного знака) в социологической литературе пользуется большим распространением, ход рассуждений предельно прост: "социальный" по латыни (и в большинстве европейских языков) буквально означает "общественный", стало быть, социология суть наука об обществе, о происходящих в нем процессах.

Оно верно в той мере, что и определение физики, как науки о процессах в природе, но не содержит в себе критерия различия от других общественных наук, и поэтому может служить лишь первым звеном в цепи последующих определений. Таков ход мысли П.Сорокина, который продолжал сложившуюся в России традицию в "Общедоступном учебнике социология" (1917 г.). "Социология представляет науку, которая изучает жизнь и деятельность людей"... читаем в начале книги. Далее автор развертывает это самое общее определение через цепочку разъяснений и уточнений. Социология, пишет автор, изучает поведение людей, а оно зависит и от других людей, от "человеческой среды", "общества", от "общественных отношений" и т.д. Так читателя подводят к выводу: "Конечной и главной задачей социологии является понимание поведения и деятельности людей", но поскольку люди живут не уединенно "нужно понять общество, общественные отношения и общественную жизнь". Далее Сорокин указывает на три момента: "строение и состав общества; процессы его жизнедеятельности; происхождение и развитие общества"¹.

Аналогичным образом через несколько десятилетий размышляет Н.Смелзер, автор наиболее популярного в странах английского языка учебника для студентов, рекомендованного и для российских вузов. Краткое исходное определение предмета социологии таково: "научное изучение общества и общественных отношений". Поскольку общественные отношения столь же необходимая составляющая жизни общества, как и сами люди и их деятельность, исходный пункт у Смелзера таков же, как у Конта и Сорокина. Но автор учитывает, что имеются и другие науки, "изучающие поведение людей и функционирование общественных институтов", как-то: антропология, экономика, политическая наука, психология. Отличие от них социологии усматривается в пяти "социологических подходах": демографическом, психологическом, коллективистском, выяснении взаимоотношений, культурологическом².

Мы взяли два популярных учебных пособия именитых авторов, отделенных друг от друга солидной временной дистанцией. Сходство в том, что во-первых, в обоих случаях приведенное выше исходное этимологическое определение берется за исходное, но далее уточняется; во-вторых, что в обоих учебниках доминирует "поведенческий" ракурс, хотя далее речь идет и об условиях существования, "социальной среде". Что же касается разграничения с другими науками об обществе, то Сорокин обходит этот вопрос, а Смелзер решает его непоследовательно.

Действительно, психологический подход он считает одним из пяти специфических для социологии, но вместе с тем пишет об отличии этих наук друг от друга; демографический подход – один из пяти специфических для социологии, но демография – одна из давно выделившихся частных общественных наук, а об ее отличиях от социологии ничего не сказано. Так же обстоит дело и с отношением социологии и культурологии. Так что студенту, если он хочет в этом вопросе разобраться, учебником ограничиться никак нельзя.

Чем же все таки отличается социология от других ветвей общественнознания? Ясно, что дело не меняется от того, что общее определение дополняют уточняющими словами вроде следующих: "наука о социальных явлениях", "наука о социальных процессах". Само собою ясно, что общество находится в движении, в нем все время происходят процессы самого разного рода, возникают новые явления. Кстати, заметим, что упор на познание "явлений" характерен для позитивизма, для которого человек может познавать только то, что ему "является" в чувствах, в то время как сущность вещей либо принципиально непознаваема, либо вносится в хаос наблюдаемых явлений нашим мышлением. Между тем, задача науки состоит как раз в том, чтобы за сплетением явлений познавать сущность процессов. Ограничение познанием явлений в определении предмета науки ориентирует на признание ее наукой чисто эмпирической.

В нашей отечественной литературе авторы, настаивающие на определении предмета социологии как науки о социальных явлениях, процессах и т. д., обычно оговаривают, что термин "социальный" берется ими не в общем, а в особом, более узком его смысле. Действительно данный термин имеет много значений. Его употребление в самом общем смысле, как общественного, представляется единственно возможным, когда сопоставляются (противопоставляются) общество и природа, и не только окружающая нас внешняя природа, но и присутствующая в каждом человеке. В известном споре о сущности человека в центре находится вопрос о соотношении социального и биологического.

Понятие "социальный" в более узком его смысле употребляется для обозначения определенного вида процессов, происходящих в обществе. Поскольку в данных очерках (см. Предисловие) мы хотим высказаться по ряду вопросов, дискутировавшихся в отечественной социологической литературе 60-90-ых гг., которая развивалась при преобладающем влиянии марксистской традиции, следует рассмотреть трактовку данного понятия в трудах К.Маркса. В Предисловии "К критике политической экономии"

Маркс писал: "Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще"³. Социальный процесс здесь сопоставляется с экономическим (способ производства), политическим и духовным; процессы неотделимы от отношений, следовательно социальные отношения, по Марксу, чем-то отличны от отношений экономических, политических, идеологических. Некоторые социологи, привыкшие подчинять ход своей мысли цитированию, пытались отыскать "социальные" отношения (процессы, сферу деятельности) как бы вне остальных, указанных выше, т.е. как существующих наряду с ними; предмет социологии тем самым, как будто отграничивался от предмета экономических, политических, культурологических наук самым простейшим образом. Поиски социального, как лежащего рядом с экономическим и т.д., стимулировались обстоятельствами внеучного характера. В СССР в 60-ые г.г. в массовом масштабе составлялись планы социального развития коллективов предприятий, городов, регионов, отраслей хозяйства; в связи с этим было написано немало книг и брошюр о развитии "социальной сферы" общественной жизни⁴. Всеобщее признание получил также термин "социальная политика", как обозначение особого направления политики государства, имеющего своей целью регулирование и развитие "социальной сферы". Под последней обычно понималась совокупность отраслей, призванных обеспечить удовлетворение таких базовых потребностей населения, как жилище, охрана здоровья, образование, обеспечение по болезни, инвалидности, в старости и т.п., соответственно социальная политика понималась как политика по управлению данной сферой.

Уязвимость такого понимания предмета социологии становится очевидной при анализе состава социальной сферы, особенно если в нее включают также условия труда. Удовлетворение "социальных" потребностей предполагает выделение средств из государственного бюджета на эти цели, то есть перераспределение национального дохода. В СССР они удовлетворялись в основном за счет общественных фондов потребления (ОФП). Вопрос о соотношении фонда зарплаты и отчислений в ОФП был одним из важнейших вопросов в отношениях распределения. Но проблемы распределения неотделимы от проблем производства и входят прежде всего в компетенцию экономической науки.

Если следовать Марксу, то в системе общественных отношений между экономическими отношениями (базис) и отношениями политическими, правовыми, идеологическими (надстройка) не предполагается некая "прокладка" в виде особых "социальных"

отношений. Поэтому сторонники данного определения в большинстве вынуждены были принять трактовку понятия "социальный" в том его значении, которое соответствует приведенной формуле и другим трудам Маркса; а именно, как своеобразного "моста", соединяющего способ производства, а тем самым производственные отношения, с политическим и духовным процессами. Таким "мостом" является особая черта общественных отношений, определяемая делением общества на классы, социальные группы и слои. В этом контексте социальные отношения могут быть рационально поняты не как особые, "рядоположенные" с экономическими и т.д. отношениями, а как вполне определенная сторона, важнейший аспект всех общественных отношений в классовом обществе. В марксистской терминологии учитывается данная особенность общественных отношений путем введения таких понятий, как социально-экономические отношения (отсюда и социально-экономическая формация), социально-политические, социально-культурные отношения, равно как процессы, планирование и т.д.

Изрядную путаницу в понимании этого вопроса внесли партийно-правительственные решения середины 70-х гг., когда власти попытались объединить государственные планы экономического развития предприятий, отраслей, территорий с упомянутыми выше спонтанно возникшими, базировавшимися на использовании дополнительных ресурсов планами социального развития всех этих единиц. Директивные планы хозяйственного развития были переименованы в масштабах страны, а поэтому и отраслей, территорий, предприятий, в планы экономического и социального развития. Злополучный союз "и" провоцировал людей, привыкших ориентироваться на вышестоящие инстанции, на поиски предмета социологии в "отдельно лежащих" социальных отношениях. Но в конечном счете здравый смысл возобладал, и в трудах профессионалов-социологов стало обычным определение социологии как науки о социальных отношениях, понимаемых как отношения между социальными группами⁵.

В.А.Ядов в дискуссии о предмете науки выразил эту позицию в следующих словах, заменив "группы" - "общностями": "Понятие социальной общности представляется нам ключевым в определении предмета социологии, потому что содержит решающее качество самодвижения, развития социального целого". В развернутом определении это понимание было расшифровано: "Социология есть наука о становлении, развитии и функционировании социальных общностей, социальных организаций и социальных процессов, как модусов их существования, ... наука о

социальных отношениях, как механизмах взаимосвязи и взаимодействия между многообразными социальными общностями, между личностью и общностями, наука о закономерностях социальных действий и массового поведения"⁶. Термин "социальный" употреблен автором в одном определении пять раз. Повторение, конечно, "мать учения", но разъяснения насчет содержания этого узлового понятия автор не дает, соглашаясь с более кратким определением В.Н.Иванова: социология - наука, изучающая социальные отношения как отношения между общностями, группами. Вполне естественно возникает вопрос: только ли социология изучает таковые?

В.Н.Иванов пытается его разрешить и дает весьма своеобразное истолкование понятия "социальный". "Характерной особенностью изучаемых ею (социологией - М.Р.) социальных отношений, - пишет он, - является то, что в содержание последних входят как отношения между социальными группами по поводу их общественного положения, образа и уклада жизни, так и отношения между людьми как представителями различных социальных групп общества"⁷. Таким образом социальные отношения распространяются на отношения между всеми людьми во всех сферах общественной жизни, поскольку образ жизни - категория, в которой синтезированы все виды деятельности и отношений между членами общества. Понятию "социальный" возвращается его общий смысл синонима "общественного".

В книге "Социология сегодня" В.Н.Иванов пытается увязать свою позицию с приведенной выше формулой Маркса и пониманием социальных отношений как аспекта, стороны всех общественных отношений. Термин "аспект" автору не нравится, он настаивает на "известном примате социального, как такой качественно важной составляющей, которая выражает сущность исторически определенного взаимодействия людей". И далее: "эта категория скорее фундаментальная, основополагающая, определяющим образом проявляющаяся во всех сферах общественной жизнедеятельности, а не просто аспект других категорий"⁸. Итак, смешение двух значений понятия "социального" разрешается в пользу признания социального сущностью общественных отношений, а социологии придается статус науки о сущности, в то время как экономическим наукам, политологии и т.д. остается исследовать ее проявления. Вряд ли подобное разграничение приемлемо для экономистов, стремящихся постигнуть сущность экономических процессов, законы экономического развития.

СОЦИОЛОГИЯ КАК НАУКА О СУБЪЕКТАХ ДЕЙСТВИЯ?
Понимание социологии как науки о социальных отношениях

уязвимо и с другой стороны. Социология в приведенном определении В.А.Ядова оказывается одной из "поведенческих" наук, поскольку социальные общности рассматриваются им только как субъекты мышления, воли, действия. Человек и состоящие из людей группы, общности, тем более организованные общности, организации действительно являются субъектами, обладающими личными или агрегированными интересами, ставящими идеальные цели, преследующими достижение этих целей в своих действиях. Суть вопроса, следовательно, в том, достаточен ли подобный подход для понимания предмета социологической науки?

В проблемной статье "Социология: проблемы и перспективы" А.Г.Здравомыслов задается вопросом: существует ли общая социологическая теория? Ответ на него звучит следующим образом: "Общее между всеми отраслями социологического знания состоит в том, что они изучают потребности и интересы трудящихся, мотивы их поступков, проявляющиеся в реальных делах людей, их массовом поведении"⁹. Отметим, что существование общей теории, как таковой, остается для автора под сомнением, ибо признание общего в частных науках в данной области знания неравнозначно признанию общей теории, призванной объяснить частные явления, исходя из неких общих принципов; к этому мы вернемся далее.

Отметим также, что автор отдает дань "партийной лексике", считая достойными изучения только интересы и т.д. "трудящихся". А как быть с группами, которые входят в состав населения, но не могут быть причислены к "трудящимся"? Их интересы не подлежат изучению, их поведение не интересует социологию? Социология, как и другие общественные науки, на наш взгляд, исследует общество как *систему*, в структуру которого входят все социальные группы и слои в их взаимосвязи и взаимодействии, в том числе группы и слои, присваивающие себе труд других. Если предприниматель в известном смысле может назван быть трудящимся, поскольку он занят организаторской деятельностью, хотя при этом он "прихватывает" немалую толику чужого труда, то слои ранты или мафиозные кланы к трудящимся вовсе не могут быть причислены. А изучать их как особые слои и как элементы социальной структуры социология обязана.

Акцент в приведенном определении сделан А.Г.Здравомысловым на мотивах человеческих действий и поведении людей, обусловленном этими мотивами. В совокупности это субъективная сторона деятельности людей, жизни общества.

Правда, автор упоминает также потребности и интересы. Потребность - категория субъективно-объективная, она есть "состояние, обусловленное неудовлетворенностью требований организма, необходимых для его нормальной жизнедеятельности, и направленное на устранение этой неудовлетворенности"¹⁰. Что же касается интереса, то в международном словаре социологических терминов он определен как "направленность субъекта на значимые для него объекты, связанная с удовлетворением потребностей, полезностью"¹¹. Иначе говоря, интерес - это уже ставшая мотивом деятельности потребность, т.е. категория характеризующая внутреннее состояние субъекта, будь то индивид или группа.

Как же быть с условиями жизни людей, вызывающими к жизни потребности, и на их основе интересы, мотивы и в конечном счете поведение? Они в подобных определениях отсутствуют. Между тем в эти условия входят не только природные, но прежде всего общественные условия, сеть, система общественных отношений, в которую включен индивид или группа, занимающие в этой системе определенное место. Самые глубокие причины, обуславливающие интересы людей и мотивы их действий, определяются их положением в исторически определенной системе экономических и политических отношений. Поэтому социология, если она не хочет ограничиться поверхностными наблюдениями, должна изучать взаимодействие условий человеческого существования и сознательных действий, вызванных этими условиями и одновременно изменяющими таковые. Иными словами, предметом социологии является не субъективное, взятое само по себе, а взаимоотношение субъективного и объективного.

Понимание социологии как поведенческой науки настолько сближает ее с социальной психологией, что различия становятся незаметными. Приведем общепринятое определение последней. Социальная психология изучает "механизм сознания и поведения социальных общностей, групп, индивидов, их межличностных отношений, социальную детерминированность и роль этих механизмов в различных сферах общества и разных ситуациях"¹². Как видно, социальная психология тоже не может ограничиваться мотивами, требует идти дальше, исследовать их "социальную детерминированность", что включает в себя как потребности, так и интересы.

Наиболее определенно рассуждает В.А.Ядов, который утверждает, что в социологической теории следует выделить "в качестве центрального понятия, ключевой социологической катего-

рии область субъекта. Иными словами, социология сегодня - это наука о социальных общностях, механизмах их становления, функционирования и развития"¹³. В отличие от Здравомыслова, Ядов оставляет изучение индивида социальной психологии. Но общее в их позиции, а именно, что социология - наука о поведении сохранено и усилено прямым указанием на субъект как центральную категорию социологии. На наш взгляд, возникновение духовных мотивов, побуждающих индивида и группу к действию, может быть понято при учете не только духовных, но и материальных условий человеческого существования.

В полном соответствии с акцентом на категорию субъекта В.Я.Ядов находил (тогда!) нужным указать на значение для социологии таких признаков *диалектического* подхода как взаимосвязь явлений, взаимодействие, функционирование, развитие и т.д.; но не нашел нужным указать на какие-либо праздники *материалистического* подхода в социологическом познании общества. И это не случайная забывчивость. "Основные понятия макросоциологической теории, - читаем там же, - в отличие от философских категорий, - не материя и сознание, но социальная структура и социальные институты..." Конечно, в социологической теории приходится иметь дело не с материей и сознанием вообще, это дело философии, но нельзя обойтись без познания высших форм того и другого, а именно - общественного бытия, материальной жизни общества и общественного сознания, духовной жизни общества.

Таким образом, определение предмета социологии, в том числе социологии теоретической (макросоциологии), как науки о субъектах действия, оставляет открытым вопрос о взаимоотношении субъективного и объективного в реальной жизни общества, а тем самым в социологии, как науки, которая под определенным углом зрения изучает эту реальность. Ограничиться указанием на потребности и интересы недостаточно для понимания мотивации деятельности общностей и индивидов. Мы полагаем, что Маркс был прав в утверждении, что материальная жизнь общества в последнем счете первична по отношению к духовной. Для социологии это означает, что она должна рассматривать взаимодействие материальных и духовных факторов во всех явлениях, процессах общественной жизни, как бы "накладывая" непосредственно изучаемые ею эмоции, мысли, планы, оценки, поступки людей и общностей на материальные условия их жизни, сопоставляя одно с другим, выясняя воздействие первых на вторые и вторых на первые.

Например, если придерживаться простой линейной схемы социальной стратификации и брать за основу самый легко измеряемый признак - уровень дохода, то и в этом случае необходимо сопоставлять "самоощущение" слоев, их самоидентификацию с вводимыми нами при опросе группами, обозначаемыми обычно: "ни в чем себе не отказываю", "живу лучше других", "живу как все", "живу хуже других", "перебиваюсь от зарплаты до зарплаты", "испытываю острую нужду" и т.п., с реальным уровнем дохода этих слоев и источником этих доходов.

В многомерных теориях стратификации, например у М.Вебера, который рассматривает в качестве основных критериев расслоения общества доход, власть и престиж, связь субъективных и объективных факторов заложена в самой основе, поскольку первый показатель дает представление об экономической, объективной стороне жизни слоев общества, второй - об отношении господства и подчинения в экономической и политической жизни, т.е. является объективно-субъективным, а третий - об оценке и самооценке данным слоем его относительного положения среди других слоев, является фактором субъективным. О марксистской схеме стратификации речь пойдет в одном из последующих очерков.

Таким образом, категории субъекта и объекта, равно как связанные с ними самым непосредственным образом категории субъективного и объективного, являются центральными для теоретической социологии, имеющей дело с общими категориями. Не мысль, воля, практическая деятельность субъектов, взятые сами по себе, и не объективные условия, факторы, взятые сами по себе, а "наложение" субъективного на объективное, их переплетение, их взаимодействие - вот в чем, на наш взгляд, специфика социологического подхода. В этом его отличие от социально-психологического подхода, который имеет дело прежде всего с субъектом, его поведением (хотя так или иначе вынужден интересоваться причинной обусловленностью мотивов поведения, что поневоле выводит за пределы психической детерминации) и от экономического подхода, который имеет дело прежде всего с объективными характеристиками социальных процессов, но при этом, так или иначе, вынужден интересоваться мотивами хозяйственной деятельности, обращаться к субъективному, как отражению материальных условий бытия и возникающих на этой основе потребностей и интересов людей. В сфере общественного знания нет и не может быть наук, предметом изучения которых является только субъективное или только объективное, ибо они неразрывно сплетены в деятельности человека, социальных

групп, этносов, любых субъектов исторического процесса. Поэтому диалектика взаимодействия субъективного и объективного в той или иной мере учитывается любой наукой об обществе. Но именно для социологии исследование диалектики взаимодействия духовного и материального является стержнем методологии. Далеко не все это признают в теории. Но одно дело - провозглашение принципов, другое - исследовательская практика. В последней ни один профессионал-социолог не обходится без сопоставления, без выяснения взаимодействия духовных и материальных факторов, - от рядового опроса общественного мнения перед выборами в парламент до фундаментальных исследований, например, связи возникновения капитализма на Западе с протестантской этикой у М.Вебера, классового конфликта в индустриальном обществе у Р.Дарендорфа и др.

Здесь представляется уместным сделать одно замечание философского порядка о категориях субъекта и объекта¹⁴.

Эти категории, как любые философские категории, соотносительны, их содержание "звучит" по-разному в зависимости от принятого "угла зрения" на реальные процессы. Тот фактор, который выступает в одном случае как объект, может в другом случае оказаться субъектом, и наоборот. В наиболее общем смысле при противопоставлении общества, как части природы, остальной природе на земле и в Космосе, субъектом сознания, воли и действия выступает весь род человеческий, в то время как природа - объектом его воздействия. Но когда мы переходим к изучению общества, то социальные общности разного рода оказываются одновременно субъектом мысли и действия по отношению к другим общностям и, с другой стороны, объектом воздействия последних. Это равно относится ко взаимодействию (т.е. сотрудничеству и борьбе) государств, этносов на международной или региональной арене и взаимодействию социальных групп, слоев, этнических групп и т.д. внутри данного общества, государства. Так же обстоит дело при переходе к подгруппам, вплоть до малых групп и индивидов.

Противоположность субъекта и объекта простирается и на духовную сферу. Мысли и чувства другого выступают по отношению к моему "Я" как субъекту в качестве объекта изучения и потенциального воздействия; более того, мои собственные мысли, материализованные на бумаге в виде наброска анкеты, выступают по отношению к моей же актуальной мысли как объект познания и изменения, например, доведения анкеты до приемлемого вида. Употребление понятий объект-субъект, объективное-субъективное абстрактно, без указания на конкретную ситуацию,

в которой разворачивается их взаимодействие, ведет к путанице и к игре в слова.

Проблема взаимодействия субъекта и объекта в социологическом исследовании имеет много аспектов. Об одном из них следует сказать здесь - это взаимоотношение опрашивающего, интервьюера и опрашиваемого, реципиента. Безусловно, ставя перед последним вопрос, то ли при личной встрече, то ли по телефону, то ли положив перед ним анкету и предоставив возможность ее заполнить, социолог так или иначе оказывает определенное воздействие на сознание человека, ставшего на время объектом его исследовательского интереса. Уже в самой постановке вопросов и порядке их следования в опросе содержится (явно или неявно) ограничение возможности формулировать ответ рамками предложенных вариантов; при непосредственном контакте эти возможности возрастают, поскольку разъяснение оказывает влияние на выбор варианта ответа. Исходя из этих соображений, подчас ставят вопрос о невозможности достижения в эмпирическом социологическом исследовании объективной истины.

Отметим два момента. Во-первых, с точки зрения диалектики, в относительной истине всегда есть элементы заблуждения, в том числе внесенные по "вине" познающего субъекта. Они содержатся в "сплаве" с истиной; выявление моментов заблуждения достигается в процессе восхождения к теории и проверки теоретических представлений в практике. Во-вторых, при исследовании общественного мнения в качестве объекта выступают оценки наличной ситуации и варианты возможного поведения, т.е. обыденное мышление (взятое в единстве с эмоциями). Истинность здесь означает соответствие полученных выводов духовной реальности. Более глубокое проникновение в суть общественных процессов предполагает сопоставление мнений и возможного поведения, взятых в обобщенном виде, с условиями жизни и реальным поведением, т.е. переход от эмпирического познания к теоретическому.

СОЦИОЛОГИЯ - НАУКА ЭМПИРИЧЕСКАЯ? Постановка этого вопроса может быть сочтена искусственной, так как положительный ответ предполагается сам собой. Да, безусловно эмпирическая, "конкретная", но только ли эмпирическая? - вот в чем вопрос. И возможна ли вообще наука "чисто эмпирическая", в которой отсутствует теория? На этот вопрос ответ тоже напрашивается "сам собой", но уже отрицательный. Тем не менее данная проблема в социологии заслуживает обсуждения, поскольку не столь давно многие отводили социологии роль "конкретной" науки и данное поветрие дает о себе знать по сей день в форме

недооценки теории, общей теоретической социологии - в особенности.

Вот как высказывались о предмете социологии видные представители этой науки в СССР в конце 60 - начале 70-х годов. В "Лекциях по социологии" Ю.А.Левада писал: "Социология - это эмпирическая социальная дисциплина, изучающая общественные системы в их функционировании и развитии"¹⁵. Нетрудно заметить в этом определении противоречие: изучение систем в их функционировании и развитии предполагает использование теоретических представлений двоякого рода - о системах вообще (системный анализ) и о такой системе, как общество. Впрочем автор "Лекций" не был чужд социологической теории, в "Лекциях" использованы представления структурного функционализма, в то время господствовавшего в американской социологии.

Еще решительнее данный автор (совместно с В.Н.Шубкиным и Ю.Н.Гаврильцом) высказывается в другой книге тех лет, рассуждая о "формировании современной социологии как конкретной экспериментальной науки о структуре функционировании и развитии социальных систем"¹⁶. Сравним с предшествующим определением: термин "эмпирическая" заменен на "конкретная" и добавлено указание на *экспериментальный* характер социологии.

Как известно, эксперимент предполагает в качестве исходного пункта выдвижение гипотезы, которую надлежит в эксперименте подтвердить либо опровергнуть, а гипотеза зиждется на определенных теоретических посылах, на теории. Стало быть, наличие социологической теории, создаваемой на базе суммы "конкретных", т.е. эмпирических данных, и проверяемой в эксперименте здесь подразумевается. Но суть вопроса в другом: социология могла бы быть определена как экспериментальная наука, если бы эксперимент занимал в ней главное место. Но на деле эксперименту в социологии принадлежит в ряду применяемых методов эмпирического исследования место весьма скромное. Основным методом эмпирического исследования в социологии является научное наблюдение с привлечением специально выработанного инструментария. В отличие от физики или физиологии, где применяются созданные нами приборы, инструментарий в социологии находится в голове исследователя (с фиксацией на бумаге, в компьютере и т.д., что не меняет сути дела). Эксперимент в обществе поневоле носит ограниченный характер, так как предполагает создание особых искусственных условий, которые в какой-то мере отграничивают данную общность от действия общих законов и норм поведения людей и тем создают возможность проверить влияние этих особых условий на поведе-

ние людей и, тем самым, истинность предположений, которыми мы руководствовались, создавая данные условия.

Так, малая группа, например, несколько космонавтов, в течение месяцев находящихся в особых условиях в тесном пространстве корабля, вынуждены психологически "притираться" друг к другу. Гипотезы о поведении малых групп в искусственной среде при длительной их изоляции социальная психология выдвигает и проверяет; в приведенном примере это важно для подготовки длительных экспедиций в космосе. Социология наблюдает общество в целом, отдельные его области жизни, институты, социальные слои и другие общности в обычных условиях. Изолировать искусственно хотя бы на время регион или трудовой коллектив от связей с другими регионами и коллективами невозможно. Но история подчас сама создает для них особые условия, например, в блокадном Ленинграде времен войны или на текстильных предприятиях Ивановской области в наши дни, когда персонал месяцами сидит без сырья, без работы и без зарплаты. Наблюдения о пределах выживаемости населения города или трудового коллектива фабрики в экстремальных условиях, о специфике складывающихся при этом человеческих отношений, деформациях социальной структуры и т. п. обладают большой ценностью. Но это не дает права для именованя социологии экспериментальной наукой, не социологи эти условия "нарочно" создавали.

В последние годы нередко приходится слышать об "эксперименте" проведенном Лениным и КПСС в 1917 году в целях проверки истинности и воплощения в жизнь учения Маркса. Например, в ноябре 1994 г. в Москве состоялась специальная научно-практическая конференция под названием "Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России". С таким же успехом французскую революцию 1789 г. можно было бы трактовать как "эксперимент", поставленный жирондистами и якобинцами во имя проверки истинности идей просветителей XVIII века. История идет неравномерно, знает приливы и отливы, новый строй устанавливается чаще всего не "с первого захода". Российские рабочие и крестьяне совершали революцию, сражались в гражданскую, а затем в Отечественную войну не "понарошку", в качестве марионеток, приводимых в движение рукою кукловодов. Они делали историю. Называть повороты истории, которые сегодня кому-то не нравятся, экспериментом "злых" (или "добрых") посторонних сил, могут люди, преследующие несовместимые с поисками истины политические цели.

Что же касается так называемых "экономических экспериментов", о которых много говорилось в определенный период советской истории, то они могут быть названы экспериментами с большой натяжкой. На определенном предприятии (реже в отрасли) директивой "сверху" разрешалось изменить определенные пункты инструкции по оплате труда, штатное расписание, порядок снабжения и т.п. Эти бюрократические игры преследовали практические цели: найти в рамках административно-директивной системы управления хозяйством, не меняя ее по существу, пути повышения производительности труда, сокращения расхода материалов и энергии, укрепления дисциплины рядовых исполнителей и повышения ответственности начальников за выполнение плана. Так нащупывались подчас полезные новшества, получившие название "починов" и внедрившихся на других предприятиях или в масштабе отраслей. Еще больше было дутых "починов", авторы которых получали, тем не менее, поощрения и обретали славу. Например, на Северском трубном заводе (Свердловская область) руководство предприятия в конце 60-х гг. по совету экономистов и социологов ввело правило, согласно которому при прогуле или опоздании на работу одного рабочего штрафовалась бригада. Несоответствие этого распоряжения КЗОТу и протесты неповинных (но оштрафованных) рабочих заставили отказаться от этого "почина". Некоторые уральские социологи тогда утверждали, что, мол, был "поставлен социальный эксперимент", открывший перспективы совершенствования коллективистских отношений в сфере труда. Но, строго говоря, это был не эксперимент, ибо общие условия производства и существо отношений в трудовом коллективе оставались теми же, что и везде. И не учеными в научных целях этот "эксперимент" был поставлен, а заводской администрацией, получившей "добро" сверху.

В большей степени отвечает понятию социального эксперимента опыт Р.Оуэна по созданию коммуны в малообжитых тогда прериях Северной Америки или эвакуацию проповедничком Джонсом членов созданной ими секты из США в джунгли Гайаны. В обоих случаях у инициаторов имелась заранее выработанная модель отношений между членами общины, которую надлежало воплотить в жизнь где-то вдали от общества, в сравнительной изоляции и тем самым проверить насколько принципы поведения, предписанные доктриной, жизнеспособны. Неудача не случайно постигла эти (и подобные) эксперименты. Наконец, в каком-то смысле экспериментом можно считать попытки "заморозить" сложившиеся исторические формы отдельными

группами, которые самоизолируются, например уходят, как русские староверы, в таежные просторы, строя там скиты и создавая новые поселения, по возможности ограничивая их общение с внешним миром.

Эти, поставленные самой историей "эксперименты" достойны пристального внимания не только этнографов и историков, но и социологов, равно как изучение быта отсталых племен, сохранившихся в дебрях Новой Гвинеи или где-то еще в конце XX века. Но к собственно научному эксперименту изучение исторических реликтов, пока их еще не "засосал" и не "растворил" поток развития общечеловеческой цивилизации, да и сам процесс "растворения", проходящий, как правило, чрезвычайно болезненно, вплоть до гибели или полной деградации данных общностей, не имеет прямого отношения. Они являются объектом научного наблюдения, их изучение дает неоценимый материал для познания законов общественного развития, а в ряде случаев для выработки рекомендаций по управлению обществом. Продуманные научные рекомендации необходимы в отношении малых народов Севера, которые вследствие разрушения привычных условий хозяйствования и образа жизни, поставлены перед угрозой вымирания. В 1994 г. эта опасность усугубилась из-за срыва снабжения северных территорий Сибири и Дальнего Востока.

Итак, определение социологии как эмпирической науки, независимо от желания авторов, принижает значение социологии теоретической. Определение социологии как науки экспериментальной, независимо от желания авторов, принижает значение научного наблюдения как основного метода познания в эмпирической социологии. В обоих случаях вопрос об уровнях познания и их взаимосвязи остается "за бортом", а он чрезвычайно важен для понимания структуры социологии, как науки.

УРОВНИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ. Рассмотрению этого вопроса применительно к социологии следует предпослать философское замечание. В каждом понятии существуют в слитном виде отвлечение (абстрагирование) от частных, особенностей, присущих каждому из предметов, явлений данного ряда и обобщение, в котором отображается общее, реально присущее всем предметам, явлениям этого ряда. Научные понятия отличаются от понятий обыденного мышления более высокой степенью абстракции и обобщения.

В ходе развития науки существующие понятия приспосабливаются к более глубокому содержанию и возникают новые, усложняются и

разрастается система понятий, присущая каждой области знания. Развитие научного познания является восхождением от незнания к знанию, от знания менее полного к знанию более полному. Цель науки - познание сущности явлений и поэтому процесс ее исторического развития может быть представлен как переход от познания сущности (а тем самым законов, которые суть отношения между сущностями, существенные отношения) n порядка к сущности $n + 1$ порядка, и так без конца, ибо границ познания: ни в мире, ни в мышлении человека не существует¹⁷.

На каждой данной ступени своего развития наука представляет собою иерархическую систему, объединяющую различные уровни познания, которые тесно связаны между собой и взаимодействуют в процессе добывания нового знания. Эмпирическое наблюдение часто рассматривается как низший уровень теоретического знания. Это "ходячее" представление является, на наш взгляд, весьма упрощенным. Действительно, чтобы провести научное наблюдение надо использовать арсенал не только технических средств, созданных на основе теории, но и в процессе осмысления фактов использовать различные по происхождению понятия: взятые непосредственно из житейской практики понятия обыденного мышления; понятия общенаучные, например, математические; понятия из близких, пограничных областей знания; понятия теоретического характера данной области знания; наконец, понятия (категории) философские. Например, при эмпирическом измерении зависимости между уровнем доходов населения и показателем удовлетворенности жизнью, а это весьма типичная задача эмпирической социологии, никак не обойтись без понятий "лучше" и "хуже", взятых из обыденного сознания; без шкалы измерений, без количественных показателей и математической обработки данных; без таких понятий, как доход, уровень жизни, прожиточный минимум и т. д., разработанных экономической наукой; принятия тех или иных критериев различий между социальными группами, предлагаемыми теоретической социологией; наконец, без определения понятия "удовлетворенность жизнью" - категории, которая должна быть интерпретирована на основе философской теории ценностей. Социологу приходится также исходить из определенного понимания таких философских категорий, как субъект и объект, признавать либо не признавать независимое существование объекта исследования и способность нашего мышления более или менее точно отобразить реальное состояние объекта.

Эмпирическое исследование часто представляют в качестве исходного, "низшего" уровня познания в социологии. Это верно в

том отношении, что теория строится на основе опыта, эмпирии. Но это вместе с тем неверно, так как эмпирическое исследование всегда исходит из существующих теоретических представлений, служит целям их проверки и одновременно обобщения. Но если условно принять эмпирические (конкретные) исследования за первый уровень, то, в процессе восхождения от конкретного к абстрактному следующим, вторым уровнем выступают частные социологические теории получившие название "теорий среднего уровня". Они возникли в связи с дифференциацией социологических исследований, которая шла в двух основных направлениях: а) по сферам, областям человеческой деятельности. Так появились: социология труда, досуга, семьи, образования; б) на стыке с другими науками: политическая социология, экономическая социология, социолингвистика, социознология и т. д., и т. п. Наряду с ними возникли также такие направления социологических исследований, которые подчас относят к теориям "среднего уровня", например, теория общественного мнения, социальной структуры.

Мы полагаем, что изучение общественного мнения является необходимым компонентом практически любого социологического исследования, поскольку без него нельзя выяснить существенную компоненту "субъективного" фактора, которые социология обязана сопоставить с фактором объективным, выясняя их взаимную обусловленность. Аналогичным образом, в социологическом исследовании любой сферы общественной жизни приходится, так или иначе, исходить из определенных представлений о делении общества на группы и слои, т.е. о его социальной структуре.

Вот почему, на наш взгляд, теории общественного мнения и социальной структуры неправомерно относить к "теориям среднего уровня". Они принадлежат общей социологической теории, призванной ответить на вопрос об отношении общественного сознания (в т.ч. "мнений") к общественному бытию, равно как на вопрос о критериях деления социума на группы и характере связей между ними.

Общая социологическая теория, о предмете которой будет сказано далее, оказывается, таким образом, следующей ступенью восхождения от конкретного к абстрактному. Попытка свести воедино указанные ступени нашла выражение в формуле о "трехуровневой" структуре социологического знания. Речь идет только об одном "срезе" этой структуры, который можно было бы условно назвать "вертикальным". Не менее важен и другой срез -

"горизонтальный", т.е. членение науки по областям исследования, о чем кратко уже было сказано выше.

"Трехуровневая" схема, как всякая схема, условна. Само это название - прямое следствие введения термина "теории среднего уровня" (Р.Мертон). Уровней можно насчитать не три, а больше, поскольку иные теории "среднего уровня" сами имеют несколько уровней абстракции. Далее, первым уровнем обычно называют эмпирическое исследование. Однако некоторые социологи отмечают, что методика социологических исследований сама имеет солидную теоретическую надстройку. Например, С.Михайлов посвятил книгу "теории эмпирического социологического исследования"¹⁸.

Центральным вопросом для рассматриваемой схемы является не подсчет числа уровней между общим и единичным, а вопрос о характере связи специальных теорий ("среднего уровня") с общей теоретической социологией.

Нам уже приходилось высказывать в печати несогласие с Р.Мертоном в понимании характера этой связи. "Общие социологические системы теории, - писал Мертон, - такие, как исторический материализм Маркса, теория социальных систем Парсонса и интегральная социология Сорокина - представляют скорее общие теоретические интерпретации, чем строгие и "тугостянутые" системы, рассматриваемые в поисках общей теории в физике... Как результат, многие теории среднего уровня совместимы с многообразием систем социологической мысли"¹⁹.

В этом высказывании справедливо указано на не "жесткий" характер связи общей теории в социологии сравнительно с физикой и предусмотрительно говорится о "многих" теориях среднего уровня, совместимых с различными общетеоретическими системами, а не об этих теориях "вообще". Действительно, связь специальных теорий с общей теорией в социологии менее "тесна", чем в физике. Но, нам представляется, она характерна не для некоторых, а для всех специальных теорий. Чем более полно разработана специальная социологическая теория, тем, вообще говоря, теснее в своих основных посылках и выводах смыкается она с общей теорией. Так, А.Г.Харчев отмечал, что социология семьи, базирующаяся на теоретическом наследии Маркса, должна изучать семью как целостное социальное явление, "во-первых, с точки зрения ее общности с другими социальными явлениями, во-вторых, с точки зрения ее специфики, в-третьих, с точки зрения закономерностей и перспектив ее развития"²⁰. Последовательное проведение данной точки зрения в социологии семьи предполагает выяснение закономерностей ее историчес-

кого развития, что вполне естественно вытекает из теории исторического материализма Маркса, но плохо сопрягается с теорией структурного функционализма Парсонса.

Возражения против "трехуровневой" схемы описания структуры социологии в нашей литературе подчас определялись не научными соображениями, а желанием "отгородиться" от марксовской теории исторического материализма. Ныне, когда необходимость играть в прятки отпала, эта мысль выражена вполне откровенно А.Г.Здравомысловым в статье, претендующей на обобщение исторического пути, пройденного социологией в России. Мы не будем здесь касаться многочисленных натяжек и фактических неточностей, равно как авторской нескромности. Приведем фрагмент, касающийся рассматриваемого вопроса: концепция трехуровневой структуры социологии выдвигалась, якобы, для "обоснования разделения труда" в этой области знания: сбор эмпирического материала ограничивается рамками прикладной социологии, право же на его обобщение и интерпретацию делегируется "научному коммунизму" или "историческому материализму", которые, благодаря такому распределению функций, выполняют роль более высоких инстанций в системе идеологического контроля". Автором выделены всего две ступени: эмпирия, прикладные исследования, которыми, якобы, милостиво "разрешали" заниматься социологам без "права на обобщение", которое закреплялось за "инстанциями". Что касается социологов, то их деятельность, по Здравомыслову, проходила "в рамках жесткого отделения от философствования и перехода на чисто информационный характер опросов"²¹. Достаточно просмотреть комплект журнала "Социологические исследования" с № 1 в 1974 до сер. 80-х гг., чтобы убедиться в противном: в эмпирических материалах, как правило, содержались теоретические обобщения разного уровня, а по теоретическим вопросам журнал постоянно проводил дискуссии, в которых участники выступали с самых различных позиций. С другой стороны, в отечественной социологии (в соответствии с "директивным" духом эпохи) связь уровней социологической теории трактовалась упрощенно и огрубленно, поскольку истину предписывалось искать только в теории Маркса. Связь общей теории в социологии с теориями "среднего уровня" и тем более с частными выводами, которые непосредственно обобщают материалы эмпирических исследований, является "многоступенчатой", со многими "степенями свободы" в каждом узле, связующем эти ступени. Но сложность и многоступенчатость связи не означает ее отсутствия и, тем более, не дает основания для нигилистического отношения к общей теории.

Между тем в социологии конца нашего века наблюдается известный поворот в сторону потери интереса к таковой.

Эта волна с особой силой дает о себе знать в России середины 90-ых гг. и связана с потерей ориентиров в обществе. Весьма показательна в данном смысле статья известного специалиста по методике конкретно-социологических исследований Ф.Э.Шереги в главном академическом журнале РАН: "Гносеологический кризис в социологии: от теологии к мифотворчеству". Автор исходит из неспособности социологии у нас и за рубежом "строить валидные прогностические модели" и делает вывод о "гносеологическом кризисе социологии". Ранее, по его мнению, господствовала "теологическая парадигма", ныне ее сменяет "мифологическая парадигма", которая предлагает опираться на эмпирию, но на деле ничем не лучше первой. Претензии новой парадигмы на "научную объективность" автор отвергает напрочь, выдвигая ряд пунктов "обвинительного заключения". Среди них находим "полицентричность", т.е. наличие разных школ и "теорий среднего уровня" и "доминирование социальной роли личности при сборе информации"²². Однако разные теоретические направления в социологии всегда были и есть; да и не только в социологии, историческая наука и политическая экономия в этом смысле столь же "полицентричны". Что же касается "роли личности при сборе информации", выше уже говорилось о том, что имеются удостоверенные методикой способы свести субъективный момент при опросах, а затем при обработке полученных данных до минимума. При этом предполагается, что надо стремиться к достижению объективного знания, а не пытаться а priori провозглашать его принципиальную недостижимость, апеллируя к Юму либо Канту, К.Попперу либо даже к Н.Бору. Отказ от марксизма поощряется правящими кругами и средствами массовой информации, но никакой иной общей теории в общественном знании, которая овладела бы умами, на российском горизонте пока не видно (подробнее об этом в следующем очерке). Но без общей теории ни одна мало-мальски развитая наука обойтись не может, и к социологии это вполне приложимо.

О ПРЕДМЕТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ. Необходимость опоры на общетеоретическую концепцию дает о себе знать в полной мере при определении предмета науки. Мы уже приводили выше характеристику предмета социологии А.Г.Здравомысловым, отмечавшим некие общие черты в отраслях социологического знания; последние существуют как бы сами по себе. Нам подобный "всеиндуктивистский" подход представляется неплодотворным. В его основе лежит отрицание либо

недооценка общей теории. Между тем определение предмета науки принято давать по предмету *общей теории* (или теорий), которые на данном этапе ее развития определяют "лицо" данной науки и направление исследований во всех частных ее областях, разделах, относительно самостоятельных наук.

В качестве примера можно привести определение предмета физики, данное в статье акад. А.Н.Прохорова в Большой Советской Энциклопедии: "Физика - наука, изучающая простейшие и вместе с тем наиболее общие закономерности явлений природы, свойства и строение материи и законы ее движения"²³. Далее в этой статье рассматривается изменение предмета теоретической физики в ходе ее исторического развития в последние столетия, что достигается указанием на фундаментальные теории, которые определяли лицо этой науки: от классической механики Ньютона в XVIII веке до теории относительности и квантовой механики в XX веке. Заметим, что новая ступень в развитии фундаментальной теории не отвергает предыдущие, как бы "надстраиваясь" над ними, "вбирая" ее в себя, как сравнительно упрощенный подход или граничный случай.

В качестве "теорий среднего уровня" можно взять любой раздел современной теоретической физики, изучающей определенную природную среду. Так, физика твердого тела основывается на классической механике, термодинамике, электромагнитной теории Максвелла, квантовой теории, поскольку в этом объекте исследования (так же как в физике атмосферы, физике плазмы и т. п.) специфическим образом "сплетаются" механические, тепловые, электромагнитные, ядерные и другие фундаментальные процессы. Следующий за нею уровень - физика металлов, поскольку металл суть особая разновидность твердого тела, обладающая многими только ему свойственными закономерностями. И та, и другая могут быть с полным правом названы "теориями среднего уровня" или особыми физическими науками, но они находятся в отношении субординации, т.к. первая является более общей, чем вторая. То же самое имеет место в биологии. Так, зоология делится на зоологию позвоночных и беспозвоночных, а орнитология и энтомология, как науки о птицах и о насекомых, суть более частные науки, поскольку на основе знания общих законов строения позвоночных и беспозвоночных они изучают особые законы строения птиц и насекомых.

Стало быть, определение науки по ее высшему теоретическому уровню не означает какого бы то ни было пренебрежения, "ущемления" нижележащих уровней теоретического знания и эмпирического исследования. Согласно диалектике, общее содержит

в себе имплицитно особенное и единичное, но не целиком, не полностью, но лишь общие сущностные их черты. Так обстоит дело в объективной реальности и в нашем мышлении, поскольку оно верно ее отображает.

С учетом этих необходимых предварительных замечаний и критического рассмотрения односторонних определений предмета социологии, подойдем к решению поставленной в данном параграфе задачи. Последуем примеру П.Сорокина и Н.Смелзера: начнем с исходного определения, чтобы затем развернуть его с помощью ряда дополнительных тезисов. Отправной точкой может быть взята формулировка, данная в "Лекциях" Ю.А.Левады с позиций структурного функционализма, но исправленная в двух отношениях: снимем ограничение эмпирией и добавим указание на необходимость познания сущности (законов), ибо такова задача любой науки. В итоге получим, что социология - наука о законах функционирования и развития социальных систем. Но данное определение, в свою очередь, односторонне и недостаточно, оно требует конкретизации в нескольких отношениях.

Во-первых, и это, пожалуй, главное, структурный функционализм, в числе прочих его недостатков, рассматривает социальную систему прежде всего с позиций сохранения ее стабильности, сводя противоречия и конфликты к "дисфункциям", которые преодолеваются действием заложенных в системе механизмов. Другое важнейшее направление в социологии второй половины XX века - социология конфликта - обращает основное внимание на противоречия, конфликты, обуславливающие не только нормальное функционирование социальной системы, но и процессы ее изменения, развития. Ограниченность "конфликтологии", как она предстала в трудах Л.Козера, Р.Дарендорфа и других западных социологов в 50-ые гг. нашего века, в том что указанное развитие понималось как эволюционное.

Объединить эти две концепции можно только принятием более общей концепции, в которой эти две будут наличествовать в "снятом", как говорил Гегель, виде. Нам представляется, что формула Гегеля о законе единства и "борьбы" противоположностей, рассматриваемая им в качестве всеобщего закона бытия и мышления, может служить философской основой для объединения тезисов о стабильности социальной системы и ее изменчивости, развитии, источником которого выступают внутренние для нее, а также внешние (с другими системами) противоречия. Конфликт - суть не что иное, как особая форма противоречия, и этому вопросу мы уделим должное внимание в одном из последующих очерков. Применительно же к определению предмета со-

циологии следует к приведенной формуле добавить: процессы функционирования и развития социальных систем совершаются через возникновение и разрешение внутренних и внешних противоречий.

Во-вторых, требует конкретизации тезис об изучаемых социологией законах. Это прежде всего законы взаимодействия различных сторон, областей жизни общества (экономика, политика, право, мораль, религия и т.д.) и составляющих его общностей (социально-классовых, социально-демографических, этнических и т.д.). В очерке о социальной структуре мы развернем эти положения. И, далее, это взаимосвязь и взаимодействие общественного сознания и общественного бытия, материальной и духовной сторон в деятельности людей, которое как бы пронизывает все указанные выше области общественной жизни. Так, в хозяйственной деятельности наличествуют духовные (мысли и чувства) мотивы, идеальные цели, а религия, которая есть прежде всего область духовного, не может обойтись без культовых церемоний, обрядов, специально созданных предметов и других материальных действий и их результатов.

Социология рассматривает законы жизнедеятельности общества, общие для различных типов социальных организмов. Она имеет своим предметом не только современные, доступные сегодняшнему эмпирическому исследованию различные системы общественного устройства, но и системы прошлого. При этом необходимо сочетание "формационного" и "цивилизационного" подходов. В обоснованном Марксом "формационном" подходе за основу взято различие способов производства материальных благ. Этот подход, безусловно, еще не раскрыл всех заключенных в нем возможностей. Это касается как минувших эпох (например, вопроса об "азиатском способе производства"), так и вырисовывающегося в конце XX века нового способа производства, идущего на смену "классическому" капитализму. Спор о "постиндустриальном" ("информационном", "технотронном" и т.д.) обществе, о соотношении в нем элементов монополистического капитализма и государственного социализма можно считать только начавшимся, будущее покажет. Наконец, представляется неизбежным изменение характера связи современного общества с природой перед лицом растущей угрозы истощения естественных ресурсов планеты.

"Цивилизационный" подход должен сочетаться с "формационным", поскольку в крупных регионах (Западная Европа, Китай, Россия и т.д.) на основе примерно одинакового уровня технологического развития выросли экономические си-

стемы, обладающие значительными особенностями; политическое и культурное разнообразие оказывалось еще более существенным. В дискуссии о соотношении социологии и истории (исторической науки), которая проходила в АН СССР тридцать лет назад, цивилизационные особенности трактовались как некие "исторические законы", причем это понятие осталось достаточно неопределенным. Именно особенности развития той или иной страны, раскрываемые исторической наукой в их развертывании через события и лица, трактовались как "исторические законы". Но законы суть общее и повторяющееся, поэтому предполагают наличие (и обнаружение!) общих черт в развитии по крайней мере ряда стран и народов²⁴.

Итак, при изучении общих законов строения и функционирования социальных систем, в поле зрения социологии должны находиться важнейшие особенности социально-экономических формаций и цивилизаций различного типа.

В-третьих, развитие не может осуществляться иначе как через функционирование, через циклы воспроизводства данных общественных отношений. Тем не менее законы развития социальных систем не могут быть отождествлены с законами их функционирования, тем более, что развитие это не только эволюция в пределах данного социального организма при сохранении его основных особенностей, но и превращение из одного качественного состояния в другое, иначе говоря, коренная перестройка социального организма. История знает и случаи гибели данного социального организма, например, в результате завоевания, когда на его обломках складывается новый общественный строй. Именно такого рода качественные превращения имел ввиду Маркс, говоря об "эпохе социальной революции". Заметим, что в отличие от многих своих последователей, Маркс был далек от отождествления качественного изменения социальной системы и политической революции. Если в ряде стран Западной Европы переход от феодализма к капитализму был связан с политической революцией, иногда и не одной, то в Японии это превращение произошло в ходе реформ, получивших название "Мэйдзи исин"; в русском переводе оно подчас именовалось "революцией Мэйдзи", хотя слово "исин" означает скорее "обновление". Думается, что вопрос о переходе от капитализма к социализму после происшедшего в России 90-ых г.г. "обратного" переворота требует осмысления по-новому; это выходит за рамки настоящего очерка.

Переходя к вопросу о разграничительных линиях между социологией и другими общественными науками, отметим, что

большинство последних изучает отдельные стороны общественной жизни (экономику, политику, искусство, право и т.д.), в то время как социология изучает общество в целом, "социум" как таковой, во взаимосвязи всех областей, сторон общественной жизни. Это общеизвестно. Трудности возникают не при разграничении с этими науками общей теоретической социологии, а социологических теорий "среднего уровня", возникших на пограничье с многими из них. Заметим, что это не касается всех "теорий среднего уровня", например, социологии семьи, чей объект изучения представляет ячейку общества, в которой сплелись экономические, нравственные, правовые, а подчас и политические факторы, но в полной мере касается "экономической социологии", "политической социологии", "социологии религии", "социологии культуры" и т.д. Различие состоит в том, что соответствующая "социология" при изучении экономических, политических, религиозных, культурных и т.д. процессов рассматривает их с позиций общей теоретической социологии, а это значит: а) соотносит субъективные стороны (мнения, настроения, поведение в данной сфере жизни) с объективными, обуславливающими мысли, чувства, поведение субъектов социального процесса; б) в связи со всеми другими сторонами жизни и деятельности субъектов общественной жизни. Эти особенности отраслей социологического знания могут быть инстинктивно нащупаны социологом - эмпириком, применяющим "свои" методы исследования, но лучше, если они осознаются "на берегу", т.е. до того, как начаты исследовательские процедуры.

Наконец, остается еще один, возможно, наиболее сложный вопрос: о различении общей теоретической социологии и социальной философии (философии истории). Отгораживание социологии от "истмата", понимаемого как философия истории либо социальная философия, была характерна для известной части социологов в СССР на протяжении весьма длительного периода - и об этом подробнее в третьем очерке, посвященном проблеме "Социология и власть". В последнем счете виной этому была вульгаризация марксизма, в том числе теории исторического материализма, принявшая в нашей стране официальное освящение.

Иным образом рассуждают виднейшие социологи на Западе. Уже упоминавшийся выше Н.Смелзер считает теорию Маркса основополагающей для одного из двух основных направлений теоретической социологии - теории конфликта, полагая, что начало второго направления - структурно-функциональной теории положено Спенсером и Дюркгеймом. Виднейший французский социолог Р.Арон в своей книге "Этапы развития социологической

мысли" дает портреты семи выдающихся мыслителей, в том числе Маркса. По вопросу о связи и различии социологии и социальной философии Арон замечает: "Скажем, что речь идет о социальной философии относительно нового типа, о способе социологического мышления, отличающемся научностью и определенным видением социального, о способе мышления, получившем распространение в последней трети XX в."²⁵. Разграничение социологии с философией истории вроде гегелевской, в которой истории навязывалась "сверху" определенная умозрительная схема, достаточно очевидно. Стоит в этой связи напомнить оценку философии истории, данной Ф.Энгельсом еще в 1886 году²⁶. Что же касается социальной философии в ее современном понимании, то грань между нею и теоретической социологией действительно оказывается не абсолютной, размытой.

Мы попытались бы определить эту грань следующим образом. Макросоциология связана с микросоциологией, поэтому при характеристике социальной системы определенного типа она склонна оперировать обобщенным эмпирическим материалом, притом не только результатами опросов, они не всегда возможны, но и статистикой, а также архивными документами, свидетельствами очевидцев, трудами ученых, если речь идет о прошлых эпохах. Маркс при исследовании первоначального капиталистического накопления, Вебер при изучении исторической связи протестантской этики и развития буржуазных отношений, Дюркгейм при обращении к "коллективному бессознательному" в жизни первобытного племени, Ленин при описании процесса возникновения капитализма в России и т. д. стремились опереться на всю совокупность доступного эмпирического материала. С другой стороны, философское осмысление истории и отдельных ее отрезков, предвидение хотя бы ближайшего будущего места социальной системы данного типа в истории человечества во всемирном масштабе предполагает выяснение общей линии его развития в связи с историей Земли и Космоса.

Во всяком случае это различие пролегалает совсем не там, где его пытаются найти теоретики, рассматривающие соотношение общественного бытия и общественного сознания как привилегию социальной философии, в отличие от социологии, в том числе макросоциологии, — т.е. общей теоретической социологии. Рассмотрение вопроса о связи социологии с философией будет продолжено в следующем очерке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 8-13.
2. *Смелзер Н.* Социология. М., 1994. С. 659, 18-21.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 7.
4. См., например: *Рутгайзер В.М.* Социальная сфера. Проблемы планирования. М., Экономика, 1989; Социальная сфера и преобразование условий труда и быта / Под ред. В.Н.Иванова. М., Наука: 1988.
5. См. об этом: *Руткевич М.* Диалектика и социология. М., Мысль: 1980. Гл. IV, § 1.
6. Социол. исслед. 1990. № 2. С. 12 и далее (*подчеркнуто мною - М.Р.*).
7. *Вопр. философии.* 1986. № 8. С. 68 и далее.
8. *Иванов В.И.* Социология сегодня. М., 1989. С. 12 (*подчеркнуто мною - М.Р.*).
9. *Правда.* 1983. 23 сент. С. 3.
10. *Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова.* 5 -е изд. М., 1987. С. 374.
11. *Словарь социологических терминов.* Варшава, 1991. С. 35.
12. *Философская энциклопедия.* М., 1970. Т. 5. С. 77.
13. *Ядов В.И.* Социология перестройки и перестройка социологии // *Известия.* 1990. 23 мая (*подчеркнуто мною - М.Р.*).
14. См., например: *Руткевич М.* Диалектический материализм. М., 1973. С. 209-211.
15. *Левада Ю.А.* Лекции по социологии. М., 1969. С. 5. (*подчеркнуто мною - М.Р.*).
16. *Моделирование социальных процессов.* М., 1970. С. 18.
17. См., например: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136, 158 и др.
18. *Михайлов С.* Эмпирическое социологическое исследование. М., 1975. С. 40.
19. *Merton R.* On Theoretical Sociology: Five Essays, Old and New. N. Y., 1949. P. 68.
20. *Харчев А.Г.* Семья и брак в СССР. М., 1964. С. 12.
21. *Здравомыслов А.Г.* Социология в России // *Вестн. РАН.* 1994. № 9. С. 794 и др.
22. *Шереги Ф.Э.* Гносеологический кризис в социологии // *Вестн. РАН.* 1994. № 9. С. 794 и др.
23. *Большая Советская Энциклопедия.* Т. 27. С. 337.
24. См.: *Социология и история.* М., Наука: 1963.
25. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 26.
26. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 316 и др.

ОЧЕРК ВТОРОЙ

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Человеческое общество представляет собою высшую форму движения материи на нашей планете, появившуюся в результате длительного процесса ее саморазвития. Оно выросло из природы и является частью природы, понимаемой как мир в целом. Уже поэтому теоретическая социология должна опираться на определенные философские представления, поскольку именно философия издревле пытается ответить на вопросы о сущности мира, месте человека с его сознанием в мире. При чтении предшествующего очерка читатель мог заметить, что в определении предмета социологии мы исходили из философии диалектического материализма или, что то же, материалистической диалектики. Это философское воззрение возникло в середине прошлого века как творческий синтез всего предшествующего развития германской и мировой философской мысли и связано с именами К.Маркса и Ф.Энгельса. Последующий полуторавековой прогресс естествознания и общественной мысли не только подтвердил основные положения философии марксизма, но, на наш взгляд, позволил также их существенным образом развить.

В России теория Маркса в конце XIX - начале XX века получила среди интеллигенции очень широкое распространение. В.И.Ленин тогда иронически заметил, что "не клянется марксизмом только ленивый". После Октябрьской революции 1917 года на протяжении десятилетий марксизм (включая философию) стал официальной партийно-государственной идеологией. Философия Маркса пропагандировалась и изучалась, однако, в вульгаризированном виде, который придал ей Сталин в очерке "О диалектическом и историческом материализме", вошедшем в качестве параграфа в "Краткий курс истории ВКП(б)". После Сталина в период "хрущевской оттепели" и последующие десятилетия философия диалектического материализма, как часть марксизма наиболее удаленная от требований идеологического освящения политики, получила в СССР существенное развитие, в

частности, благодаря плодотворному сотрудничеству философско-профессионалов с учеными-естествоиспытателями.

В результате происшедших с середины 80-ых г.г. коренных изменений, последовавшего затем распада Союза, начавшейся в России реставрации капиталистических порядков марксистская теория стала объектом благословляемой свыше ожесточенной критики, сопровождаемой прямой ее фальсификацией. В конце XX века критиковать и даже просто поносить марксизм, возлагая на него вину за все отрицательные стороны советского периода истории страны, стало в России такой же модой, как в начале века превозносить его.

Но при этом ни одного существенного аргументированного нового возражения против основных положений диалектического материализма выдвинуто не было. В нынешней критике варьируются давние нападки, несостоятельность которых была в свое время доказана самими Марксом и Энгельсом, Лениным, Плехановым и многими другими философами этого направления. Сказанное полностью относится и к теории исторического материализма, т.е. социальной философии Маркса, в которой общие положения диалектики и материализма конкретизированы применительно к пониманию человеческого общества, процессам его функционирования и исторического развития. О современных критиках исторического материализма, выступающего одновременно как социальная философия и макросociология марксизма, речь будет идти далее.

Здесь же представляется необходимым сделать замечание принципиального порядка. На наш взгляд, связь между основными составными частями теории Маркса не следует упрощать, называя теорию Маркса "вылитой из единого куска стали" и т.п.

Систематизация марковского учения, данная Энгельсом в "Анти-Дюринге" (прочитанном и одобренном в рукописи Марксом), где философия, политическая экономия и научный социализм рассматриваются как три "составные части" марксизма, не устанавливала между ними строгого иерархического соподчинения. Нам представляется, что связи между ними могут быть уподоблены шарнирным узлам, которые обеспечивают известную подвижность скреплений и наличие в каждом узле определенных степеней свободы. Ленину, как теоретику и революционеру-практику одновременно, выведение тезиса о диктатуре пролетариата непосредственно из политико-экономического учения о прибавочной стоимости и даже из положения о первичности общественного бытия могло подчас казаться логически стройной цепочкой. На наш взгляд, можно быть приверженцем материали-

стического и диалектического понимания природы и общества и вместе с тем полагать, что гармонизация отношений человечества с природой на путях устойчивого развития и преодоление тем самых обостряющихся противоречий между "золотым миллиардом", т.е. населением стран высоко развитых и хищнически использующих основные ресурсы планеты, и остальным человечеством, то есть большинством народов Земли, не предполагает своим обязательным условием установления диктатуры, т.е. неограниченной законом политической власти людей наемного труда в развитых капиталистических странах. Тезис Маркса насчет неизбежного абсолютного обнищания пролетариата в этих странах не подтвердился: уже к концу XIX века правящие классы сочли благоразумным обеспечить классовый мир за счет использования достижений науки в производстве, использования естественных богатств и выжимания сверхприбылей из населения "третьего мира".

Мы полагаем, что заслуживают дискуссии и более капитальные вопросы политической экономии Маркса. Так, если владелец капитала выступает в качестве организатора производства, а тем самым составной части "совокупного работника", то вся ли прибыль должна рассматриваться как превращенная форма прибавочной стоимости? Где тут граница, отделяющая эксплуатацию и прибавочную стоимость от вознаграждения по труду? Она, безусловно, существует, но колеблется в зависимости от изъятия части прибыли через налоги, используемые государством для поддержания минимума зарплаты (пять долларов за час в США), пособий по безработице, вообще на так называемые "социальные цели". Данный вопрос заслуживает специального обсуждения экономистов и социологов, мы здесь ограничимся указанием на его существование. Еще более важным представляется вопрос о том, насколько был неправ В.Петти, называя природу матерью богатства, а труд его отцом? Не может ли владение естественными богатствами оказаться постоянным источником дохода не только для шейхов в странах Персидского залива, но и всего арабского населения Кувейта и других стран этого региона? Не используется ли хищнически этот источник богатства ныне Западом, компрадорской буржуазией и российским руководством в стараниях не допустить в России социального взрыва?

Мы оставляем эти и многие другие вопросы теории социализма и политической экономии в стороне, поскольку они выходят за рамки нашей темы, да и автор не считает себя в них специалистом.

Основные положения диалектического материализма (в том числе его социальная философия) нашли подтверждение и дальнейшее развитие на основе обобщения достижений естествознания и технического прогресса, а также теоретического осмысления социальных катаклизмов XX века.

Диалектика как учение о всеобщей связи получило конкретизацию в теории систем ("системный анализ"), в теории информации и теории управления. Диалектика как учение о развитии обогатилась, поскольку смогла опереться на представления об эволюции Метагалактики, на идеи синергетики о возникновении порядка из хаоса, на учение Вернадского об эволюции Земли. Ядром диалектики является идея противоречия, как движущей силы развития. Раскрытие противоречий между основными видами взаимодействия в микромире и в космических процессах, революции и мировые войны, противоречия "двух систем", а также развитых стран и стран "третьего мира", конфликты между классами, этническими группами, государствами убеждают любого непредвзятого исследователя, что противоречия определяют движение материи вообще и развитие общества, в частности.

Материалистическое мировоззрение, объясняющее природу как движущуюся по объективным законам материю, а наше познание как процесс бесконечного приближения к истине, празднует свои победы с каждым новым великим открытием физики, астрономии, биологии, физиологии. Тезис диалектического материализма об отражении мира в сознании человека, об обусловленности его практикой и обобщении этой практики за счет воплощения творческих замыслов человека, находит подтверждение в неисчерпаемости научно-технического прогресса. Другое дело, что его последствия, как мы убеждаемся, могут быть не только позитивными, но и нести в себе угрозу для самого существования человечества на Земле. Не менее наглядно творческий характер мышления находит выражение в поисках новых форм общественных отношений, в движении от индустриального общества к постиндустриальному.

После этой поневоле краткой характеристики философии марксизма¹ обратимся к тем возражениям против основных идей этой философии, исходящих от современных ее критиков, естественно, в той части, которая касается понимания общественной жизни. Наше внимание будет сосредоточено не на взглядах традиционных противников диалектического и материалистического понимания истории, которых и на Западе, и у нас всегда было в достатке, обратимся к аргументации, исходящей от людей, которые не далее, как вчера, были ревностными сторон-

никами философии марксизма, а ныне "в одночасье" обнаружили в ней не только погрешности и устаревшие отдельные положения, но и полную непригодность для нашего времени. Полемика с такого рода людьми для России 90-ых гг. весьма актуальна. В большинстве они знают предмет, о котором берутся судить, ибо получили научную подготовку в советское время, а иные были даже "законодателями мод" в толковании трудов Маркса и Ленина, занимая высокие посты в партийной иерархии.

Общей чертой современной критики исторического материализма является использование традиционного приема: марксизму приписывается экономический детерминизм, т.е. непосредственное выведение тенденций, логики политического и идеологического развития из тенденций, логики экономического развития, иначе говоря, редуцирование всех явлений общественной жизни к их экономической основе - вопреки многократной опосредованности их связи с хозяйственными отношениями и наличию обратной связи, т.е. воздействию политики и идеологии на экономику. Сражение выигрывается с вымышленным противником. На деле Маркс не имеет ничего общего с истолкованием его воззрений в духе экономического детерминизма. В связи с веяниями такого рода еще в 70-ые гг. прошлого века он иронически заметил: "я знаю только одно, что я не марксист"².

Некоторые критики "работают" грубо, топорно, не затрудняя себя обращением к подлиннику или поисками аргументов. Например, Р.В.Рывкина утверждает: "... примитивный, упрощающий человека марксистский тезис: "Экономическое бытие определяет сознание"³. Видимо, Рывкина либо когда-то читала Маркса, да не поняла, либо следует странной логике: "сначала говорить, а потом думать"; не хотелось бы предполагать, что имеет место преднамеренная фальсификация. Общественное бытие - по Марксу - это вся материальная, практическая деятельность людей, которая включает в себя (в качестве основной) добывание и потребление материальных благ, но отнюдь не сводится к этому. Так, воспроизводство рода и воспитание потомства имеет хорошо известную материальную основу, без которой дети на свет не появляются, да и после рождения их надо еще вынуждать.

Обратимся к авторам более серьезным, которые предъявляют аргументы. Поскольку в теоретическом споре важны не эмоции, а именно аргументы, мы воздержимся от морализирования; представляя на суд читателя "холодные наблюдения ума", мы оставим за кадром "горестные заметы сердца"⁴.

ПОИСКИ "ПАРИТЕТА". Один из вариантов таких поисков был предложен В.Д.Поповым, тогда главным редактором пар-

тийного журнала, с самыми лучшими намерениями: исправить в философии марксизма "устаревшие частные положения", к которым автор отнес и... вопрос об отношении сознания к материи. В.Д.Попов согласен с тезисом о приоритете материи при решении традиционных онтологической и гносеологической сторон этого, основного вопроса философии. Но для него существует еще и третья сторона, которую он называет "социолого-гносеологической". В отличие от первых двух, автор усматривает здесь "иное паритетное отношение", ибо в данном случае сознание, якобы, "функционально первично"⁵.

Под паритетом во всех языках понимается равенство, равноправие; функционировать значит действовать. Стало быть, поскольку сознание и материя вообще, общественное бытие и общественное сознание, в частности, находятся в непрерывном движении, за словами о паритете скрывается признание сознания в указанном отношении первичным, определяющим - в отличие от первых двух сторон рассматриваемого вопроса.

Предложенная автором конструкция требует анализа. В полном согласии с естествознанием материализм рассматривает сознание как функцию мозга, как свойство особым образом организованной материи; это отношение обычно называют онтологическим. Вместе с тем наша мысль о каком-либо предмете, явлении, находясь в мозгу, вторична и по отношению к этому предмету, явлению, которое оказывает (или ранее оказывало) воздействие на наши органы чувств; данное отношение обычно называют гносеологическим. Особо следует подчеркнуть, что это две стороны одного отношения - отношения человеческого сознания к материи вообще, из которой состоят и внешние предметы и наше тело, в том числе мозг человека.

Материальное единство мира означает, что противоположность сознания и материи в *обоих* указанных выше аспектах абсолютна только в пределах данного отношения (мысль не есть мозг, мысль о предмете не есть предмет мысли), но за его пределами относительна, ибо в мире нет ничего кроме движущейся в пространстве и времени материи со всеми ее свойствами, в том числе свойством отражения, из которого в особых условиях развивается сознание. Иначе говоря, материя и сознание суть единство противоположностей, но такое единство, полюса которого неравноправны, поскольку вообще неравноправны вещь и ее свойство.

В чем же источник затруднения, испытываемого В.Д.Поповым? Следует ли социологии изобретать "свое" отношение сознания к материи? Дело в том, что автору угодно понимать под

гносеологическим отношением - созерцание, а под социологическим - деятельность. Этим он пытается вернуть философию к временам, когда материализму был свойствен созерцательный подход к процессу познания, в то время как идеализму - деятельностный (разумеется, при понимании деятельности как духовной). Это "раздвоение" было преодолено Марксом, который указал на человеческую чувственную, предметную, материальную деятельность - практику, как то посредствующее звено, которое соединяет наше мышление о предметах с самими этими предметами, одновременно изменяя их в соответствии с поставленными сознанием идеальными целями⁶.

Материальная деятельность на первый взгляд (он может оставаться и последним), действительно, может показаться простым следствием мыслительной деятельности. Структура элементарного акта практического действия такова, что его анализ проще начать с духовного мотива, и тогда "функциональная первичность" останется за бим. "В конце процесса труда, - писал Маркс, - получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель..."⁷. Однако Маркс отводит первенствующую роль во взаимодействии человека с природой и другими людьми не идеальному, а материальному фактору. Почему?

Во-первых, потому, что изучение структуры упомянутого акта с таким же успехом может быть начато с выяснения причин появления мысли, в которой ставится цель для действия. Эти причины коренятся в потребностях, начиная с базовых - в пище, одежде, жилище, и кончая потребностями высшего порядка, например, в умножении знания, создания необходимых для этого инструментов, - приборов, установок колоссального масштаба вроде синхрофазотрона и т.д.; "мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его" - замечает Ленин при чтении "Логики" Гегеля⁸.

Во-вторых, цель может быть достигнута только материальным воздействием на материальные тела, т.е. в практике, которая изменяет предметы, придавая им тот вид, который отвечает нашим потребностям. Одновременно в практике же проверяется мера истинности исходных представлений, а тем самым и представлений более общих, из которых приходится так или иначе исходить при постановке цели для действия. Практика оказывается основой познания, его целью и критерием истинности.

Не выпадает ли из этой схемы чувственное созерцание? Ничуть. Во взаимодействии человека, его органов чувств с предметами материальной среды, будь то природа в ее девственном виде, либо "вторая природа", в которой предметно запечатлено воздействие человека (а тем самым и его мысль), активная роль принадлежит человеку, его мыслям и практическим действиям. Но и природа в обеих этих ипостасях воздействует на человека, на его органы чувств. Это происходит как в процессе воздействия человека на вещи, их преобразования в соответствии с идеальными целями, так и при пассивном наблюдении, особенно за явлениями, находящимися вне нашей досягаемости, например Солнца. Однако и в этом случае познание опирается прежде всего на практику. Так, химический состав солнечной массы поступающего на Землю излучения, а затем и физическую природу происходящей в недрах Солнца ядерной реакции наука установила благодаря химическому и физическому эксперименту в земных условиях.

Однако нас здесь интересует прежде всего не воздействие людей на природу, а их воздействие друг на друга, так сказать, "стык" гносеологии и социологии. Здесь *обе* взаимодействующие стороны обладают сознанием и волей, ставят цели и преследуют их в практической деятельности, когда происходит материальная "обработка людей людьми" во всех ее формах, начиная с материнской ласки и кончая убийством себе подобных. В результате пересечения и наложения друг на друга мыслей и поступков миллионов людей и образуется тот поток общественной жизни, который подчинен своим, особым закономерностям. "Открытие" третьего "социолого-гносеологического" отношения сознания к материи возвращает нас к давно пройденному этапу развития философской мысли, а именно - к антиномии, характерной для созерцательного материализма в его попытках объяснить общественную жизнь.

Материалисты-сенсуалисты с их превознесением чувственного созерцания исходили из того, что чувства формируются под воздействием окружающей природной и социальной среды, стало быть, для того, чтобы изменить человека надо поставить его в иные условия существования. Но как это сделать? Эти мыслители, а вслед за ними и социалисты-утописты, объясняли структуру человеческой деятельности отмеченным выше самым наглядным образом, что нашло выражение в афоризме: "мысли правят миром". Первое вступает в противоречие со вторым. Разрешение этого противоречия, этой антиномии было предложено Марксом. В "Тезисах о Фейербахе" он писал: "Материа-

листическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом". Вывод Маркса таков: "Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика"⁹.

Этот философский вывод является основой для социологического анализа взаимодействия народных масс и вождей, разного рода органов управления и управляемого ими населения. Мобилизационная экономика и всевластие государства - собственника основных средств производства превращает людей в "винтиков" системы и кое-кому может показаться, что таково вообще взаимоотношение "верхов" и "низов". Но массы рано или поздно приходят в движение, просыпаются к активному историческому творчеству, властно вмешиваются в ход событий, вносят изменения в социальную систему и далее история вновь может долго раззертываться как бы по воле власть имущих. В условиях демократии избиратели могут, голосуя за программу той или иной партии и приводя ее к власти, обеспечивать время от времени проведение отвечающих их интересам реформ. Но при упрямстве и неуступчивости власти возможен переход к решительным действиям, таким как забастовки, гражданское неповиновение, демонстрации и т.д., вплоть до вооруженных столкновений.

Нежелание или неумение учесть интересы трудящегося большинства может завести имеющих власть в тупик. Примеров тому история дает бесчисленное множество. Наиболее близкий нам пример - политика российского руководства по преобразованию экономических отношений, принятая в конце 1991 года и получившая название "гайдаровской"; она продолжается поныне и привела страну к глубочайшему кризису. То, что эта политика отвечает интересам нарождающегося класса компрадоров и новой номенклатуры - несомненно. Но она не отвечает интересам подавляющего большинства населения. Промышленное производство за три года сократилось более чем в два раза, сельскохозяйственное - на треть. Разбогатели "верхние" 10%, но большинство населения оказалось за чертой "старого" прожиточного минимума, а треть отброшена за грань нищеты. Такая политика далее долго продолжаться не может, неизбежна корректировка курса реформ, которая должна будет учесть интересы трудящегося большинства,

наконец, перспективы развития. Будущее России поставлено под угрозу вследствие разрушения научно-технического, производственного, человеческого потенциала страны, роста смертности, сокращения рождаемости, резкого ухудшения здоровья населения.

Перейдем теперь к другому варианту "паритета". Взаимосвязь духовного и материального начал в деятельности людей находит продолжение во взаимосвязи различных областей общественной жизни. Это тот же и вместе с тем уже иной вопрос, поскольку структура элементарного акта деятельности в хозяйственной и политической жизни, в научной лаборатории и в мастерской художника та же, но совокупный результат сплетения материальных и духовных факторов оказывается другим. Если в хозяйственной сфере отношения между людьми в своих главных чертах ("законы экономического развития", "логика хозяйственной жизни") складываются объективно, то в сфере политики преобладающая роль принадлежит субъективному фактору. И там, и здесь на первом плане потребности, но в экономике они выступают прежде всего как материальные потребности в жизненных благах, а в политике они выступают в ином обличье - как защита интересов, как жажда власти, в науке как потребность расширения знаний о мире и т.д. Соотношение материального и идеального здесь выступает в более сложных формах и поэтому поле для выдвижения самых различных способов объяснения расширяется. Возникает искушение свести действие всех факторов к какому-либо одному или признавать взаимодействие без раскрытия характера этого взаимодействия.

Марксу принадлежит несомненная заслуга открытия решающей роли экономических отношений во всей системе общественных отношений, хозяйственного развития в истории общества. Выше уже говорилось о многочисленных трактовках материализма в социологии как "экономического детерминизма". Энгельсу в последние годы его жизни, когда марксизм получил широкое распространение, приходилось постоянно разъяснять сущность этого различия. В одном из писем этого периода читаем: "Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной, что только оно является активным, а все остальное - лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счете всегда прокладывающей себе путь"¹⁰.

Затруднения, связанные с "цитатным" использованием высказываний Маркса и его последователей в минувшие десятилетия, особенно сильно сказываются при истолковании связи

между областями общественной жизни. Чего стоит, например, дискуссия о том, что первично - экономика или политика? Цитаты одинаково хорошо использовались для доказательства обоих возможных ответов на этот вопрос. Действительно, когда речь идет об основе общественной жизни, у Ленина можно прочесть, что идея материализма в социологии была реализована Марксом "посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений - отношений производственных, как основных, определяющих все остальные отношения"¹¹. Вместе с тем Ленин неустанно подчеркивал примат политических целей в борьбе рабочего класса, а после прихода к власти - примата политики при осуществлении коренного поворота в хозяйстве, введении новой экономической политики. Ленин писал: "Политика не может не иметь первенства над экономикой" - по той причине, "что политика есть концентрированное выражение экономики"¹². Подобно тому, как потребности индивида находят выражение в идеальных целях его действия, в политике вообще, социальной и экономической политике, в особенности, находят "концентрированное выражение" экономические потребности общества, интересы социальных групп.

Время подобных дискуссий, вроде бы, миновало, но не совсем. Поклонники уже не Маркса и Ленина, а других авторитетов (Бердяева, Вебера и т.д.) пытаются, ссылаясь на мысли, высказанные ими в разное время по разному поводу, "подкреплять" авторитетом классика самые различные, подчас противоположные точки зрения. Суть дела в "способе доказательства", который нельзя признать наилучшим. Этот способ продолжают использовать в наши дни и в отношении трудов классиков марксизма, но теперь уже для того, чтобы "уличить" их в непоследовательности, противопоставлять раннего Маркса - позднему, "экономического детерминиста" Маркса - "волютаристу" Ленину и т.п. Этот же способ используется для того, чтобы ставить под сомнение материализм в теоретической социологии, о чем шла речь выше.

О "ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ" СОЗНАНИЯ И БЫТИЯ. Наряду с установлением "паритетности" общественного сознания и общественного бытия, выдвигается идея об их "дополнительности". В этом духе рассуждает, например, И.Налётов, который вдохновляется установкой о "возможности и необходимости ревизии самых фундаментальных положений материализма и диалектики". Решает автор эту задачу, апеллируя к встречающемуся у Ленина различию между "умным" и "глупым" материализмом. С той разницей, что у Ленина материализм

Маркса, обогащенный диалектикой, попадает в разряд "умных", а у Налётова в разряд "глупых", и достигается это оглушением марксизма, подведением его под "экономический детерминизм".

Проследим за ходом мысли автора. Первый шаг таков: "умный материализм не исключает возможности решения основного гносеологического вопроса в пользу идеализма в определенных случаях". Из последующего изложения явствует, что речь идет именно о тех "случаях", когда мысль ставит цель для действия, а политика опережает в этом же смысле экономику. Но автору хорошо известны и другие "случаи", а именно, отображение в идеальных целях реальных интересов личности, группы, класса, общества. Поэтому второй шаг рассуждений таков: "Отсюда следует признание неизбежности взаимодополнения этих позиций, их паритетность в сфере познания"¹³.

Таким образом, возможность и случайность "незаметно" перерастают в неизбежность "взаимодополнения". Диалектика взаимодействия духовного и материального, субъективного и объективного, политики и экономики и т.д. заменяется, во-первых, очевидной эклектикой: в одних случаях "удобнее" считать первичным одно, в других случаях - другое. Во-вторых, на сцену выступает "взаимодополнение", которое происходит как бы "на-равных": общественное сознание и общественное бытие "паритетны".

На идеи "взаимодополнения" следует остановиться несколько подробнее. Позитивизм конца XIX - начала XX века рассуждал грубо. Напомним читателю о "потенциальном центральном члене" в теории "принципиальной координации" Авенариуса, который у одного из его учеников оказался сознанием ...червяка¹⁴. Но все дело в том, что в 20-ые г.г. Н.Бором был выдвинут "принцип дополнительности" для объяснения невозможности абсолютно точного измерения одновременно координаты и импульса (количество движения) микрочастицы. В одной из своих статей Н.Бор поставил вопрос о возможности применения этого принципа в других областях знания. Неопозитивизм подхватил это предложение и предложил рассматривать сознание и материю как неразрывно существующие не только в человеке, но и в мире вообще, как "дополняющие" друг друга начала.

И.С.Алексеев и Ф.М.Бородкин предложили применить "принцип дополнительности" к социологии. Если у Н.Бора речь идет о невозможности одновременно точного измерения двух объективных характеристик определенного физического объекта, то указанные авторы произвольно сопоставляют на такой же манер объект и субъект, "феномены поведения" и "мотивацию поведения": "Измерение одного из них ведет к невозможности изме-

рения второго в том виде, в каком он был бы, если бы первый параметр не измерялся"¹⁵. Иначе говоря, духовная потенция, мотив поведения и обусловленный им реальный акт поведения разрываются принципиально, тогда как на деле поведенческий акт есть прямое следствие вызвавших его мотивов. Иначе говоря, если ты познаешь материальную сторону человеческой деятельности, духовная становится в принципе непознаваемой, и наоборот - такой вывод авторов, который повисает в воздухе, поскольку никаких доказательств, кроме поверхностной аналогии не приводится¹⁵.

ИНФОРМАЦИЯ ПЕРВИЧНА? Неразрывная связь понятия, как основной, исходной формы, "клеточки" мышления, и слова, как его материальной оболочки, мышления и языка (вне зависимости от того, говорим мы, пишем либо думаем "про себя") установлена физиологией высшей нервной деятельности. Но и в древности, когда эта связь еще не была раскрыта наукой, и в наши дни, не зная на доказательства, предоставляемые естествознанием, многие философы полагают, что мысль или слово первичны по отношению к акту практического действия человека, более того, к миру вообще.

Философские споры по данному вопросу нашли гениальное воплощение в рассуждениях доктора Фауста при переводе первых строк Священного Писания. Отвергнув, как неточно выражающий суть акта творения, вариант, что "вначале мысль была", Фауст отвергает и другой вариант: "Ведь я так высоко не ставлю слово, чтоб думать, что оно всему основа"¹⁶. Как известно Гёте (устаами Фауста) останавливается на варианте "в начале было дело", т.е. практическое действие.

На новом витке общественного развития, когда поток слов с помощью телевидения, радио, прессы обрушивается ежедневно на головы людей, вопрос об информации приобрел невиданную ранее актуальность. Информация в ее обычном, житейском смысле, а именно в этом смысле его трактуют журналисты и публицисты, включает в себя, конечно, не только передачу слов (хотя это главное), но также зрительных образов, музыки и т.д., вплоть до воздействия психотерапевтов на подкорку головного мозга, тем самым на "подсознательное" и "бессознательное" в психике человека. Обладание источниками и передатчиками информации стало одним из главных рычагов в руках власти (о чем далее - в третьем очерке).

В труде, посвященном философскому пониманию информации и ее роли в жизни общества, А.Д.Урсул в качестве первого из многих значений этого термина указывает на "сообщение, уведомление о положении дел, сведений о чем-либо, даваемым

людьми". Именно в таком значении употребляет это понятие А.Н.Яковлев, когда пишет: "все держится на знаниях, приобретении информации" и делает вывод, что "гибель древнего Рима - это гибель той информационной системы, которая прошла свой пик и начала деградировать"¹⁷.

Для историка по образованию этот вывод звучит по меньшей мере необоснованно. Но А.Н.Яковлев прежде всего руководитель идеологического ведомства (при разных режимах), державший и продолжающий держать в своих руках систему информации.

По-видимому, в этих утверждениях сказывается роль "хозяина" информации. Тем более эти утверждения попадают в унисон с одним из названий типа общества, которое находится в процессе становления даже в наиболее развитых странах. Наряду с атрибутами "постиндустриальное", "технотронное" и т.д. некоторые авторы именуют его "информационным".

Однако ход мысли А.Н.Яковлева ведет его дальше, к утверждению, что "в основе мира лежит не материя, а информация"¹⁸. Пойдем и мы, вслед за данным автором, к более общему пониманию информации, фиксирующему ее связь с материей. Именно в этом смысле понятие информации рассматривается в информатике, математике и философии как важнейший момент во взаимодействии систем, способных к самоорганизации и самоуправлению; систем не только естественных, но и созданных нами технических систем, а также людей, во взаимодействии между которыми информация, действительно, может приобретать ту особую форму, о которой речь шла выше - сообщений, уведомлений, передаваемых тем или иным способом сведений (в том числе с помощью специально созданных технических устройств). Рассматриваемое функциональное свойство материи тесно связано с другим ее свойством - отражением. Приведем четвертое (они располагаются по степени общности) определение информации А.Д.Урсулом: "передача, отражение разнообразия в любых объектах природы". Это определение зиждется на самом общем смысле этого понятия, выраженном известным математиком акад. В.М.Глушковым: "она представляет собою меру неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и во времени, меру изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы"¹⁹.

Все эти (и другие) определения информации так или иначе исходят из признания объективно существующей материи, а также движения и взаимодействия тел природы. Именно потому, что информация вообще определяется как особое свойство си-

стем, становится возможным дать ее частные определения, характеризующие информацию как способ общения между людьми, управления социальными процессами.

А.Н.Яковлев в трактовке всеобщности информации пытается учесть более общее ее понимание, но это не колеблет его позицию: "все равно первична информация, материя и дух - вторичны" (там же). Это утверждение означает новый поворот в освещении проблемы. Провозглашение одного из общих материи и сознанию свойств первичным по отношению к ним обоим имеет свою историю. Например, в конце XIX века, когда упоение от успехов термодинамики в среде естествоиспытателей было не меньше, чем упоение успехами кибернетики и информатики сегодня, видный немецкий физико-химик В.Оствальд писал, что считает "громким выигрышем, если старое затруднение: как соединить понятия материя и дух - будет просто и естественно устранено подведением обоих этих понятий под понятие энергии"²⁰. Энергия есть одна из мер (наряду с импульсом и моментом количества движения) движения. Стало быть материя и дух оказываются вторичными по отношению к наиболее общему атрибуту материи - движению, которое относится и к такому особому свойству материи, как сознание. Все переворачивается с ног на голову. В.И.Ленин (вслед за многими другими критиками Оствальда, на которых он ссылается) справедливо отметил, что "энергетизмом" важнейшей философский вопрос "не решается, а запутывается" (там же), более того, он открывает возможность мыслить движение без материи. Надо полагать, что А.Н.Яковлев знает, что идет по стопам Оствальда. При этом следует учитывать существенное различие между ними. В.Оствальд прославил свое имя великими открытиями в термодинамике, его неудачный экскурс в философию был не более, чем эпизодом научной биографии. Фундаментальные труды в области истории, принадлежащие перу А.Н.Яковлева, нам неизвестны, но широкая общественность в России и за ее пределами помнит его бесчисленные клятвенные заверения в верности марксизму-ленинизму, в том числе философским трудам В.И.Ленина.

ДИАЛЕКТИКА И ЭКЛЕКТИКА. "НОВОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ". Диалектика, как учение о всеобщей связи, требует всестороннего подхода к изучаемому предмету, явлению, процессу при обязательном выявлении характера взаимодействия сторон предметов, факторов процесса развития и тем самым выяснения главной, решающей в данных условиях (или в данной ситуации нашего действия) стороны, свойства, фактора. И в этом отношении она противоположна эклектике, которая

ограничивается фиксацией различных сторон, свойств, факторов и произвольным их соединением в процессе познания.

С этих позиций представляется целесообразным рассмотреть такой феномен как "новое социологическое мышление". Он непосредственно связан с "перестройкой" и провозглашенным тогда М.С.Горбачевым и его командой "новым мышлением". "Новое мышление" в сфере внешней политики повторяло призыв Эйнштейна и Рассела к миру и сотрудничеству между народами в новых условиях глобальной взаимозависимости, создавшихся после использования американцами в Японии атомной бомбы и достижения СССР паритета с США в ракетно-ядерном вооружении. "Новое мышление" не отменило и не могло отменить различия геополитических интересов и на деле оказалось дымовой завесой для признания поражения СССР в "холодной войне". Вскоре "новое мышление" стало употребляться применительно к внутренней политике, а затем появилось словосочетание "новое экологическое мышление". В нашу задачу здесь не входит обсуждение содержания этого тезиса в каждой сфере, где оно применялось. Мода на "новое мышление" была недолгой, но нашлись социологи, которые подхватили этот внешне привлекательный лозунг, позволяющий с легкостью "отряхнуть со своих ног прах старого мира"; вполне естественно, что это были теоретики наиболее чуткие к словам генсека, желавшие выдать себя за "прорабов перестройки". На деле "отряхивание праха" оказалось повторением старого или предлогом для прощания с марксизмом под флагом "нового социологического мышления" (далее НСМ).

В специально посвященной задачам социологии в период перестройки сборнике статей, весьма претенциозно названном "Социология перестройки" (еще одна область социологического знания?), В.А.Ядов справедливо указывал на важность философской, мировоззренческой ориентации социолога. Это был 1990 год и с марксизмом тогда наде было еще обращаться хотя бы внешне почитительно, но уже можно было проводить под покровом "поправок", "улучшений", "творческого подхода" все что угодно. В.А.Ядов тогда писал, что "марксистская философская ориентация подсказывает нам иной (чем общепринятый в марксистской литературе - М.Р.) взгляд на истолкование предмета социологии, ближе к диалектическому, социально-историческому...". Далее выясняется, что под "общепринятым" подразумевается "вульгарно-материалистический подход, который не мог не возобладать в обстановке бесправия социального субъекта". Вместе с тем Ядов тогда еще настаивал на том, что "мы должны

сохранить и развить марксистский диалектико-исторический подход"²¹. В этом пожелании, однако, не случайно выпало слово "материалистический". Как мы могли убедиться в первом очерке, в порядке "очищения" от вульгарного материализма предлагалось "очиститься" от материализма в социологии вообще.

К 1993 году "перестройка" отошла в область преданий, подлинная ее сущность прояснилась, общественная ситуация в стране коренным образом изменилась, нужда в заверениях о верности марксизму отпала. Напротив, критика марксизма стала всемерно поощряться сверху. Поэтому в статье, озаглавленной "Универсализм или плюрализм социологических теорий?" В.А.Ядов уже оценивает марксизм иначе: "история последних десятилетий (не трех лет, а последних десятилетий - М.Р.) заставляет усомниться в безусловной надежности и универсальности марксистского социально-философского осмысления реальности". Ядов соглашается с польским социологом П.Штомпкой в том, "что интерес к большой теории возникает в обществе именно в эпохи радикальных социальных перемен" и поэтому наше время "тяготеет к "большой теории", которая может быть названа теорией активно действующего социального субъекта". Теперь за марксизмом признается, что он "в принципе объясняет и современные глобальные процессы", но потому лишь, что этот подход является... "экономически-детерминационным". Но "для анализа социальных изменений в относительно локальном пространственно-временном интервале такой подход не представляется оптимальным"²².

Применение "избирательного" (когда глобальное противопоставляется локальному) подхода к описанию хода исторических событий в нашей стране после 1985 года приводит к поразительному результату. Вместо попытки разобраться в глобальном по масштабу событии - смене общественного строя в СССР-России - В.А.Ядовым предлагается эклектический "винегретный" подход.

Общие выводы В.А.Ядова таковы: "ни одна парадигма социальных изменений не является универсальной", "надо использовать разные теоретические подходы, допускающие различия "сценариев" возможного развития социальных процессов" (там же). Попросту говоря, настало время перемен, не надо гнаться за "универсальной" теорией, мы это уже "проходили", имей в научном багаже поболее разных "парадигм" и в каждом данном случае применяй ту, которая покажется более привлекательной, более полезной при создании "сценариев".

Действительно, "мы это уже проходили". Как известно, Агафья Тихоновна при выборе жениха мечтала: хорошо бы губы

одного да приставить к носу другого, а развязность третьего дополнить дородностью четвертого... Да еще при этом удержаться на проволоке, как это было предусмотрено в бессмертной постановке "Женитьбы" в "Театре Колумба" - читайте Ильфа и Петрова...

Совершенно аналогичным образом рассуждает В.Иноземцев в статье "Диалектика или метафизика?" Ответ на этот вопрос таков: "как в обществе имеют место отрезки эволюционного развития и эпохи социальных революций, так и в науке существуют, сменяя друг друга, периоды преобладания диалектического и метафизического сознания". Сия "концепция" совершенно непригодна для понимания истории развития научного познания. Но не в этих целях она выдвигается автором. Цель более прозаична: после долгого периода господства "диалектического материализма", теперь, "когда судьба этой доктрины предрешена" (!) настала пора вернуться к господству метафизического мышления²³.

В.Иноземцев в 1993 году обходится без "нового мышления", тем более, что возврат к "метафизическому мышлению" никак не вяжется с признанием его "новым". Оставил НСМ за ненадобностью и В.Ядов, он уже миновал "перестроечный" этап эволюции своего мировоззрения.

Но не все столь разворотливы. Так, авторы учебного пособия по социологии для студентов вузов Г.Е.Зборовский и Г.П.Орлов посвящают НСМ специальный параграф в заключительной части книги. Их объяснение сути НСМ представляет собою популярное разъяснение плюрализма, изложенное без всяких там "парадигм" и "сценариев". Основным его принципом - читаем в учебнике насчет НСМ - "должно стать преодоление традиционного разделения социологии на марксистскую и немарксистскую, буржуазную и социалистическую, западную и восточную и т.п. и движение в сторону единого мирового социологического знания, заинтересованного в решении общих задач"²⁴. Здесь все свалено "объединителями" под флагом "НСМ" в одну кучу. Действительно, существование единой по своему предмету науки (хотя в понимании предмета той же социологии немало различий у представителей разных научных школ), единой для ученых различных регионов и разных народов, нисколько не отменяет и не должно отменять различий в концептуальных подходах, границы между которыми не являются национальными либо региональными. Единственным существенным моментом в их определении данной разновидности "нового мышления" является ясно выраженное

стремление авторов, много десятилетний числившихся по ведомству марксизма, растворить марксизм в "общем потоке". О содержании учебника один из рецензентов справедливо отметил: "пособие явно перегружено пересказом чужих, подчас противоречивых точек зрения по каждой из обсуждаемых проблем, причем они не всегда стыкуются друг с другом"²⁵.

К вышесказанному следует добавить, что сторонникам "нового мышления" можно было бы тщательнее следить за колебаниями политической ситуации и ...править верстку при сдаче своих книги и статей в печать. Восторженно прославляющая пособие екатеринбургских авторов И.Девина даст им дельный совет: "быть несколько осторожнее, подписывая сигнальный экземпляр"²⁶ - ведь страницы о "НСМ" можно было бы загодя снять!

В стране, где много лет прославляли учение Маркса, по крайней мере специалистам его труды следовало бы читать. Имея ввиду изобретателей "нового мышления" в свое время, Маркс заметил: "Так как процесс мышления вырастает из естественных условий, сам является естественным процессом, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития и, следовательно, также от развития органа мышления. Все остальное - вздор"²⁷.

О ЗНАЧЕНИИ АНАЛИЗА ПОНЯТИЙ В СОЦИОЛОГИИ.
Материалистическая диалектика, как современная научная философия, органически сочетает в себе мировоззренческую функцию (объяснение мира) и функцию методологическую (теорию познания и мышления). Важнейшим моментом диалектики, рассматриваемой как теория мышления, является диалектическая логика. Насчет последней существует множество предубеждений со стороны лиц, заявляющих, что существует одна наука о мышлении - формальная логика, идущая от Аристотеля, которая дает правила мышления, обязательные для процесса оперирования понятиями, составления из них суждений, умозаключений, создания теорий. Но на эту логику никто не покушается, хотя ее узкий горизонт оказался превзойден в двух отношениях: математической логикой, которая по сути является разделом современной математики, и логикой диалектической, виднейшими представителями которой были Гегель и Маркс. Сущность различия между диалектической логикой и "школьной" логикой состоит в следующем. Основным законом первой является закон тождества, согласно которому $a = a$, т.е. каждое понятие с обозначенными нами признаками, будучи однажды употреблено в таком-то смысле, во всех последующих рассуждениях должно употреб-

ляться точно в том же смысле. Это вполне справедливое требование, предохраняющее от ошибок и несуразностей, обеспечивающее правильность вывода из данных посылок. Диалектическая логика это признает на 100%, но идет дальше, поскольку учитывает, что наши понятия отображают изменяющуюся реальность, а также нашу практическую деятельность по ее изменению, и поэтому должны быть *подвижными, меняющимися* по своему содержанию. Учитывающая это обстоятельство диалектическая логика как бы "надстраивается" над формальной, подобно тому, как высшая математика, имеющая дело с переменными величинами (имеется в виду анализ бесконечно малых), "надстраивается" над элементарной математикой (арифметикой и алгеброй), имеющими дело с постоянными величинами. При интегрировании и дифференцировании правила арифметики и алгебры полностью сохраняют свое значение²⁸. Иначе говоря, соблюдая полностью правила формальной логики, мы должны учитывать подвижность понятий, изменение их содержания, набора признаков, которые входят в определение понятия, вплоть до перехода некоторых признаков в противоположные. Более подробно об отличиях диалектической логики от формальной можно прочесть у Энгельса и Ленина²⁹.

В мире понятий действуют те же законы диалектики, что и в объективном мире, именно поэтому диалектику часто называют наукой о наиболее общих законах природы, общества и человеческого мышления. Например, закон перехода количественных изменений в качественные действует в развитии общества и это должно учитываться в понятиях, отображающих качественную и количественную сторону реальности. Соотношение случайности и необходимости тоже всеобщий закон диалектики. Его действие мы обнаруживаем как в мире молекул, так и в развитии социальных процессов, поэтому и наши понятия "необходимое" и "случайное" оказываются взаимозависимыми и при определенных условиях превращаются в свою противоположность.

Рекомендации диалектики как науки о всеобщей связи явлений столь же важны для оперирования понятиями, как и науки о развитии. Системный подход означает, что каждое понятие, определяемое по связям с другими понятиями, может найти более или менее полное определение только через систему понятий. Это особенно важно для научных теорий, которые помимо понятий обыденного мышления, а также понятий общенаучных (например, математических) и философских, выработали специальную систему понятий в своей области знания. Для определения понятия "атом" в физике нужно привлечь по сути все поня-

тия физической теории на каждом данном этапе ее развития. Так, определение атома как "неделимой" частицы вещества, могло существовать только до конца XIX века, затем на основе эксперимента возникла "планетарная" модель Резерфорда-Бора, которая в свою очередь сменилась новыми представлениями на основе проникновения вглубь атомного ядра и открытия десятков новых микрочастиц.

При познании общественных процессов дело обстоит еще сложнее, так как практика изменения общественных отношений сама оказывается объектом познания, а научная практика по исследованию состояния современного общества оказывается фактором, способствующим процессам его изменения в том или ином направлении. Далее будет идти речь о том, что проводимые социологами замеры общественного мнения с помощью средств массовой информации становятся существенным фактором в борьбе за политические и экономические интересы различных групп и широко используется властными структурами (см. очерк третей).

Еще один важный методологический вывод для оперирования понятиями в сфере общественных наук, в том числе социологии, вытекает из неравномерности исторического процесса, движимого вперед борьбой социальных сил с различными и часто противоречивыми интересами. Приливы и отливы в процессе перехода от одного типа общественного устройства к другому приводят к тому, что подлинное значение тех или иных событий, признаков общественного строя, даже названий, которые используются в качестве обобщающей эти признаки качественной определенности данного строя, выясняются в своем подлинном значении лишь тогда, когда процесс близится к своему историческому завершению. Достаточно вспомнить о борьбе вокруг понятий свободы и равенства, которая началась еще в век Просвещения и продолжалась в ходе и долго после великой французской революции. Еще более острая борьба вокруг трактовки этих понятий, а также понятий капитализма и социализма идет на протяжении всего XX века, особенно после Октябрьской революции 1917 года в России. Явное обострение разногласий вокруг содержания этих (и ряда других узловых понятий) происходит в нашей стране в связи с начавшейся реставрацией буржуазных отношений, глубоких различий в интересах социальных групп и слоев при определении путей выхода России из глубочайшего в ее новейшей истории кризиса.

Наконец, из самых основ материалистической диалектики вытекает требование непрерывно сверять в процессе мышления

понятия с их прообразами в реальности, а систему научных понятий - с отображаемым в ней процессом, фрагментом реального мира. Научное познание имеет своей конечной целью познание объективной истины, т.е. получения такого развернутого с помощью абстрактных понятий конкретного представления об объекте, которое должно с максимальной для нашего времени точностью и полнотой отобразить объект в многообразии его внутренних и внешних связей в процессе его изменения, развития.

Вот почему понятия нашего ума должны быть столь *гибкими, подвижными*, чтобы в них учитывалось сплетение связей в объекте, его развитие и результаты нашего воздействия на него. В.И. Ленин, читая Гегеля, заметил: "Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей - вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная *объективно*, т.е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира"³⁰.

Таково краткое гносеологическое вступление, которое нужно предпослать анализу ряда социологических понятий, содержание которых толковалось и толкуется по-разному. Читатель уже отчасти подготовлен к этому, поскольку в первом очерке нам пришлось подвергнуть тщательному анализу такое многогранное понятие, как "социальный". В очерках о социальной структуре, конфликтах и т.д. подобному же рассмотрению будут подвергнуты понятия, которые являются узловыми для данных разделов социологии.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ. Это понятие было введено в социологию П.Сорокиным (1927) в книге под тем же названием, где ему было придано весьма широкое толкование, буквально вытекающее из понимания социального как общественного, а мобильности - как подвижности. П.Сорокин подразделяет мобильность на индивидуальную и групповую, причем под последней понимается любое изменение положения больших социальных групп³¹. Коренное изменение общественного строя после русской революции 17 года вполне подпадает под это определение, как случай групповой социальной мобильности.

Однако в последующем, особенно при проведении эмпирических исследований, данное понятие стало трактоваться существенно уже и тем самым более конкретно. В ставшем классическом труде П.Липсета и Р.Бендикса "Социальная мобильность в индустриальном обществе" (1959) обе составных части рассматриваемого сложного понятия трактуются в таком смысле. Под

социальными отношениями понимаются отношения между социальными группами, слоями, индивидами, а под мобильностью изменения социального положения этих групп, слоев, индивидов в условиях данной социальной системы³².

Принимая эту трактовку, автор (совместно с Ф.Р.Филипповым) издал монографию "Социальные перемещения" (1970), где на материалах советского общества той поры были исследованы переходы, перемещения индивидов, семей, малых групп из одних социальных групп, слоев, а также из одних видов поселений в другие. Продвижение молодежи в интеллигенцию, жителей деревни в города - таковы были массовые процессы социальной мобильности в СССР в 60-ые годы и поэтому они оказались в центре внимания авторов, проводивших исследования этих процессов в уральском регионе³³. Название книги (переведенное на другие языки в адекватных терминах) подчас толковалось некоторыми досужими критиками как попытка заменить "западный" лексикон в социологии "советско-русским". Но достаточно заглянуть в упомянутую книгу и многочисленные последующие публикации авторов на эту тему, чтобы убедиться, что они широко пользуются понятием социальной мобильности, например, исследуя потенциальную социальную мобильность выпускников школы³⁴. Автор полагает, что сохранение термина "социальная мобильность" в смысле, приданном ему Липсетом и Бендиксом, необходимо, оно приобрело международное признание. Но и понятие "социальные перемещения" вполне заслуживает внимания, как понятие более узкое, поскольку в нем речь идет только о переходах (перемещениях) индивидов из одних слоев, групп в другие, как на протяжении жизни данного поколения, так и при смене поколений. Оно уже чем социальная мобильность, ибо изменение социальной природы слоев общества остается за его пределами. Так, к примеру, в нынешней России превращение слоя государственной бюрократии коммунистической поры в слой "демократической" бюрократии, которая совмещает унаследованные и расширенные номенклатурные привилегии с занятиями коммерческой деятельностью или покровительством коммерсантам за взятку - это важный момент социальной трансформации общества и один из видов социальной мобильности по Сорокину. Но это не социальное перемещение как таковое, это скорее социальное перерождение, которое сопровождается переходами индивидов из одних слоев в другие, например, министра в банкира и обратно. В данный слой вливаются, переходя в него также представители торговой буржуазии, гуманитарной и технической интеллигенции.

Итак, социальные перемещения суть определенный, весьма важный для понимания развития общества процесс, составная часть более общего процесса, понимаемого как социальная мобильность по Бендиксу и Липсету и тем более как частный элемент в очень широком понимании этого понятия П.Сорокиным. Вот почему представляется совершенно безосновательным замечание, сделанное В.А.Ядовым в предисловии к книге Н.Смелзера "Социология", что, мол, в нашей стране "произносились гневные речи против использования таких понятий, как "социализация личности" и "социальная мобильность"³⁵. С социальной мобильностью дело обстояло изложенным образом, возражений "против использования" этого термина по крайней мере в научной литературе не было. Иначе обстоит дело с социализацией личности.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ. В отечественной литературе, на наш взгляд, действительно имело (и имеет) место увлечение этим термином. Судя по приведенному выше высказыванию В.Ядова он продолжает настаивать на данном словосочетании и в 1994 году. И кое-где в учебной литературе, словарях, статьях авторы употребляют это составное понятие, не особенно задумываясь над тем, насколько "соединимы" два входящих в него важнейших понятия теоретической социологии (и социальной психологии). Например, в "Кратком словаре по социологии" (под ред. Н.Лапина) читаем: "Социализация - процесс становления личности", а в другом месте еще более прямо речь идет о социализации личности³⁶.

Социализация - процесс усвоения *индивидам* норм нравственности и поведения, образа жизни ближайшего окружения, социальных слоев, общества в целом. Иными словами: "процесс, в ходе которого человеческое существо с определенными биологическими задатками приобретает качество, необходимое ему для жизнедеятельности в обществе"³⁷. Аналогичные определения мы найдем и во многих других советских справочных изданиях.

Никаких расхождений с принятым на Западе истолкованием этого понятия нет. Тот же Н.Смелзер, в конце книги дает такое определение: "Социализация - способы формирования умений и социальных установок индивидов, соответствующие их социальным ролям"³⁸. Более пространно выражена эта же мысль в весьма распространенном в англоязычных странах социологическом словаре: "Социализация есть длительный процесс внедрения, посредством которого индивид усваивает принципиально важные ценности и символы социальных систем, в которых он участвует и выражение этих ценностей в нормах, определяющих роли, в которых он и другие действуют"³⁹.

Итак, социализация это процесс усвоения индивидом норм и т.д. общества (социума), в котором он появился на свет и в которое постепенно "вращается". Индивидом, но не личностью - в этом принципиальная разница, которую, как мы видели, понимают почти все социологи, где бы они не проживали. Ибо личность, это индивид, во-первых, уже прошедший процесс социализации (всегда частично, ибо роли меняются, процесс социализации заканчиваются смертью индивида), и, во-вторых, активно воздействует на условия существования, является не только объектом социального процесса, но и субъектом его. Вот почему представляется целесообразным применительно к процессу развития личности использовать наряду с термином "социализация индивида" термин "формирование личности". В содержании последнего учтены обе стороны процесса взаимодействия: определяющее влияние социальной среды на становление личности и обратное воздействие личности на социальную среду, начиная с того, как младенец проявляет "норов", вынуждая мать выбирать подходящие способы общения с ребенком, и вплоть до воздействия в каком-либо отношении выдающихся лиц на ход развития племен, народов, государств и даже на всемирный процесс развития в науке, технике, искусстве, политике, религии, философии.

ОБРАЗ ЖИЗНИ, КАЧЕСТВО ЖИЗНИ, УРОВЕНЬ ЖИЗНИ.

Все эти понятия определенным образом характеризуют самую фундаментальную определенность бытия индивида, социальной в широком смысле (социально-классовой, поселенческой, социально-демографической и т.д.) группы, а также отдельных народов, населения стран и регионов, притом как в настоящем, так и в прошедшие времена, например, рабов Рима, аборигенов Австралии до ее заселения европейцами, крестьян на Руси в условиях крепостного права и т.д.

Если экономическая наука давно и успешно использует категорию "уровня жизни", то в западной социологии широкое признание получило понятие "качества жизни". В советской общественной науке, после того как в партийных и государственных документах стало использоваться, притом для доказательства превосходства СССР над Западом, выражение "советский образ жизни", многие теоретики, в том числе социологи, взялись за разработку понятия "образ жизни". Нашлись и подходящие цитаты из трудов Маркса, которыми можно было подкрепить любую концепцию, так как специально разработкой этого понятия Маркс не занимался. Одни настаивали на образе жизни, другие на качестве жизни, что же касается уровня жизни, то без него во-

обще нельзя было обойтись, поскольку этот показатель фигурировал во всех статистических справочниках и государственных документах директивного характера. Наряду с книгами и статьями, носившими откровенно апологетический характер, а их вышло в свет более чем достаточно, появились попытки теоретического сведения трех разных характеристик жизни людей и общностей в одну систему понятий.

Мы в данном случае не будем вдаваться в нашуевшие споры 70-80-ых гг., называть имена, цитировать труды, и лишь напомним о наших попытках теоретического рассмотрения этого вопроса⁴⁰. Это представляется уместным, так как вопрос остается более чем актуальным для наших дней. Действительно, уровень жизни подавляющего большинства народа в России резко снизился, что находит выражение в уровне потребления основных продуктов питания, а также обуви, одежды, предметов длительного пользования. Качество жизни людей в условиях экологических катастроф, начиная с Чернобыля, резко снижается, неумолимо приближаясь к качеству жизни в странах "третьего мира", с той разницей, что в последних хотя бы теплый климат.

По нашему представлению образ жизни (на украинском и ряде других славянских языках он звучит как "способ жизни") является наиболее общей категорией, характеризующей как *живет* человек, живут люди, принадлежащие к той или иной общности. Понятие "качества жизни" должно, по самому смыслу понятия качества, означать качественную определенность образа жизни, в то время, как уровень жизни, опять же по самому смыслу понятия уровень - количественную определенность образа жизни. Само собою понятно, что один и тот же объект может иметь сколько угодно количественных характеристик.

Наиболее универсальной является уровень дохода, выраженный в денежном выражении на душу населения. Не случайно, в феврале 1992 года, сразу же после введения "шоковой терапии", распоряжением Президента наряду со старым показателем прожиточного минимума (предусматривавшего удовлетворение основных нужд граждан на современном уровне) был введен во все государственные документы "физиологический прожиточный минимум", который предусматривает затрату 70-80% дохода на продукты питания, "остальное" на оплату коммунальных услуг и предметы личной гигиены. Но после того как второй "минимум" напорочь вытеснил из статистики первый, оказалось, что 20-30% населения России не обеспечено даже физиологическим минимумом, то есть вынуждены подчас голодать, недоседает, пищевой рацион сдвинул в сторону углеводов, об обновлении гардероба

или приобретении мебели, телевизора, холодильника и т. д. не может даже мечтать. Сложнейшей проблемой для пенсионеров становится погребение, поскольку отложенные стариками в сберкассах деньги на "ритуальные услуги" были реквизированы государством 1.01.1992 года.

При любом понимании "качества жизни" (существует большой разброс в перечне его признаков в литературе) здоровье населения, продолжительность жизни, состояние окружающей среды, безопасность в их число безусловно включаются. Связь количественной и качественной характеристик образа жизни в условиях катастрофических изменений, происходящих в России первой половины 90-ых г.г. XX века, становится очевидной. Состояние здоровья населения резко ухудшилось за несколько лет. Массовые инфекции при дефиците доступных по цене лекарств приводят к хроническим болезням, ухудшение питания понижает защитные механизмы организма, развал государственной системы здравоохранения из-за недостатка средств и фактического прекращения строительства новых больниц и т. д. - все это имеет своим прямым следствием рост инвалидности и смертности. В 1993 году 50 млн. чел., а это треть населения России, имела ограниченные функциональные возможности, численность инвалидов за пять лет возросла на 70%. Здоровыми признают всего 14% детей школьного возраста. Смертность быстро растет, и в коренных русских областях вдвое превысила рождаемость. Изменилась структура причин смертности. На первое место (ранее это были сердечно-сосудистые заболевания, новообразования) вышла совокупность таких причин, как травмы, отравления, особенно алкогольные, убийства и самоубийства, несчастные случаи. Средняя продолжительность жизни мужчин снизилась на 7,5, а женщин на 4,7 года. Родившиеся в 1994 году младенцы мужского пола при сохранении (а вероятным является ухудшение) нынешних повозрастных показателей смертности в среднем доживут до 58 лет, т.е. умрут до выхода на пенсию. Состояние окружающей среды на 20% территории страны уже стало катастрофическим, и это не только зона Чернобыля или реки Теча на Южном Урале, но и колоссальные районы нефте- и газодобычи на Севере, центры металлургической и химической промышленности и т.д. Большие города задыхаются, т.к. нормы выброса вредных веществ в автомобилях отечественного производства в несколько раз выше международных. Вода в реках отравлена. Бесконтрольная химизация полей привела к повышенному содержанию вредных веществ в продуктах питания. Страна в целом превращается в зону экологического бедствия, поскольку

нет средств для перестройки технологических процессов, для замены устаревшего и ненадежного из-за амортизации оборудования, для проведения природоохранных мероприятий, для прекращения добычи полезных ископаемых варварскими методами, ибо платежный баланс зиждется на экспорте нефти и газа.

Таким образом, закон перехода количества в качество находит выражение в том, что быстрое накопление количественных изменений приводит к потере качества, переходу системы в другое, более низкое качественное состояние. В мире понятий, с помощью которых мы отображаем реальные процессы, *понятие уровня жизни оказывается переходящим в понятие качества жизни* - когда снижение первого происходит не на 3-5% в год, а обвално, катастрофически. В ходе истории такого рода скачки были результатом завоевания страны конкистадорами или варварами, нашествия монголо-татар на Русь, длительных опустошительных войн, вроде 30-летней войны в Германии, наконец, эпидемий чумы в средние века, уносивших половину населения; впрочем, ряд стран черной Африки, где сейчас половина населения заражена ВИЧ, стоят перед аналогичной перспективой, поскольку действенного средства против "чумы XX века" пока не найдено. Но в России этот обвальный скачок происходит в мирное время, а чума или СПИД в этом деле никакой роли не сыграли. Особо сказывается на образе жизни россиян криминализация общества. Растет преступность, по вечерам граждане боятся выйти из дому. За 9 месяцев 1994 года было убито 24,3 тыс. человек - рост в сравнении с 1993 г. в 2,3 раза⁴¹; в пересчете на год это даст более 30 тысяч - вдвое больше, чем за 9 лет войны в Афганистане! В преступном мире насчитывается до 100 тысяч вооруженных боевиков, разборки на улицах с применением автоматического оружия, гранатометов, взрывных устройств стали повседневным явлением.

В свое время о советском образе жизни было написано немало трудов, в том числе социологических, с использованием статистических данных и опросов населения, в которых апологетически, односторонне, фальшиво изображался образ жизни населения нашей страны. Идеологическая заданность и стремление противопоставить социализм - капитализму в этих трудах справедливо отмечались и тогда; в наши дни вся эта литература подвергнута остракизму. На наш взгляд, отбрасывая прочь нелепости и преувеличения, делая скидку на недостаточную дифференциацию по социальным группам и территориям и т. д., надо привлечь сведения из этих книг для проведения честного сравнения

реальных показателей уровня и качества жизни населения России, скажем, в 1985 и 1995 годах.

Народные массы, т.е. совокупность "простых людей", не входящих в разряд "новых русских", ощущает это различие на своей шкуре и отдает себе полный отчет в изменении образа своей жизни на уровне обыденного мышления. При всех недостатках в образе жизни людей в 70-80-ые г.г. голодных и нищих не было; бездомные не заполняли привокзальные площади и подвалы; медицинская помощь была бесплатной и доступной; безработных не было, беженцев тоже; рабочие, колхозники, инженеры, врачи, учителя имели возможность в отпуск выехать по бесплатным или льготным путевкам на курорт или навестить родных, проживающих за тысячи километров; детские дошкольные учреждения охватывали практически всех детей и были лучшими в мире; общее среднее образование было бесплатным, дворцы и дома культуры не пустовали, классическая литература и учебники издавались колоссальными тиражами и были доступны каждой семье и т.д. Наконец, по улицам больших городов, не говоря о малых и о деревне, можно было ночью ходить спокойно, а дружба народов и равенство людей, независимо от расы и национальности, не были просто лозунгом, они вошли в повседневную жизнь, стали нормой общения.

Мы не ставим здесь своей целью провести системный сравнительный анализ изменений в образе жизни, его количественной и качественной сторонах, происшедших за последнее время в России после распада Союза, "обкарниания" России на юге и западе до границ допетровской Руси (или еще далее), и нескольких лет "капитализации" страны по рецептам Международного Валютного Фонда и стоящих за ним кругов международного капитала во главе с США. Это задача специальных исследований колоссального масштаба, в которых социологам должна принадлежать ведущая роль. Представляется, что ежегодные обзоры социальной ситуации в России, включающие в себя анализ и прогноз на ближайший год, составляемые Институтом Социально-политических Исследований Российской Академии наук "работают" именно в этом направлении⁴².

ЛИТЕРАТУРА

1. См., подробнее: *Руткевич М.Н., Лойфман И.Я.* Диалектика и теория познания. М., Мысль: 1994.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 370.
3. Независ. газ. 1994. 26 окт. С. 8.
4. Слова Пушкина во вступлении к "Евгению Онегину".
5. Диалог. 1990. № 1. С. 23-24 (*подчеркнуто мною - М.Р.*).
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 2.
7. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 195.
8. Там же. С. 195.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 3.
10. Там же. Т. 39. С.175.
11. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 134.
12. Там же. Т. 42. С. 299.
13. Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 82 (*подчеркнуто мною - М.Р.*).
14. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 287.
15. Моделирование социальных процессов. М., 1970. С. 43.
16. *Гёте И.В.* Избранные произведения. М., 1950. С. 438. (*перевод Б. Пастернака*).
17. *Яковлев А.Н.* Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992. С. 52 и далее.
18. Там же. С. 55.
19. *Урсул А.Д.* Информация // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 217.
20. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 287.
21. Социология перестройки. М., 1990. С. 185-186 и др. (*подчеркнуто мною - М.Р.*).
22. Вопр. экономики. 1993. №1. С. 18-21.
23. Свободная мысль. 1993. № 1. С. 112.
24. *Зборовский Г.Е., Орлов Г.П.* Введение в социологию. Екатеринбург, 1992. С. 214.
25. Социол. исслед. 1992. № 11. С. 153.
26. Там же. 1993. № 3. С. 134.
27. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 461.
28. См. об этом: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 125 и др.
29. Более полно об этом отличии см.: Там же. С. 538-540, а также: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 286.
30. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 99.
31. См.: *Sorokin P.* Social Mobility. N. Y., 1927. P. 157-158.
32. См.: *Lipset S., Bendix R.* Social Mobility in industrial Society. Berkeley; Los Angeles, 1959. P. 1-2.
33. *Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р.* Социальные перемещения. М., Мысль: 1970.
34. См.: Социол. исслед. 1994. № 3, № 12.
35. *Смелзер Н.* Социология. М., 1994. С. 6.
36. Краткий словарь по социологии. М., 1989. С. 318, 142.
37. Философская Энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 66.
38. *Смелзер Н.* Социология. С. 659.
39. A dictionary of Sociology / Ed. by Mitchell G.D. L., 1968. P. 194.

40. См., например: *Руткевич М.* Социалистический образ жизни: качественная и количественная определенность // Социол. исслед. 1983. № 4.
41. См.: *Эрстова М.* ЧП российского масштаба // Правда. 1994. 12 нояб. С. 2.
42. См.: Социальная и социально-политическая ситуация в России. Анализ и прогноз. 1992. М., Изд. ИСПИ РАН: 1993.; То же. 1993. М., Изд. ИСПИ: 1994; Правда 1994. 7 дек. С. 5.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

СОЦИОЛОГИЯ, ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

В проблеме соотношения власти и социологии надо выделить две стороны: во-первых, власть, в т. ч. государственная, является объектом и предметом социологического познания; во-вторых, как власть во всех ее ипостасях, прежде всего власть государственная, относится к социологии, к проведению социологических исследований и применению их результатов в практике управления. Важнейший аспект второй стороны проблемы в современных условиях - использование социологии в средствах массовой информации, которые сами выступают как разновидность власти и одновременно являются средством воздействия государства и других властных структур на широкие массы населения. Формирование общественного мнения в конце XX века является главной функцией СМИ, вот почему данный вопрос в связи с ролью в нем социологии будет рассмотрен специально.

ВЛАСТЬ КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ. Власть и властные отношения являются, вне сомнения, объектом междисциплинарного обществоведческого исследования. Самая активная роль в нем принадлежит политологии, социологии (политической социологии вообще и выделившейся в специальный раздел "социологии власти"), философии, правоведению, психологии, этнографии, исторической науке и т. д. Объект исследования практически тот же, но каждая из упомянутых наук имеет своим предметом определенные аспекты власти как социального феномена, властных отношений, как атрибута общественных отношений. Проведение разграничительной линии между науками в данном случае оказывается непростым делом, поскольку, например, социальная философия и общая теоретическая социология по своему подходу к авторитету или социальной сущности государства, по сути дела, очень близки; это уже было отмечено нами ранее в очерке, посвященном предмету социологии.

В сфере социальных наук следует весьма тщательно подходить к содержанию понятий, отложившихся в народном сознании или, как часто говорят, обыденном мышлении; несколько пренебрежительное отношение к обыденному мышлению, которое не может наглядно представить дуализм волны и частицы или связь пространства и времени, распространено среди физиков не без оснований. Иначе обстоит дело при осознании сути общественных процессов. Здесь даже сложные абстракции допускают, хотя и несколько упрощенное, но тем не менее в целом правильное истолкование в привычных "человеку с улицы" понятиях. Понятие прибавочной стоимости без особого труда усваивается представителями рабочего класса. Так обстоит дело и с понятием власти, которое выражает хорошо известное каждому состояние подчиненности своего мышления, воли, действия каким-либо внешним силам, которые преломляются в собственном сознании как добровольно принятая или продиктованная извне необходимость принять от властей земных или небесных то или иное решение.

В одном из последних изданий подготовленного Институтом языкознания Российской Академии Наук "Словаря русского языка" отмечены четыре основных смысла понятия власть. Наиболее общее из них таково: власть - это "право и возможность распоряжаться, повелевать кем-, чем-либо"¹. Важнейший признак власти - "повелевать", "распоряжаться" схвачен верно.

Философское понятие власти, в соответствии со всеобщим характером философского знания, должно быть наиболее универсальным. В изданном еще во времена господства марксизма в советской обществоведческой литературе в авторитетном справочном издании Ф.М.Бурлацкий (тогда еще марксист) дал следующее философское определение власти: "Власть - способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определенное воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств - авторитета, права, насилия..."².

В целом, как нам представляется, это верно, но нуждается, как минимум, в двух добавлениях. Во-первых к деятельности и поведению надо добавить сознание, поскольку осуществление власти одного человека (группы, организации, государства и т.д.) над сознанием другого (других) представляет собою предпосылку осуществления власти над поведением, деятельностью. Кроме того, власть над сознанием людей, например, догм религии или харизматического лидера, имеет самостоятельное социальное значение, далеко не всегда и не сразу находящая продолжение в действиях. Во-вторых, и это не менее важно, поскольку власть

суть властное отношение между людьми, такое обязательно имеет две противоположные стороны. Отношение "второй" стороны к "первой" настолько существенно, что должно найти отражение и в самом кратком определении сущности власти, что и было сделано М.Вебером. Для него власть - это "способность и возможность для индивида или группы осуществлять свою волю, оказывать воздействие на других людей, независимо от их согласия или несогласия"³.

Указанные два добавления представляются принципиальными и с их учетом при социологическом подходе можно принять за основу философское определение, данное с позиций марксистской социальной философии с учетом мнения М.Вебера. Это определение является одновременно макросоциологическим, поскольку в нем учтено взаимоотношение сознания и бытия и "схвачены" все стороны человеческого существования, властные отношения в экономической, политической и культурно-идеологической областях. Что же касается психологии людей, то надо учесть следующее обстоятельство. Подчеркивая сознательный характер человеческой деятельности, отличающий человека от его животных предков, нельзя забывать о нижележащих "этажах" нервно-физиологической и психической деятельности, унаследованных нами от животных предков и существенно преобразившихся в обществе под влиянием труда, общения, мышления. Власть может использовать и постоянно использует, и это не только шаман в реликтовых обществах, но и государство в самых что ни на есть "цивилизованных" странах, самые изощренные способы воздействия на подсознание и на проявления бессознательного в поведении людей XX века. Они позволяют успешно манипулировать сознанием и поведением людей, особенно в периоды общественных кризисов, войн, потрясений. Так, вдалбливание в сознание телезрителей "магической формулы" "да-да-нет-да" перед всероссийским референдумом с помощью отработанных специалистами средств психического давления может служить одним из поистине бесчисленных примеров такого рода.

Разработка проблемы власти в современной социологии концентрируется вокруг многих вопросов: взаимодействие двух сторон властного отношения и легитимизации власти; классификация типов и форм власти; генезис властных отношений в связи с развитием общественного разделения труда; детерминированность функций власти социальной структурой общества, интересами классов, социальных групп и слоев; власть и элита; различные методы осуществления власти и, в частности, роль насилия в современных условиях и т.д. В нашу цель не может вхо-

дить обсуждение этих и других вопросов. Читатель может обратиться к трудам Маркса, Вебера, Парсонса и других классиков социологии, а для начала к добротному учебнику, например, "Социологии" Н.Смелзера⁴. Мы ограничимся здесь лишь несколькими сюжетами. Исходя из общего замысла "Очерков", сосредоточим внимание на актуальных для современной ситуации в России вопросах с учетом необходимости критической оценки новейшей, "постмодернистской", социологии, поскольку ее идеи активно у нас пропагандируются.

ВЛАСТЬ В "СОЦИАЛЬНОМ" ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ. Понятие "социального пространства", как и понятие "социального времени", стало с некоторых пор широко употребляться в социологии и других общественных науках. Поскольку эти понятия являются естественно-научными, математическими, философскими, то их применение к анализу социальных процессов всегда предполагает не прямой, а переносный, метафорический смысл и, в зависимости от вкладываемого в них содержания; следует оценивать, можно ли с их помощью получить приращение реального знания или, напротив, они затуманивают понимание изучаемых социальных явлений.

О понятии "социального времени" нам уже приходилось ранее выступать в печати⁵. В дополнение к сказанному ранее заметим, что в целом попытки внедрения этого понятия в общественные науки ведут к субъективизации времени, которое в физике и материалистической философии рассматривается как объективный атрибут бытия, от нашей воли и сознания не зависящий. Все процессы в мире, в том числе и зависящие от нас, происходят во времени, которое "течет" само по себе; установление глубокой внутренней связи между пространством и временем в теории относительности Эйнштейна нисколько не отменяет объективности того и другого; введение понятия "наблюдатель" в популярных изложениях этой теории не должно вводить в заблуждение на сей счет. Но "модные веяния" в позитивистской философии, идущие от философии Юма и Канта, "докатываются" до обществознания, в том числе социологии.

Понятие социального времени употребляется в обществознании в двух основных смыслах. Во-первых, в исторических и этнографических исследованиях, посвященных восприятию времени у разных народов в разные эпохи. Астрономические наблюдения в глубокой древности породили стихийно-материалистические представления о независимости повторения (циклически) небесных явлений от воли людей, начиная с суточного движения звезд по небосклону и годовых циклов разви-

тия в живой природе до установления еще в Вавилоне периода движения Сириуса. С другой стороны, представления о цикличности порождали предположения о возможности возврата всего сущего на прежние, проторенные пути, вплоть до появления тех же людей и тех же обстоятельств через 10800 лет у пифагорейцев. Исследованию средневековых представлений о времени посвящена, например, интересная книга А.Гуревича⁶, в которой автор не всегда четко разделяет восприятие времени людьми и реальный ход исторических процессов. И способны вызывать недоумение сентенции, вроде следующей: "Время в первобытном обществе ..либо не движется, либо вращается по кругу". Или в другом месте: "в средние века церковь держала социальное время под своим контролем"⁷ и т.д.

На деле исторические события в определенные периоды, когда накопившиеся ранее противоречия приходят к своему разрешению, когда терпение народа истощается и он переходит к активным действиям, мчатся со страшной скоростью. В течение нескольких месяцев с февраля по октябрь 1917 года обстановка в России изменялась стремительно, каждая неделя вносила новое в расстановку политических сил. С другой стороны царствование Николая I может казаться долгим днем исторической дремы, начавшимся с расстрела на Сенатской площади и закончившимся поражением в Крымской войне. Маркс отмечал, что есть великие дни, "концентрирующие в себе по 20 лет", в то время как иные двадцатилетия могут равняться одному дню. Однако неравномерность хода исторических событий во времени не означает, что с появлением человечества время стало идти неравномерно. Если придерживаться подобной точки зрения, то и власти, прежде всего власти государственной, можно приписать свойство "ускорять" время в одних случаях и "замедлять" его в других. Представление о власти как "конструкторе" истории, о чем речь пойдет далее, вполне допускает придание власти указанной способности; на деле власть может только способствовать либо ускорению либо замедлению объективного хода истории, но никак не времени, как такового, которое продолжает свое течение.

Второе направление субъективизации понятия времени является "привилегией" социологии. Изучение бюджетов времени населения, различных социальных и демографических групп, в том числе компаративные исследования международного характера, - одно из весьма плодотворных направлений конкретных социологических исследований, на базе которых была разработана методика и особый концептуальный аппарат, дающий основания считать указанное направление одной из теорий "среднего

уловня". В ходе разработки этой проблематики появились специально написанные книги о "социальном времени". Так, например, Г.Зборовский утверждает, что "социальное время" надо рассматривать "как взаимосвязь ряда элементов (рабочее, вне рабочее, свободное)..."; в другом месте еще определеннее: "деятельность человека обусловлена особенностями и структурой социального времени"⁸.

При чтении такого рода трудов возникает впечатление, что под "социальным временем" понимается просто-напросто соотношение различного рода способов проведения свободного и рабочего времени, соотношения между ними в масштабах дня, недели, года, характерного для тех или иных общностей в данных исторических условиях. Ясно, что во-первых, никакого дополнительного знания введение этой терминологии не дает, хотя может внедрять в умы путаницу насчет "социального времени", как зависящего от воли и сознания людей. Во-вторых, поскольку политическая, экономическая, идеологическая власть воздействует как на условия бытия, так и на сознание людей (например, сокращая либо удлиняя продолжительность рабочего дня и недели; пропагандируя регулярные занятия физической культурой и создавая для этого условия либо поощряя рекламу крепких напитков и снижая установленную на них государством цену) и тем влияя на способы проведения времени и их соотношение, то "конструкторская" функция власти может быть распространена и на "социальное время".

Несколько иным, хотя в главном схожим, оказывается положение с введением в социологический оборот понятия "социального пространства". И здесь философской основой субъективистского понимания пространства являются воззрения Канта и Юма, их современных продолжателей. Как известно, для Канта пространство, как и время, суть врожденные формы чувственного восприятия, в принципе идентичные для всех представителей человеческого рода; для Юма (тем более для Беркли и других представителей субъективного идеализма) пространство обозначает рядоположенность восприятий в данный момент, а время их следование друг за другом. Последовательное проведение этой точки зрения подводит к выводу, что у каждого человека наличествует свое личное пространство и время. Со столь одиозной, откровенно субъективистской трактовкой понятия "социального пространства", ставящей под сомнение общезначимость пространственных представлений, по крайней мере у всех респондентов, в социологии делать нечего; это полностью отно-

сится и к последовательно субъективистским трактовкам "социального времени".

Понятие "социального пространства" было введено в социологию П.Сорокиным в достаточно нейтральной форме: люди-точки пространства, отношения между ними - линии, связующие эти точки между собой, по ним передается взаимодействие. Понятие социального пространства обычно относят к данному социуму, его можно расширять, умножая круг знакомств и влияние, либо сужать, уходя в монашескую келью. Поскольку же народы связаны между собой, то социальное пространство в широком смысле, согласно Сорокину, - народонаселение всей земли.

Причины введения этого понятия в социологию связаны с использованием в математике "многомерных пространств" - полезной абстракции, обозначающей множество точек, функций и т.д., а также с понятием поля в современной физике. Начиная с теории электромагнитного поля Максвелла, под полями понимают материальные пространства, которые как бы "пронизаны" определенными силами взаимодействия. Через каждую точку пространства проходят силовые линии, она испытывает напряжение и вместе с тем является источником напряжения. Это представление может вдохновляться также общей теорией относительности, воплотившей исходящую из неевклидовой геометрии идею кривизны пространства вследствие неравномерности распределения материальных масс.

По аналогии представление о "социальном пространстве" может служить образом, метафорой, способной вдохновить воображение гуманитария, поскольку каждый человек является одновременно объектом воздействия других людей, общества и субъектом, от которого исходят импульсы воздействия на других людей, на общество. Все дело, по-видимому в том, какую конкретную интерпретацию получает идея "социального пространства", какими реальными свойствами его наделяют социологи, пытающиеся приспособить заимствованные из математики и физики представления к познанию общества.

В докладе А.Г.Здравомыслова на "прощальной" конференции Советской Социологической Ассоциации в июне 1993 года вниманию собравшихся был предложен "президентский доклад" на тему: "Проблема власти в современной социологии"⁹. В последующем в сокращенном виде этот доклад был опубликован в качестве журнальной статьи¹⁰. В докладе говорится о преодолении "постмарксистской" и "поствеберовской" социологии с позиций постмодернизма в социологии. Что же нового дает в понимании власти социологический "постмодернизм"? Поскольку многие

существенные положения доклада не вошли в указанную статью, далее мы будем ссылаться на доклад, указывая в скобках страницы издания (9).

Следует заметить, что концепция власти, развитая в упомянутом докладе, по части "социального пространства" имеет своим прямым источником статью французского социолога П.Бурдьё, не столь давно вышедшую в русском переводе¹¹. Характерны выражения: "не случайно Бурдьё выделяет", "важный тезис Бурдьё", Бурдьё "уделяет особое внимание" и т.п. Автор цитирует Бурдьё с таким же усердием и поминает его имя с таким же пиететом, как не столь давно, будучи сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, цитировал и поминал Маркса, Энгельса и Ленина. Источник вдохновения поменялся, но стиль мышления остался прежним. Не зря говорится: "человек - это стиль...".

Первая особенность концепции Бурдьё - Здравомыслова состоит в том, что в рамках общего "социального пространства" признается существование экономического, политического и "символического" "пространств"; под последним понимаются духовные связи, осуществляемые с помощью языка и других способов передачи информации. По существу, это некие "субпространства", входящие в общее "социальное пространство". С помощью новых терминов обозначается общепризнанный факт, что система общественных отношений может быть подразделена на отношения экономические, политические и идеологические (духовные, культурные). От переименования этих подсистем в субпространства мы ничего не выигрываем, тем более, что Бурдьё признает взаимосвязь этих видов общественных отношений ("пространств"). При этом А.Г.Здравомыслов упускает из виду (на это справедливо указал в своем выступлении на конференции Ю.Е.Волков), что термин "социальный" кроме своего общего значения, равнозначного общественному, имеет еще и другой, специальный смысл, закреплённый в таких понятиях, как социальная сфера, социальная политика, социальные группы и т.д. Ответа на этот вопрос в заключительном слове не последовало, ибо пришлось бы вводить в "социальное пространство" еще и "социальное субпространство" под тем же самым названием. Ненужность "избыточной" терминологии становится очевидной.

Цель введения "пространственной" терминологии у обоих авторов проясняется, когда они подходят к определению сущности власти, властных отношений между людьми; такова вторая особенность данной концепции. Она не ограничивает властные отношения государством, справедливо усматривая их наличие в самых различных сферах жизни, начиная с детского сада. Но они

идут дальше, полагая атрибут власти необходимой чертой совместных действий людей. Приведенное в докладе определение власти, тем не менее, не содержит *differencia specifica*. Вот оно: "Власть - это определенная совокупность средств организации социального пространства через соответствующие точки напряжения, через линии искривления пространства. Она существует везде, где есть совместная деятельность; это необходимый атрибут общественных отношений, суть которого заключается в переводе материальных и духовных интересов и сил в совместное действие" (9, с. 15). Напряжение и искривление "социального пространства" заданы как его непреременные черты, поэтому следует сосредоточить внимание на заключительной фразе. Попробуем подставить вместо слова "власть" другие слова, например, "кооперация" или "взаимодействие", и определение полностью сохранит силу, поскольку в любом совместном действии двух и более людей, начиная с полового акта по доброму согласию или распития бутылки "на троих", имеет место "перевод материальных и духовных интересов и сил в совместное действие".

Власть, властные отношения обладают своей спецификой, это далеко не всякий перевод совместных интересов и сил в совместное действие. Так, для Н.Смелзера "власть - способность навязывать свою волю другим и мобилизовывать ресурсы"¹². Выше мы приводили определение, данное в "Философском энциклопедическом словаре", где власть трактуется, как "способность и возможность осуществлять свою волю", "оказывать... воздействие на ... поведение людей"¹³. Вполне нейтральный "Словарь русского языка" трактует власть как "право и возможность распоряжаться, повелевать кем, чем-либо"¹⁴. При всем различии позиций все указанные авторы в близких выражениях характеризуют власть как особый вид общественных отношений, в котором присутствует распоряжение, повелевание, навязывание своей воли, оказание воздействия с помощью тех или иных средств. Так что отождествление любых отношений в обществе с навязыванием своей воли отнюдь не новое направление в философской, юридической, социологической, исторической и т.д. литературе и называется оно волюнтаризмом. Введение "социально-пространственной" терминологии ничего нового в проблему в этом отношении не вносит.

МЕХАНИЗМЫ ДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

Но может быть социологический "пос.модернизм" в этом вопросе оправдывает свое громкое название, ибо если модернизм означает новое, то постмодернизм - "сверхновое", так сказать последнее слово науки (или искусства)?

Мы опускаем вопросы о механизмах власти вообще (авторитет, право, насилие и т.д.) и механизмах государственной власти в его политологической и юридической плоскости. Нас здесь будет интересовать социологическая (в известном смысле социально-философская) постановка вопроса и "постмодернистский" ответ на него в редакции А.Г.Здравомыслова. Вполне естественно, что в центре внимания будет положение в нашей стране на протяжении последних десятилетий ее истории. А.Г.Здравомыслов в не столь давние времена в своих выступлениях постоянно подчеркивал, что государство должно выражать интересы трудящихся классов и социальных групп, всего советского народа; в этом же смысле говорилось и об отражении указанных интересов в экономической и социальной политике государства. Такова была господствующая во всей советской обществоведческой литературе позиция. В 1993 году он дает принципиально иную формулировку: "Власть не просто отражает интересы", она творит новые отношения, она конструирует социальный мир, модифицируя социальное пространство" (9, с. 19 *подч. мною - М.Р.*). Первая часть приведенной формулы напоминает нечто хорошо знакомое: "Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его". В этом известном высказывании В.И.Ленина, сделанном при чтении "Логики" Гегеля, выражена концепция творческого отражения объективного мира сознанием человека на основе материальной, практической деятельности по его преобразованию. "Мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его"¹⁵ - это замечание на полях неотделимо от предшествующего. Творчество духовное, ставящее цели для действия и творчество материальное, изменяющее объективную реальность в соответствии с нуждами, потребностями и одновременно возможностями человека, не является произвольным. В техническом творчестве оно ограничено исторически ограниченным знанием законов природы, свойств естественных и создаваемых людьми материалов, наконец, имеющимися в распоряжении общества ресурсами. Творчество в социальной сфере (пространстве?) тоже ограничено наличным, унаследованным уровнем производства, характером общественных отношений и объективными возможностями их изменения в соответствии с логикой общественного развития. Безусловно, спектр, веер возможностей здесь более широк, поскольку каждый субъект общественной жизни, будь то индивид, организация, государство, имеет возможность выбора и в меру своих сил реализует эту возможность, ибо каждый из субъек-

ектов в выборе целей и действий *ограничен* целями, волей, действиями других субъектов исторического процесса.

Мы остановились на этом, достаточно подробно освещенном в социологической литературе вопросе потому, что в приведенной формуле Здравомыслова упоминание об объективных ограничителях "конструирования" отсутствует, а само конструирование понимается, хотя и с рассеянными кое-где робкими оговорками, как процесс, определяемый свободным выбором власти, которая сообразуется лишь со своей собственной "социальной природой" - к ней мы еще вернемся чуть далее.

Стоит проследить за эволюцией воззрений А.Г.Здравомыслова по вопросу о власти и способах осуществления ею своих функций. Доклад 1993 года избавляет от обязанности изучать труды автора в их исторической последовательности*. Доклад данного автора хорош тем, что в нем последовательно рассматриваются три концепции деятельности государственной власти, причем именно в том порядке, в котором они исторически следовали одна за другой в нашей стране и высказывается своя собственная нынешняя оценка каждой из них.

Первой рассматривается "рационалистическая концепция власти", в которой легко угадывается теория и практика директивного планирования и жесткого бюрократического управления Советского государства, распорядившегося всеми ресурсами страны и жизнью своих подданных. Автор иронизирует под политиком, который "знает" (кавычки Здравомыслова), в чем состоит цель общества и сам ставит себя на службу этому знанию" (9, с. 21). В этой тираде легко угадывается объект критики - марксистская концепция свободы как познанной и используемой на практике объективной необходимости. Автор отбрасывает эту концепцию под тем предлогом, что, мол, "практика недавнего прошлого нашей страны ... опровергает эту модель" (там же). Нам представляется, что автор весьма односторонне подходит к практике директивного планирования и управления в нашей стране и к мировому опыту, который свидетельствует о наличии разных форм "рационалистической концепции власти" и об успешном применении их в практике управления.

---

* Заметим, что нам вообще не по душе подобные методы, хотя они приобрели с недавних пор изрядную популярность. Не составляет трудностей раскрыть чью-то книгу 1952 или 1985 года издания и сопоставить с нынешними книгами, статьями, найти противоречия и накладки и сделать выводы. Не лучше ли судить о людях на основе того, что они сами говорят сегодня об эволюции своих воззрений?

Во-первых, опыт развития плановой экономики в Советском Союзе в экстремальных условиях отсталой страны, разоренной первой мировой и гражданской войной, вынужденной в максимально короткий срок создать основы современной индустрии, чтобы обеспечить оборону страны перед лицом неминуемого вражеского нашествия, а затем фактически в единоборстве победить фашистскую агрессию нельзя оценивать только негативно. Да, средства были применены варварские, издержки оказались колоссальными, притом, что многие из них не были объективно неизбежны. Это, в частности, массовые репрессии против невинных людей, в том числе партийных, военных, научно-технических кадров, гуманитарной интеллигенции, миллионов крестьян, выселенных из родных мест и т.д. Это рассуждение можно было бы продолжить, указав на невиданно быстрое восстановление разрушенной страны после войны и создание ракетно-ядерного щита, обеспечившего сохранение мира через равновесие сил в глобальном масштабе на протяжении десятилетий "холодной" войны. Экономика СССР поэтому была мобилизационной экономикой, а политический строй и идеологическая надстройка обеспечивали безраздельное господство партийно-государственной власти. Развал Союза был, в конечном счете, вызван неравенством сил и проигрышем третьей мировой ("холодной") войны. При этом внешние силы умело использовали борьбу за власть двух групп элиты в Москве и сепаратистские националистические движения, возглавляемые местной элитой, рвущейся к господству в союзных республиках. Пороки бюрократического планирования возрастали, что не позволило воспользоваться плодами научно-технической революции вне военной области - в гражданской промышленности, сельском хозяйстве, сфере обслуживания. Это все известно. Тем не менее, советский опыт ведения планового хозяйства заслуживает в целом позитивной оценки и имеет подлинно мировое значение.

Во-вторых, этот опыт оказал глубокое влияние на ведение хозяйства не только в военных, но и в мирных условиях в странах более развитых и не испытавших таких тяжелых разрушений, как наша. "Дирижизм" во Франции, десятилетние планы развития экономики в Японии, весьма жесткое государственное регулирование в ряде стран Юго-Восточной Азии ("новые драконы"), наконец, не получивший еще должного раскрытия в нашей печати опыт сочетания плановых и рыночных начал в бурно развивающемся социалистическом (по направленности эволюции) Китае - все это свидетельствует о растущем влиянии "рациональной модели" управления в масштабах национальных государств. Что же

касается таких крупнейших хозяйственных организаций, как транснациональные корпорации, то гибкое планирование, учитывающее конъюнктуру мирового рынка, является законом их деятельности.

В-третьих, процессы региональной интеграции идут во всем мире. СЭВ потерпел крушение вместе с Советским Союзом, в результате проиграли все члены этого объединения. Но Европейский Союз успешно раздвигает свои рамки и поручает наднациональным органам все более существенные экономические и социальные функции. НАФТА в Северной Америке, Андская группа в Южной, АСЕАН в Азии и т.д. свидетельствуют о мировой тенденции расширения рациональных начал в управлении экономическими и социальными процессами в регионах планеты. Информатизация общества при безусловной монополии Запада, прежде всего США, на телевидении, в киноиндустрии, на радио, в шоу-бизнесе, нравится это или нет, свидетельствуют о глобализации "символического пространства".

Наконец, в-четвертых, грозящая нашей планете экологическая катастрофа потребует (уже требует!) планомерного регулирования отношений человечества с природной средой в масштабах всей планеты и, далее, околоземного пространства, включая сохранение озонового слоя, ядерно-ракетную оборону Земли от возможных столкновений с астероидами и хвостами комет, освоения способов передачи солнечной энергии через станции на Луне и т.д. Регулирование отношений с природой потребует изменения стиля жизни как "золотого миллиарда", варварски истощающего ресурсы всей планеты, так и в развивающихся странах. В последних необходимо обеспечить хотя бы минимальные разумные потребности пяти миллиардов людей и ограничить безудержный рост населения путем планирования семьи на основе роста культуры. Конференция под эгидой ООН, состоявшаяся в 1992 году в Рио де Жанейро и прошедшая в 1994 году конференция по народонаселению в Каире свидетельствуют, что идеи "рационалистической концепции власти" проникают в сознание человечества. За ними будущее, если, конечно, стихийные силы общественного развития не приведут человечество к гибели из-за превращения Земли в непригодную для обитания планету¹⁶.

Не менее решительно отвергает А.Г.Здравомыслов и второй вариант осуществления властных полномочий государством, который назван им "либеральным". Этот вариант основан на признании сложной социальной структуры современного общества, наличия в нем классов, социальных групп и слоев с различными,

часто противоположными интересами. Празда, автор доклада избегает употреблять понятие класса, подчеркивая тем самым, что не только марксизм, но и "постмарксизм" оставлены им как явно устаревшие концепции на фоне шестивия постмодернизма. Но суть дела не изменится, назовем ли мы работников наемного труда рабочим классом или совокупностью социальных групп и слоев, имеющих общий признак - продажу рабочей силы владельцам средств производства, будь то отдельный капиталист, корпорация или государство. Государство, кто бы не стоял в его главе, вынуждено учитывать указанное многообразие и взаимное переплетение интересов в своей экономической и социальной политике. Безусловно, подводимый властью баланс интересов, например, при принятии ежегодного бюджета в британском парламенте, сводится так, чтобы основные интересы господствующего класса были сохранены и по возможности упрочены. Но буржуазия в XX веке многому научилась, в том числе и под влиянием русской революции и освободительного движения в колониях и зависимых странах, обретения ими независимости. Используя сверхприбыли, многократно возросшие после падения колониальной системы вследствие возросшей экономической эксплуатации народов этих стран и их естественных богатств, увеличение разрыва в уровне жизни, господствующие классы трех центров мощи западного мира пошли на существенные уступки трудящимся своих стран. С помощью налоговой системы происходит существенное перераспределение национального дохода. В Швеции налоги и сборы достигают 54,5% ВВП (в Дании 52%, Нидерландах 46,5%, более 40% во Франции, Германии и т.д.). Каждая третья марка из бюджета ФРГ затрачивается на социальные цели, обеспечивая 6-недельный оплачиваемый отпуск, пособия безработным, а также "социальные пособия", помощь эмигрантам и многое другое. В США законодательно установлен минимум оплаты труда в размере 4,5 долларов за час, английские лейбористы развернули кампанию за повышение этого минимума в своей стране до четырех фунтов стерлингов. Так называемое "государство всеобщего благосостояния" на деле, конечно, им не является. Р.Дарендорф полагает, что основным внутренним социальным противоречием в странах западного мира является противоречие между двумя третями граждан, пользующихся благами "общества потребления" и одной третью, стоящей за чертой сложившегося там уровня потребления¹⁷. Но "либеральная модель управления", начатая политикой Ф.Рузвельта в 30-ые годы в США и получившая экономическое обоснование в кейнсианстве, оказывается весьма эффективной. Приходящие на смену либера-

лам и социал-демократам сторонники рейганизма и тэтчеризма при всем желании отобрать основные социальные завоевания у массы населения не могут. Профсоюзы и политические партии левого направления не дают существенно изменить баланс интересов, поскольку за их спиной находится часть электората, а в случаях обострения борьбы за свои интересы рабочие, служащие, мигранты, студенты переходят к массовым действиям. Власти стремятся такие "случаи" по возможности предупредить, прибегая к услугам полиции в крайних случаях, как в 1968 году в Париже.

Так что "либеральная модель" государственного управления, апологетов которой достаточно и на Западе и среди наших ученых, не может быть просто сброшена со счетов. Почему же ее отвергает автор рассматриваемого доклада? Сам он указывает на разочарование в "перестройке", которая привела к "тупииковой ситуации" (9, с. 22). Действительно "перестройка" кончилась крахом, и не только "политики перестройки", но и великой державы. Попытки насадить либеральную модель управления тогдашним руководством СССР были робкими и непоследовательными. По сути дела во второй половине 80-ых г.г. сохранялась старая модель, стержнем которой был партийный аппарат.

Нам представляется, что ссылка на провал перестройки - не более, чем дымовая завеса. К лету 1993 года идеологи "либерал-демократов" уже успели отказаться от демократических лозунгов 1989 года, поскольку углубление социально-экономического кризиса и рост возмущения ограбленных масс заставили их повернуться в сторону безусловной поддержки режима личной власти, который на деле является "коллективным Распутиным", выражает и защищает интересы блока двух новых групп правящей элиты: компрадорской буржуазии и коррумпированной "демократической" номенклатуры. Чуткое ухо Здравомыслова уловило этот сдвиг еще до событий сентября-октября 1993 года, до собрания "демократической интеллигенции" в Бетховенском зале, до письма 42 ее наиболее активных деятелей в "Известиях" в дни октября 1993 года. А.Г.Здравомыслов принял участие в международном симпозиуме научного крыла "демократической интеллигенции", состоявшемся 17-19 декабря 1993 года, т.е. уже после выборов в новое Федеральное собрание 12 декабря по законам антидемократической Конституции, закончившихся, тем не менее, поражением проправительственных партий. Выступая на этом симпозиуме, Е.Н.Стариков заявил: "Все мы, здесь присутствующие (может быть, за одним-двумя исключениями), сходимся в том, что авторитаризм на Руси неизбежен"¹⁸.

Стоит ли удивляться приверженности А.Г.Здравомыслова "третьему варианту"? Сущность этого варианта описывается им следующим образом: "властные структуры воспроизводят и конструируют ту систему отношений, которая возникает и развивается в их собственной среде" (9, с. 22). Еще откровеннее в другом месте: "власть создает общество по своему образу и подобию" (там же). Такова апология авторитарной власти, которую А.И.Солженицын с думской трибуны назвал олигархией. Скажем точнее: это слегка прикрытая безвластной Думой, окружившая себя охранными подразделениями и элитными воинскими частями диктатура нынешних правящих социальных групп: компрадорской буржуазии и новой бюрократии. Последняя по численности на 1000 человек населения вдвое превысила бюрократическую машину советского периода, с той существенной разницей, что вторая плохо ли, хорошо ли, управляла страной, до 80-ых г.г. обеспечивался рост производства и хотя бы медленный рост благосостояния масс, а первая потеряла управление страной и "обеспечила" разрушение производства и падение наполовину жизненного уровня 80-90% населения.

Как можно понять глубокомысленную фразу насчет "создания общества по своему образу и подобию"? Превращение всех граждан в спекулянтов, "челноков", игроков, скупающих и продающих акции МММ, Тибета, Чары и сотен других компаний, обещающих жизнь "на халяву"? Или превращение всех граждан в хапуг-чиновников, в милиционеров и охранников, в службу "новых русских"? Автор предусмотрительно не доводит свою мысль до конца. Иначе ему пришлось бы признать, что общество может существовать без производительных классов, без ученых, без трудовой интеллигенции, которая учит и лечит людей, без рабочих и крестьян (независимо от того колхозники они, акционеры кооператива или фермеры), наконец, без предпринимателей, вкладывающих деньги и труд в развитие национальной промышленности.

Какое же гносеологическое, философское обоснование третьего варианта? В Заключении, которое суммирует все сказанное ранее, читаем: "Власть конструирует социальную реальность, но это она делает отнюдь не в соответствии с некоторым заранее разработанным планом. Во всяком случае, рациональное обоснование будущего не играет в этом процессе существенного значения. Она осуществляет этот процесс произвольно, в соответствии со своей собственной природой" (9, с. 33, *подч. мною - М.Р.*).

О масштабах подобного произвольного конструирования можно судить по экскурсу автора в теорию нации. Критикуя "наше догматизированное обществоведение", Здравомыслов, со ссылками на "новое направление" (Геллнер, Андерсон), уверяет, что "здесь мы сталкиваемся с процессом конструирования общественных отношений, субъектом которого выступают властные структуры, а объектом - этнические сообщества" (9; с. 25). Отрицание объективных закономерностей развития общества доводится до абсурда. Государственная власть может оказывать влияние на формирование нации-государства, например, устанавливая иммиграционные квоты, может проводить политику ассимиляции нацменьшинств или, напротив, создавать им условия для развития национальной культуры и самосознания. Но можно ли считать "сконструированной" чеченскую этническую общность? И можно ли "сконструировать" исчезновение баскской этнической общности в Испании?

А.Г.Здравомыслов на данном этапе, пройдя успешно увлечение рационализмом и либерализмом, диктатурой и демократией западного образца, приходит к прославлению метода "конструирования", который может быть назван *методом проб и ошибок*, движением наощупь по собственному велению, которое, однако, вынуждено считаться с "сопротивлением материала". Это волюнтаризм в понимании сущности и функций государственной власти, но не волюнтаризм "классический", а волюнтаризм прагматистского толка, "ползучий эмпиризм", не способный ставить и достигать значительных общественно значимых целей, но более всего заботящийся о сохранении собственного благополучия, удержания власти в своих руках. Неспособность такой власти вывести страну из плачевного состояния, грозящего национальной катастрофой, становится очевидной не только для оппозиции, но и многих бывших участников "гайдаровской команды". Так, С.Глазьев, характеризуя проект государственного бюджета на 1995 год, представленного правительством в Думу, сказал, что этот бюджет "не может работать по трем причинам - беспомощности, безыдейности и безответственности"¹⁹. Поскольку в бюджете сконцентрирована экономическая и социальная политика, данная оценка может быть отнесена к системе управления российским государством в наше смутное время.

Сделанные автором в ряде мест оговорки, что "предложенное в настоящем докладе понимание власти не следует смешивать с волюнтаристским пониманием политики" (9; с. 33) не могут убедить читателя, поскольку "конструирование социальной реальности "властью" по своему образу и подобию" суть не что иное, как

волютаризм в его особом варианте, "подогнанном" к описанию сложившегося к настоящему времени состоянию государственной власти в России.

Таким образом, три варианта власти в схеме Здравомыслова соответствуют трем исторически следовавшим один за другим реальным вариантам государственной власти или, по крайней мере, идеализированному представлению о механизме ее функционирования. Здравомыслов одобрял в свое время первый вариант, поскольку он позволял ему благоденствовать в партийном аппарате. Теперь он его отвергает. Он одобрял второй вариант, который, как мы знаем, вдохновлялся либеральной моделью, но воплощен в жизнь в СССР не был. Автор примыкал к "прорабам перестройки", пока это было выгодно и удобно. Теперь он ее тоже отвергает; прославление "перестройки" ныне не сулит дивидендов, напротив, может поставить в смешное положение. В обоих случаях, как было замечено выше, он выплескивает из ванны вместе с водой ребенка. Теперь наступила пора, когда нужно теоретически "обосновать" капитализацию России и государственную власть, которая эту задачу выполняет, хотя и не лучшим образом, подвергаясь критике слева и справа. Конечно же, это надо делать, пользуясь абстрактными категориями, не прямо, не в лоб, а "с высот теории", "от имени современной социологии" - сверхновой, "постмодернистской". Именно это сегодня выгодно и удобно, позволяет занимать посты в Фондах, ведающих распределением грантов и т.д.

Страна подошла к рубежу, когда становится неизбежной смена политики и лиц, берущих на себя функции ее осуществления. Когда это случится и кто будет эту политику осуществлять мы сегодня предсказать не можем. Но можно не без оснований предположить, что теоретические построения "постмодернизма" испытают очередной поворот.

Списанное выше на примере эволюции одного социолога явление называется приспособленчеством. В общественных науках оно принимает различные формы - от мгновенного, в одночасье "прозрения" с поворотом на 180 градусов, до более или менее плавной эволюции. Этот вариант напоминает явление, известное в биологии под названием тропизмов, когда органы растений в ответ на воздействие внешней среды совершают движение в определенном направлении. Наиболее нагляден гелиотропизм - головка подсолнечника поворачивается вслед за движением солнца. Движение головы социолога вслед за солнцем - источником власти принадлежит к недостаточно изученному виду

тропизмов. В качестве подходящего термина мы можем предложить для обозначения этого явления название социотропизма.

ВЛАСТЬ И СОЦИОЛОГИЯ В СССР В 60-80-ые гг. Другой стороной рассматриваемого вопроса является отношение власти к социологии. Общая постановка проблемы достаточно хорошо известна. Любая наука, и социология не является исключением, имеет два источника развития. Первый - запросы общества, которые находят известное выражение в отношении к науке властных структур. Политической власти, прежде всего, через политику государства по отношению к научным исследованиям и научным кадрам вообще, в данной области науки - в частности; экономической власти - через финансирование научных исследований вообще и, в частности, удовлетворении непосредственных интересов экономических центров власти, в том числе и государства как собственника средств производства и проводника экономической политики; идеологической власти - печати и других средств массовой информации, системы образования, церкви и т.д., через навязывание через науку определенной системы ценностей.

Другой источник развития науки - внутренний, заключенный в ее относительной самостоятельности: преемственности идей, в давлении накопленного идейно-теоретического и методического потенциала, наличии научных школ и кадров, их подготовке в сложившихся центрах научной деятельности, в оставленных предшественниками нерешенных или по-новому поставленных жизнью проблемах и т.д.

Особенность положения, сложившегося в нашей стране после Октябрьской революции 1917 года, состоит в невиданной концентрации всех форм власти в руках государства. В 20-ые г.г. этот процесс находился еще в процессе становления, но на пороге 30-ых г.г. партийно-государственная система управления в основных своих чертах сложилась. Вся ее деятельность была подчинена задачам ускоренной индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, мобилизации всех ресурсов для подготовки страны к войне, которая после прихода фашизма к власти в Германии и активизации агрессивной политики Японии в Азии стала неизбежной. Государство фактически сосредоточило в своих руках все рычаги управления экономикой и средства идеологического воздействия на население. Любые попытки идеологического противостояния партийно-государственной политике подавлялись с большой жестокостью. Развостыленная система идеологического воспитания после выхода в свет "Краткого курса истории ВКП(б)" в 1938 году имела своей задачей обеспечить мо-

рально-политическое единство народа и его сплочение вокруг партии и ее политики, персонифицированной в личности Сталина.

Отечественная война, с одной стороны, показала эффективность этой системы, с другой, способствовала реальному сплочению народа вокруг руководства во имя спасения страны от перспективы превращения в колонию, а народа - в положение обреченных на рабский труд туземцев, причем половина славянского населения подлежала истреблению или переселению в Сибирь.

Политика партийно-государственной системы управления в СССР в отношении науки и образования в целом заслуживает высокой оценки. Произошла подлинная культурная революция в стране, половина населения которой была неграмотной и полуграмотной. Была подготовлена армия специалистов во всех областях, созданы сотни научно-исследовательских институтов и в результате в решающих для обороны страны областях был достигнут мировой уровень научно-технической мысли и налажено производство военной техники.

Только на этом историческом фоне может быть правильно понято отношение власти к социологии, да и всем общественным наукам вообще. Функции этих наук двоякие: обслуживание непосредственных задач социально-экономического и политического развития страны и обеспечение господствующей идеологии научной (или псевдонаучной) аргументацией, функционирования средств пропаганды и агитации, а также критика враждебной идеологии. Если в экономической, для примера, науке оставался известный простор для выполнения социально-инженерных функций, то социология оказалась в худшем положении. Официально поддерживаемая марксистская теоретическая социология в лице исторического материализма, хотя и вульгаризованного в § 2 гл. IV "Краткого курса", получала полную поддержку. Было бы упрощением, на наш взгляд, полагать, что изучение "истмата" даже в таком виде не принесло известной пользы, поскольку миллионы людей через сеть политпросвещения, вузы и т.д. получили некоторое представление о смене формаций в ходе истории, о содержании таких понятий как производительные силы общества и производственные отношения и т.д. Но одновременно им прививался догматический взгляд на развитие общества и апологетическое восприятие достижений существующего общественного строя.

Социально-инженерные функции социологии оказались в полном забвении, более того - под запретом. Она была не одинока, разделив участь статистики. Реальное положение дел в об-

ществе, реконструкция которого была связана с непомерными лишениями, массовым голодом, репрессиями, жертвами, требовало соблюдения режима строгой секретности, который оправдывался требованиями сохранения военной тайны и шпиономанией. Конкретные социологические исследования, получившие в России известное развитие еще до революции и по инерции продолжавшиеся в годы НЭПа, были строгой запрещены. Удивляться этому не приходится, даже перепись населения 1937 года, а это самое массовое и дорогостоящее социологическое исследование, была проведена и... настолько засекречена, что ее "как бы и не было". Просто результаты переписи оказались "не теми, что нужно", ее пришлось повторить в 1939 году, когда катастрофическая убыль населения была хотя бы отчасти "погашена" высокой в то время рождаемостью на протяжении двух лет²⁰. Поскольку же социология на Западе понималась традиционно прежде всего как эмпирическая социология, то она попала в разряд "неблагонадежных" наук и понималась преимущественно как подлежащая критике "буржуазная наука".

Коренное изменение в положении социологии произошло после XX съезда партии, критики культа личности Сталина на этом съезде и общим изменением общественной атмосферы. С конца 50-ых г.г. начался период постепенного развертывания социологии в СССР, изменения отношения к западной социологии, установления прямых контактов с учеными на международной арене, в т.ч. постоянного участия в конференциях и конгрессах, развития эмпирических исследований в самых разных областях социологии, подготовки кадров социологов-профессионалов в высшей школе. Кстати сказать, таковая была начата ранее других на философском факультете Уральского университета, где мне пришлось быть в то время деканом, еще в 60-ые годы.

В отношении этого периода в развитии советской социологии, продолжавшегося до конца 80-ых г.г., когда началось крушение партийно-государственной системы управления и самого Союза, существуют различные оценки. В нашу задачу здесь не входит дать очерк истории советской социологии, тем более, что в совместно с Г.В.Осиповым созданной книге, изданной по линии Всемирной Социологической Ассоциации²¹ и в статье, написанной к 20-летию журнала "Социологические исследования"²², который был создан в 1974 году, ряд вопросов этой истории нашел освещение. Здесь достаточно отметить, что определенная группа советских (тогда), российских (теперь) социологов в самое последнее время предприняла усилия по освещению проблемы: "власть и социология" в модном духе принижения или за-

черкивания всего положительного, что было сделано в период 60-80-ые г.г. в социологии, кроме собственных трудов и апологии собственной научной деятельности: последнюю в ретроспективе пытаются представить как оппозиционную или даже конфронтационную по отношению к "партийным инстанциям", хотя на деле она этими чертами не отличалась. Такого рода дух пронизывает ряд выступлений на симпозиуме "Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность", проведенного Институтом социологии РАН в марте 1994 года. Приведем два характерных высказывания. В.Б.Ольшанский говорил: "Многие из нас, социологов в какой-то мере работали на подрыв общества" (23, с. 61). Эта же мысль у В.Н.Шубкина звучит так: "...социология просто не могла удержаться, устоять на ногах под ударами официальных органов" (там же, с. 9). В основанном на изучении источников выступлении Г.С.Батыгина было отмечено, что "социология нужна была для реформирования и дальнейшего развития современной версии марксизма" (там же, с. 21) и далее: "трудно поверить, что в это время кто-то посмел бы запретить социологию" (там же).

Идеологическая функция социологии с конца 50-ых г.г. была признана партийными властями, и ею были сделаны постепенные шаги по организации научно-исследовательских учреждений этого профиля, организации участия в международной научной жизни, открытию специального социологического журнала, организации высшего социологического образования, выпуску переводов западной литературы и т. д. Выступавшие на указанном симпозиуме социологи (и многие другие) постоянно привлекались к подготовке директивных документов в центре и на местах - в республиках, областях, крупных городах. Но, с другой стороны, оставались идеологические ограничения, которые усилились после чехословацких событий 1968 года, а затем постепенно ослабевали, чтобы в годы "перестройки" рухнуть окончательно.

Эти ограничения проявлялись и в развитии главной для социологической науки сферы - социальной инженерии. Оставалось под запретом освещение таких явлений как привилегии партгосноменклатуры, состояние преступности и порядки в местах заключения, социальные процессы в закрытых городах и на предприятиях военной промышленности и т. д. Более того, подчас доходило до смешного. Мне, как директору Института социологических исследований АН СССР, в 1976 году пришлось подать заявление об отставке после пренеприятного конфликта в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС. Конфликт возник потому,

что одним из отделов института был разослан в края и области РСФСР опросный лист для экспертов на уровне руководящих работников, в котором ... содержался такой злокозненный вопрос: "как влияют недостатки в продовольственном снабжении края (области) на миграцию населения"? Будучи обвинен на этом "основании" в преклонении перед буржуазной идеологией и не получив поддержки со стороны руководства Академии в лице вице-президента П.Н.Федосеева (об отношении которого к социологии можно сказать многое), я предпочел вернуться к научно-преподавательской деятельности.

Однако указанные ограничения и конфликты не должны загромождать главного: социология в СССР в эти десятилетия быстро развивалась, прежде всего за счет выполнения "прикладных" функций, причем особенно в провинции, где местные органы власти были кровно заинтересованы в рекомендациях социологов при решении повседневных задач управления экономическими и социальными процессами. Оценка этого периода в претендующей на обобщение статье А.Г.Здравомыслова (написанной в 1994 году, когда очередной поворот в его мировоззрении уже совершился) страдает крайней односторонностью. Он утверждает, например, что в 70-ые г.г. "время подъема и надежд закончилось", далее, что социология перешла "на чисто информационный характер опросов", когда "сбор эмпирического материала ограничивается рамками прикладной социологии, право же на его обобщение и интерпретацию делегируется "научному коммунизму" или "историческому материализму"²⁴. Эти утверждения Здравомыслова верны по отношению к его собственной деятельности в эти годы в ИМЛ при ЦК КПСС. Социологи же, занимающиеся проблемами семьи, бюджетов времени, трудовыми отношениями в коллективах, проблемами молодежи и образования и т. д., и т. п., не только "собирали информационный материал", но и обобщали его в меру своих способностей в сотнях книг и статей. Достаточно просмотреть хотя бы все последние номера журнала "Социологические исследования" с 1974 года, чтобы наглядно в этом убедиться по спискам опубликованных за год материалов. Библиография социологической литературы, вышедшей в свет в 60-80-ые г.г., если будет составлена, займет не один том.

Выполнение социологией социально-инженерной функции охватывало почти все области общественной жизни, но одним из важнейших, если не важнейшим направлением позитивного воздействия власти на развитие социологических исследований с середины 60-ых годов была практика и теория социального пла-

нирования. Мы остановимся на этом направлении взаимодействия властных структур и социологии подробнее, хотя имелись и многие иные направления, например, через печать, комсомольские организации и т.д.

Первые попытки внести существенные коррективы в сложившуюся практику планирования и управления социально-экономическими процессами, недостатки которой становились все более очевидными, были предприняты еще в 1953 году, сразу после смерти Сталина. Но именно в начале 60-ых г.г. этот вопрос встал во весь рост. Экономисты, выступавшие за внедрение хозрасчетных отношений между госпредприятиями и колхозами, как основными хозяйствующими субъектами, а также за развитие мелкого производства в деревне на основе личного подсобного хозяйства, предлагали реформировать систему хозяйственных отношений, привести ее в соответствие с потребностями развития производительных сил, с необходимостью полнее использовать материальные стимулы труда. При всей половинчатости и недоработанности "косыгинской" хозяйственной реформы 1965 года она означала шаг в указанном направлении. Для наших целей важно подчеркнуть, что реформа расширяла возможности предприятий (при успешных итогах хозяйствования) обращать часть полученной прибыли на развитие социальной сферы. В СССР еще в период индустриализации страны сложилось положение, при котором в городах и рабочих поселках жилье и коммунальное хозяйство, лечебные и детские учреждения, оздоровительная база, дома и дворцы культуры, даже в значительной мере школы находились на балансе предприятий, а на селе - колхозов и совхозов.

Такова была обстановка, когда одновременно в Ленинграде, Свердловске, других крупных промышленных центрах, возникло движение по составлению планов социального развития предприятий, а затем, поскольку территориальные единицы были от предприятий весьма зависимы, также городов, рабочих поселков, городских районов. Составление указанных планов, а затем контроль за их выполнением потребовали проведения конкретных исследований, в которых необходимо было, с одной стороны, выяснить взаимодействие хозяйственных, собственно социальных, культурных факторов в разного типа общностях, с другой стороны, изучить социальную структуру этих общностей, интересы различных групп. От трудового коллектива и города с необходимостью надо было переходить к региону, а от него к стране. Конкретные проблемы социального планирования "уперлись" в неразработанность общих теоретических вопросов, поскольку

официальный "истмат" на эти вопросы ответить не мог. Действительно, в "трех особенностях производства" у Сталина ничего не сказано о взаимодействии экономического и социального развития, а в "трехчленной формуле" о социально-классовой структуре общества и тезисе о полном единстве интересов всех социальных групп не содержалось ключа к пониманию реальной структуры персонала промышленного предприятия, о противоречиях между группами и слоями при распределении общественного продукта.

В развитии социального планирования принимали участие экономисты, правоведы, психологи и т.д., но центральная роль в ней принадлежала социологам - в силу того, что именно социология призвана дать обобщенный, синкретический взгляд как на структуру социума как единство всех сторон общественной жизни, так и на его структуру, как противоречивое единство классов, социальных групп и слоев. Социологами стали в силу необходимости, а отчасти повинувшись моде, многие философы, экономисты, юристы как раз в этот период в ходе работ на ниве "социального планирования". Властные органы на местах быстро оценили реальную пользу социального планирования как средства мобилизации дополнительных материальных и трудовых ресурсов для решения живогрепещущих социальных проблем, таких, как строительство жилья, детских учреждений, охрана труда, улучшение экологической обстановки и т.д. Так, в Свердловске и области основное внимание в этих планах занимала проблема ликвидации оставшихся со времен войны барачков, в которых проживала значительная часть населения. Поскольку подготовленных кадров социологов не имелось, была организована с помощью вузов переподготовка работников, заполнивших штатные должности в заводских социологических лабораториях. Была начата (кстати сказать без санкции Минвуза, но с разрешения местных органов) подготовка студентов и аспирантов философского факультета Уральского университета по специальности "социология"; те и другие активно вовлекались в прикладные исследования. В ряде вузов Свердловска появились социологические лаборатории, выпускалась социологическая научная и учебная литература. Аналогичные процессы происходили в Ленинграде, Новосибирске, ряде других крупных научных центров страны. Поскольку работа по обслуживанию предприятий и учреждений строилась на основе хозяйственных договоров, развитие социологии "подпитывалось" материально. Таким образом, политические и экономические центры власти на местах оказывали существенное позитивное влияние на развитие

прикладных исследований, что в свою очередь, питало теоретические разработки.

Следует заметить, что с середины 70-ых г.г. социальное планирование на предприятиях стало испытывать трудности, так как социальные разделы были включены в государственные планы экономического и социального развития, что привело к уменьшению возможностей самостоятельного решения социальных проблем. Однако именно к этому времени многочисленные методические разработки, созданные разрозненными социологическими группами по всей стране с участием экономистов, психологов, юристов, получили теоретическое обобщение в изданных Профиздатом массовым тиражом методических рекомендациях по социальному планированию предприятий, городов и отраслей промышленности²⁵.

Планирование социального развития трудовых коллективов, территориальных единиц и отраслей дало толчок разработке теорий "среднего уровня" в сфере труда, бюджетов времени, образа жизни и многих других. Одновременно получили распространение в Свердловске, Ленинграде, Новосибирске исследования жизни молодежи, ее интересов, социально-профессиональных планов и социокультурных ориентаций, проводившихся при участии и материальной поддержке комсомольских органов. Они дали толчок разработке проблем социологии молодежи, социологии образования, социальной структуры и социальной мобильности и т.д. Исследования общественного мнения поддерживались многими органами печати, ранее других "Комсомольской правдой". Они также получили теоретическое обобщение во многих трудах, например книге Б.А.Грушина "Мнения о мире и мир мнений". На основе читаемых курсов по социологии в вузах издавалась учебная литература. Важной чертой научной жизни стали региональные и всесоюзные конференции; например, первая всесоюзная конференция по развитию социальной структуры общества была прсведена в Минске в 1966 году и затем на протяжении двух десятилетий они регулярно проводились в разных городах страны.

Мы не ставим здесь целью обрисовать общую картину развития советской социологии в этот период. Нам нужно было ссылками на эти факты подтвердить, во-первых, что процесс развития социологии в целом шел по восходящей; во-вторых, что прикладные исследования вовсе не находились в отрыве от социологической теории, напротив, она развивалась на их основе и одновременно способствовала повышению их методологического и методического уровня; в-третьих, что властные структуры под-

держивали организационно и материально развитие социологии в стране, хотя упомянутые выше идеологические соображения, безусловно оказывали сдерживающее, а в иных случаях негативное влияние.

ВЛАСТЬ И СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ 90-ые гг. Мы опускаем период "перестройки", как переходный во всех отношениях, и остаемся на отношении власти к социологической науке в России новейшего времени, когда она "обрела независимость" (от кого?) в административных границах РСФСР, отбросивших Россию на Юге и Западе к допетровским временам. За 3-4 года в стране произошли коренные изменения в структуре общества (о чем в следующем очерке) и власти. Для наших целей необходимо отметить катастрофические сдвиги в состоянии науки и ее положении в обществе. Если в 1990 году затраты на науку составляли 2,8% ВВП (валового национального продукта), то в 1994 году 0,5%²⁶; это означает на деле уменьшение не в 5-6, а более чем в десять раз, поскольку ВВП сокращался (и продолжает сокращаться) вместе со свертыванием производства. На фоне обнищания массы населения особенно сильно ухудшилось материальное положение научных работников, которые превратились в одну из самых низкооплачиваемых категорий: ныне у 80% зарплата ниже прожиточного минимума. Ученые переходят в коммерческую сферу либо меняют профессию. Приобрела массовый характер миграция научных работников за границу, приток молодежи в науку иссякает, научный потенциал страны разрушается.

Наука коммерциализируется. В этом процессе есть позитивные моменты, поскольку погоня за добыванием средств способствует решению некоторых практических задач; это дает возможность выжить научным организациям, а персоналу получить дополнительный заработок. Однако в условиях обвального спада производства, отсутствия средств на инвестиции коммерциализация деятельности научных организаций принимает уродливые формы: сдачи в наем помещений и оборудования, выполнения работ прикладного характера, не имеющих отношения к сложившемуся профилю научных учреждений, и просто халтуры. Особенно тяжело все это сказывается на фундаментальных исследованиях. Государственное субсидирование ряда наиболее важных направлений, обеспечивающих оборону страны, прекратилось.

На этом общем фоне положение в социологии отличается известными особенностями, поскольку властные структуры в центре и на местах проявляют интерес к выполняемым социоло-

гией идеологической и социально-инженерной функциям. Чтобы выяснить корни этого интереса и степень влияния, оказываемого центрами власти на социологию, следует хотя бы вкратце высказать наше мнение об изменениях в социальной природе государства, новых центрах экономической власти и возросшем значении власти идеологической.

Партийно-государственная бюрократия трансформировалась в президентско-правительственную, находящую продолжение по вертикали в президентской власти в республиках и губернаторской в краях и областях. При этом бюрократический аппарат разросся в расчете на 1.000 чел. населения более, чем в два раза. Но теперь он делит власть в экономике, а поэтому все более и в политике, с новой буржуазией, которая выросла из "теневой", легализовалась под видом кооперации, а в настоящее время захватила целиком сферу обращения, накопила колоссальные средства в коммерческих банках, в том числе зарубежных, а теперь, благодаря политике приватизации (сначала чековой, а теперь аукционной), завладевает основными средствами производства, жилым фондом, отчасти и землей. Собственно говоря, происходит возврат к положению, которое было отмечено Лениным в конце прошлого века: "Тот особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе - это бюрократия. Непосредственная и теснейшая связь этого органа с классом буржуазии явствует... из истории..." и далее: он "связан с ... буржуазией тысячью крепчайших нитей"²⁷. И тогда, когда бюрократия в своих высших эшелонах была дворянской, и сейчас, между этими двумя группами властвующей элиты имеются противоречия. Но они отступают на второй план перед противоречием между их общими интересами и интересами широких масс населения. Тем не менее, противоречия между группами элиты следует учитывать, особенно тот факт, что они часто оказываются противоречиями между отраслевыми и территориальными объединениями, в которых сплетены интересы обеих этих групп. Хорошо известны трения между московской мэрией и финансовым объединением "Мост", с одной стороны, "Газпромом" и его представительством в правительстве РФ, с другой. Борьба подобных групп за власть, в том числе за "эфир", находит отражение и в разногласиях между "демократическими" партиями, которые борются за участие во власти и не могут договориться о единых действиях на предстоящих всероссийских (если и когда они будут) и местных выборах в законодательные органы. В борьбе с оппозицией в решающие моменты они объединяются, включая одобрение силовых методов, как это было в

сентябре-октябре 1993 года, и "отлучение" коммунистической и патриотической оппозиции от самых мощных средств идеологического воздействия на население, каковыми в наши дни являются телевидение и радиовещание. Что касается массовой печати - газет и журналов, то и здесь средства прямого административного давления, вплоть до запретов на выход "Правды" и "Советской России", сочетаются с рычагами экономического удушения. В условиях скачкообразного роста цен на бумагу, типографские расходы и услуги почтового ведомства без государственных субсидий и поддержки коммерческих структур, размещающих рекламу в газетах "по выбору", положение оппозиционной печати становится от одного "подписного" полугодия к другому все более шатким.

Как же сказывается происходящее перераспределение власти на социологию? Что касается теоретических разработок, требующих масштабных эмпирических исследований и больших средств, то они практически прекращены. Об идеологической функции теоретической социологии отчасти было сказано выше. Известная часть ученых вовлечена в бюрократический аппарат и активно участвует в публицистической деятельности на службе властных структур, вплоть до навешивания политических ярлыков "красно-коричневых" на тех ученых, которые стремятся дать объективный научный анализ социальной и социально-политической ситуации; примером такого рода усердия может служить известная статья В.А.Ядова против акад. Г.В.Осипова в "Известиях"²⁸. О теоретических построениях, призванных оправдать капитализацию России и политику правящей элиты, было сказано выше на примере А.Г.Здравомыслова. Возможности полемики с этими политическими выступлениями весьма ограничены, хотя академические журналы ("Социологические исследования", "Вестник Российской Академии Наук" и некоторые другие) предоставляют свои страницы для изложения различных теоретических воззрений. Издание научной литературы, в том числе социологической, которая ни в одной стране мира коммерчески невыгодна и зиждется на поддержке фондов, университетов и т.д., у нас в современных условиях резко сократилось. Что касается поддержки зарубежных фондов, то они проводят целенаправленную политику, поддерживая издание научной и учебной литературы вполне определенного направления. Так, миллиардер Д.Сорос после успешного "просвещения" восточноевропейских стран вплотную занялся российским обществом. К лету 1994 года при поддержке созданного им фонда было издано более ста учебников для высшей и средней школы, в том числе несколько

учебных пособий по социологии. О содержании учебников для средней школы будет сказано в следующем очерке, где мы коснемся проблем молодежи. Что касается учебников по социологии для высшей школы, изданных на средства этого фонда, то они пока что еще не получили отзывов в научной печати. Аналогично направление деятельности других зарубежных фондов и отдельных спонсоров. Так, издаваемый ВЦИОМ ежемесячно на отличной меловой бумаге "Мониторинг" покрывает за счет подписки малую часть расходов.

Если в теоретической области силы, не склонные к "социотропизму", через некоторые академические и вузовские издания, допускающие свободу выражения мысли, поддерживают авторитет социологии, завоеванный ею в последние десятилетия, то в сфере прикладной, эмпирической социологии дело обстоит иначе. По многим ее направлениям, лишенным финансовой поддержки, работы прекращены или "теплятся". Сравнительные исследования по Союзу вследствие ослабления и разрыва научных связей заглохли, всероссийские проводятся по отдельным вопросам при наличии средств на эти цели у какого-либо ведомства. На этом фоне выделяется лишь одна процветающая область прикладных социологических исследований - изучение общественного мнения, как в целом по России, так и в регионах. На этом вопросе следует остановиться особо. Налицо парадокс: расширение этих исследований, которое должно бы способствовать росту популярности социологии, оборачивается падением престижа социологической науки.

Причина этого явления проста. Поскольку исследования общественного мнения являются важным средством формирования общественного мнения, то они стали для власти имущих средством манипулирования им с помощью СМИ. С ролью общественного мнения приходится считаться, это наглядно продемонстрировали все состоявшиеся в России после 1990 года выборы. Хотя принятая в декабре 1993 года Конституция РФ и последующие указы президента существенно ограничили роль выборов, они проходят в ряде субъектов Федерации в представительные органы и, надо надеяться, рано или поздно состоятся в масштабах Федерации. А то, что выборы могут преподнести неожиданности, обнаружилось 12 декабря 1993 года, когда на телевидении провалилась запланированная и хорошо организованная "встреча политического Нового года". Неожиданности продолжают; например, на выборах в Краснодарском крае в ноябре 1994 года, все партии "демократов" провалились.

Значение опросов общественного мнения определяется не только политическими интересами. Вопреки высказываемому подчас мнению, эти исследования являются не особой отраслью социологии, а необходимым компонентом по сути *любого* эмпирического социологического исследования. Напомним сказанное ранее о предмете социологии как науки, изучающей взаимодействие духовных и материальных, субъективных и объективных факторов в поведении, деятельности людей, общностей, народов. Субъективная сторона выясняется с помощью опросов, анкетирования, наблюдения *in vivo* и других способов, включая контент-анализ письменных источников, в том числе зафиксировавших мысли и чувства ушедших поколений. Эти сведения должны так или иначе сопоставляться с объективными условиями и объективными результатами деятельности людей. В эпохи крутых переломов в жизни общества изучение мнений, настроений, оценок, предположений о возможном развитии событий приобретает особое значение, так как служит предвестником реальных сдвигов в поведении социальных и этнических групп, народов и одновременно способом повлиять на ход событий.

В современных условиях ссылки на результаты социологических исследований общественного мнения заполнили страницы газет и журналов, стали необходимым аксессуаром теле и радио обзоров с демонстрацией неизменных таблиц, графиков, столбиков с процентами "за" и "против", а также оценками рейтинга политических деятелей. Вроде бы популярность эмпирической социологии в народе должна расти. На деле наблюдается обратный эффект: масса теле и радио слушателей, читателей газет все менее доверяет результатам опросов или, по крайней мере, сомневается в их объективности. К сожалению это настроение нередко переносится и на вполне добросовестные, продуманные, методически грамотные исследования, которым можно и нужно доверять, а их результаты учитывать при выработке государственной политики, равно как стратегии и тактики политических партий.

Выделим два фактора, обуславливающие это недоверие, отмеченные нами ранее не раз в журнальных и газетных публикациях²⁹. Первый из них связан с *коммерциализацией* прикладной социологии и с излишней "отзывчивостью" многих социологических "фирм" на запросы и пожелания заказчиков. Это дает о себе знать при постановке вопросов, при выборке, при обработке полученных данных, при освещении результатов в СМИ и особенно при попытках прогнозирования предстоящих событий, например, результатов выборов.

Приведем несколько типичных примеров. Один из них касается столь острого дискуссионного вопроса, как введение частной собственности на землю. В популярном еженедельнике "Аргументы и факты" социологов привлекают к контент-анализу получаемой корреспонденции. Газета инициировала поток читательских писем, поместив ряд материалов под "шапкой": "Земля - народу". А затем оновестила читателей, что в 96,2% полученных писем одобряется передача земли в частную собственность. Выступая по первой программе телевидения комментатор Т.Комарова, ссылаясь на "социологов", заявила, что "более 95% граждан выступают за частную собственность на землю"³⁰.

Спрашивается, весь ли массив писем был обработан? Соответствует ли массив корреспондентов массиву читателей, или письма пришли только от тех, кто хотел поддержать "подсказку" редакции? Соответствует ли социальный состав читателей "АиФ" социальному составу населения страны? Наконец, какова доля тех, кто под частной собственностью на землю подразумевает собственность на приусадебный участок, садово-огородные шесть соток, а кто собственность на пахотные, луговые, лесные угодья? Достаточно поставить эти и подобные вопросы, чтобы убедиться в "заангажированности" социологов, приложивших руку к этому делу и газеты, которой хотелось "подогнать" мнение читателей к мнению редакции.

Другой важнейший вопрос - предсказание результатов голосования 12 декабря 1993 года. Тщательный анализ прогнозов, сделанных в разные сроки до выборов центральными и региональными социологическими центрами в их сопоставлении с результатами выборов дан в статье А.В.Дмитриева и Ж.Т.Тощенко в специальном журнале³¹. Грубейшие просчеты, свидетельствуют как о невысоком профессиональном уровне работников большинства указанных социологических групп, так и об их желании "подыграть" правящим властным структурам. Что требовать от малых "фирм", если директор ВЦИОМ Ю.А.Левада накануне апрельского голосования 1993 г. по четырем позициям предсказывал, что в них примут участие 75 миллионов избирателей. На деле оказалось 68 миллионов - ошибка по отношению к реальной цифре составила более 10%! Объяснение, которое дал Левада на следующий день после голосования, выступая по телевидению, достойно занесения в анналы социологии: в азиатской части России погода, мол, оказалась холоднее, а в европейской части теплее, чем мы ожидали! Вовлеченность социологов в политическую игру - не последняя причина конфуза, приключившегося на глазах миллионов телезрителей на упомянутой выше "встрече

нового политического года", когда результаты появившихся на экране предварительных цифр повергли часть собравшихся с бокалами в руках в ярость, других в восторг, а ведущую передачу, специалиста по телевизионным спектаклям под названием "общественное мнение" Т.Максимову в состояние шока.

Конечно, надо учитывать, что организации и проведение опросов населения - дело сложное. Составление выборки, удовлетворяющей хотя бы приблизительно научным критериям в масштабах страны представляет чрезвычайно сложную и дорогостоящую задачу, поскольку надо учесть региональные, социальные, этнические, возрастные и половые различия, подобрать респондентов в пропорциях, отвечающих в основном пропорциям этих групп в генеральной совокупности. Необходимо иметь постоянный штат оплачиваемых анкетеров в разных точках страны, которые могут по заданию центра оперативно "снять" и передать в центр для обработки на ЭВМ данные опроса по каждой новой программе. В масштабе такой страны, как Россия, подобная задача под силу только крупным специализированным институтам, учитывающим опыт службы Гэллага и других авторитетных организаций на Западе. Но заказы поступают, спрос порождает предложение, возникают фирмы, которые охотно берутся за подобные задачи, если не по всей России, то по регионам, в т.ч. по Москве. Но десятиллионная Москва - чрезвычайно сложный объект и составить для нее удовлетворительную модель генеральной совокупности (всех жителей или имеющих право голоса) весьма непросто. Поступают проще: выбирают тысячу телефонов по случайной выборке и "обзванивают" случайных респондентов; это по силам нескольким работникам за день-два. Подобная "горячая" информация подчас попадает в печать под шапкой: "таково мнение москвичей".

Возникают законные вопросы: как подбирались номера телефонов? Отвечает ли состав жителей столицы списочному составу лиц, имеющих личный (не коммунальный на всех жильцов квартиры) телефон? Оказывается ли при телефонном опросе определенное давление на респондентов, хотя бы в форме "мягкой" рекомендательной подсказки? Неудивительно, что степень доверия к такого рода информации у общественности невелика, а престижу социологии наносится урон.

Социологические методы все шире проникают в другие общественные науки. Но далеко не всегда они используются со знанием дела, что тоже сказывается на доверии к социологии. Примером может служить статья Д.Фурмана на весьма ответственную тему в одном весьма солидном журнале под названием:

"Массовое сознание советских евреев и антисемитизм". Мы не будем здесь обсуждать выводы, которые делает автор статьи, речь идет только об эмпирическом обосновании этих выводов. Им оказался социологический опрос, проведенный в 10 городах России. Опросом были охвачены 2.000 русских и... 40 евреев. Автор сравнивает оценки, даваемые различным проблемам межнациональных отношений представителями этих двух этнических групп, причем с учетом социальных различий внутри каждой из них. Спрашивается, насколько достоверны могут быть теоретические выводы при столь явной несопоставимости численности двух сравниваемых этнических групп? Евреев в России проживает около 500 тысяч. Достаточно ли опросить 40 человек разных возрастов, профессий, в разных городах, чтобы оценить настроения сотен тысяч человек, к тому же по таким "тонким" вопросам, как межнациональные отношения, выделив к тому же четыре "полуинстинктивные стратегии, используемые евреями для ухода от антисемитизма"³². Четыре стратегии на основе опроса 40 человек в 10 населенных пунктах! Историкам и этнографам, по-видимому, с социологией следует обращаться более внимательно.

Второй фактор не столь очевиден, хотя он не менее важен по существу. В исследованиях общественного мнения, как правило, недостаточно учитывается (или не учитывается вовсе) социальная структура населения, происходящие в ней сдвиги.

В приведенном опросе насчет частной собственности на землю вполне закономерно поставить вопрос: как относятся к разным видам владения и собственности на землю жители города и села, а в каждом из видов поселений различные социальные группы сельского населения: члены колхозов, рабочие совхозов, акционированных товариществ, фермеры, специалисты сельского хозяйства, руководящие работники, наконец, проживающая в деревне интеллигенция - учителя, медики, культработники?

В исследовании Института социологии Белорусской Академии Наук в определенной мере эти требования были учтены. Оказалось, что за частную собственность на землю выступают 27,8% рабочих, 30,3% ИТР и служащих, 65,4% бизнесменов и только 15,4% крестьян³³.

Изложенное выше методологическое требование, естественно, касается не только приведенных выше примеров, оно может рассматриваться как всеобщее. При изучении общественного мнения должен быть заложен еще в программу исследования учет социальных различий в населении страны, региона, го-

рода, трудового коллектива, других общностей. В следующем очерке мы обратимся к проблемам социальной структуры общества, ее различным "сечениям": социально-классовой, социально-демографической, поселенческой, этнической, конфессиональной и т.д. При опросах политического характера, например, электората страны или региона, надо учитывать весь спектр этих различий. При изучении потребительского спроса населения города - некоторые из них, например по уровню доходов, по социальному составу, возрастной структуре населения - обязательно. При изучении коллектива предприятия - социальные и профессионально-квалификационные, а также половые и возрастные различия в составе персонала и т.д. В каждом данном случае обязателен конкретный подход, но социальная расчлененность исследуемой общности должна обязательно находить отражение в результатах опроса общественного мнения. Сооставление мнений, настроений, ожиданий социальных групп и слоев с их реальным положением в обществе и обусловленными этим положением интересами - такова специфика именно социологического подхода.

Изложенные выше соображения встречают возражения теоретического характера, притом с двух сторон. Одно из них наиболее ясно было выражено Б.А.Грушиным, чьи заслуги в изучении общественного мнения в СССР известны. Теория "массового сознания" была выдвинута им еще в 60-70-ых г.г. и тогда же встретила серьезные возражения, например акад. А.Д.Александрова³⁴. Тем не менее Грушин продолжает придерживаться этой, весьма уязвимой позиции. Так, в составленном совместно с французами в годы перестройки словаре, получившем "модное" тогда название "Опыт словаря нового мышления", Грушин определяет общественное мнение как "особое состояние массового сознания"³⁵. Естественно, все дело в том, что понимать под "массовым сознанием", - то ли сознание народных масс, разделяющихся, как показано выше, по разным критериям на группы и слои, то ли нечто иное? Для Грушина это иное. Вслед за Тардом, Лебоном и другими социологами, он понимает под массовым сознанием просто-напросто сознание толпы, некое неорганизованного множества людей, которые в состоянии эмоционального возбуждения действительно могут на время "забыть" о социальных перегородках, как бы "перехлестнуть" через них. Автор отмечает в другой статье "откровенно внегрупповую (или межгрупповую) природу данного множества, проявляющуюся в том, что оно "разрушает" границы между всеми существующими в обществе социальными группами..."³⁶.

Действительно, феномен толпы заслуживает внимания и специального исследования. В классической работе Г. Лебона выделены четыре типа толпы: случайная; обусловленная (например, при посещении спортивного соревнования); действующая, агрессивная толпа, в качестве примера которой наряду с "линчующим сбродом" у Лебона фигурирует и "революционная толпа"; наконец, экспрессивная толпа, например, танцующая при выполнении религиозных обрядов³⁷. В ряде случаев формирование толпы происходит по ранее сложившимся интересам, например, в племени или религиозной секте. Но уже среди собравшихся на политический митинг под определенными лозунгами, например, ликвидации долга по не выплачиваемой месяцами зарплате, и тем более в революционном выступлении, будь то взятие Бастилии или Февральской революции в России 1917 года, принимают участие люди, принадлежащие к разным слоям, временно объединившиеся вследствие наличия общих интересов и подогреваемых эмоциональным возбуждением. Исследуя разные виды "толпы" надо учитывать, по какому поводу она собралась, каков ее социальный "сплав", как влияет на ее настроение общая обстановка и конкретные поводы, наконец, кто в "толпе" поддается нагнетаемым ораторами на митинге либо "инициативными группами" на стадионе настроениям, кто сохраняет спокойствие, а у кого формируется чувство протеста. Так, во время хоккейного матча в "самостийном" Киеве, когда местный "Сокол" проигрывал московской команде, часть зрителей скандировала: "смерть москалям!" Изучать данный "феномен" полезно, но нельзя его выдавать за общее отношение жителей столицы Украины к русским.

Главное же состоит в том, что общественное мнение вовсе не есть "особое состояние" общественного сознания, ибо общество - это не толпа; это скорее определенная его ипостась, срез общественного сознания, который наличествовал уже в первобытном племени, изменял свои формы в ходе истории, чтобы в условиях сплошной грамотности населения, ежедневной массовой прессы (в Англии на 1000 чел., и совсем недавно у нас приходилось до 500 экз. газет), наконец, практически полного охвата населения "электронными" СМИ, стать чрезвычайно существенным фактором общественной жизни.

Представлению об общественном мнении, как дифференцированном по интересам социальных групп и слоев (как стационарных, так и складывающихся более или менее случайным образом, например, на стадионе или на митинге), противостоит не только теория "массового сознания" толпы, но и приводящая к тем же конечным результатам внешне противостоящая ей теория

"социально-политического единства народа", лишённого внутренних противоречий. Эта точка зрения долгое время господствовала в советском общественном сознании и с полным правом должна быть расценена как догматическая. Живучесть этого представления можно проиллюстрировать ссылкой на справочное издание 1987 года. В "Философском словаре" читаем, что общественное мнение - это "отношение большинства народа, класса, социальной группы...", и далее, что "общественное мнение все в большей степени приобретает общенародный характер"³⁸.

Вульгаризированный марксизм, пренебрегающий различиями в интересах социальных групп, и чуждая марксизму "теория толпы", не желающая учитывать таковые даже в революционных выступлениях масс, обнаруживают сходство в трактовке общественного мнения и общественного поведения. Как говорится - "крайности сходятся".

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка. М., 1985. Т. 1. С. 184.
2. Философский энциклопедический словарь. 2-ое изд. М., 1989. С. 85.
3. Словарь социологических терминов. А.Б.В. Варшава, 1989. С. 69-70.
4. См.: *Смелзер Н.* Социология. М., Феникс: 1994. Гл. 17.
5. См.: *Руткевич М.Н.* Диалектический материализм. М., 1973. С. 106 и далее.
6. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 89, 132.
7. *Зборовский Г.Е.* Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974. С. 129, 135 и др.
8. *Вопр. философии.* 1969. № 3. С. 107.
9. Многообразие интересов и механизмы власти. М., 1994. С. 6-37.
10. *Социол. журн.* 1994. № 2. С. 4-16.
11. *Вопр. социологии.* 1992. № 1.
12. *Смелзер Н.* Социология. С. 650.
13. Философский энциклопедический словарь / 2-ое изд. М., 1989. С. 85.
14. Словарь русского языка. М., 1985. Т. 1. С. 85.
15. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194, 195.
16. См.: *Коптюг В.* Повестка дня на XXI век // Москва. 1994. № 2; Закономерности социального развития: ориентиры и критерии моделей будущего. Новосибирск, 1994. Ч. I, II.
17. См.: *Иностр. лит.* 1993. № 4. С. 242.
18. Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994. С. 97.
19. Правда. 1994. 24 февр. С. 2.
20. *Шеваков А.А.* Всесоюзная перепись населения могла и не состояться // Социол. исслед. 1993. № 5.
21. *Осипов Г., Руткевич М.* Sociology in the USSR. 1965-1975. L., Sage: 1978.
22. *Руткевич М.Н.* Первое двадцатилетие // Социол. исслед. 1994. № 6.

23. Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность / Под ред. В.А.Ядова и Р.Гратхофа. М., 1994.
24. См.: Вестн. РАН. 1994. № 9. С.794.
25. Планирование социального развития коллектива предприятия. Методические рекомендации. М., Профиздат: 1975; Перспективное планирование социального развития города. Методические рекомендации. М., Профиздат: 1977; Планирование социального развития отрасли промышленности. Методические рекомендации. М., Профиздат: 1978.
26. См.: Правда. 1994. 27 янв. С. 1.
27. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 439-440.
28. Ядов В. Российский национал-социализм объявляет манифест // Известия. 1992. 9 апр. С. 3.
29. См.: Социол. исслед. 1993. № 7; Правда. 1993. 15 сент. С. 2.
30. Аргументы и факты. 1990. № 48. С. 1.
31. Дмитриев А.В., Тощенко Ж.Т. Социологические опросы и политика // Социол. исслед. 1994. № 5. С. 42-50.
32. Свободная мысль. 1994. № 9. С.46 и далее.
33. Правда. 1933. 27 янв. С. 2.
34. См.: Вестн. АН СССР. 1972. № 7.
35. 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 214.
36. Грушин Б.А. Масса как субъект исторического и социального действия // Рабочий класс и современный мир. 1984. № 5. С. 29.
37. См.: Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 177.
38. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 5-ое изд. М., 1987. С. 332.

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

ВСТУПЛЕНИЕ К ОЧЕРКАМ ЧЕТВЕРТОМУ И ПЯТОМУ.

Последним двум очеркам - о социальной структуре и социальных противоречиях и конфликтах - следует предпослать небольшое вступление, поскольку между ними существует внутренняя связь.

Выше уже отмечалось, что начавшееся в шестидесятые годы возрождение социологии в нашей стране ознаменовалось дискуссией методологического порядка, которая нашла отражение также в спорах о предмете социологии (см. очерк первый). Суть дела, конечно, была не только в разногласиях о предмете науки, тем более, что при проведении эмпирических исследований все исследователи шли сходными путями. Дискуссия шла по вопросам мировоззренческим. На одной стороне находились представители марксизма в социологии, испытывавшие на себе в большей или меньшей мере влияние его вульгаризации в сталинские времена и постепенно избавлявшиеся от этой "болезни", как путем приобщения к западной мысли, так и особенно осмысления новых процессов в СССР и других странах, считавшихся тогда "братскими", в которых социология активно развивалась и проводились совместные исследования. На другой стороне находилась небольшая группа социологов, пожелавших избавиться от полученного идейного наследия самым простым путем. Типичное рассуждение было таково: марксизм имеет свою философию, мы ее полностью принимаем как мировоззрение и методологию, но собственной социологии он не имеет, стало быть, ее следует заимствовать в тех странах, где социология в XX веке успешно развивалась, и не только как методика и техника эмпирического исследования, но и как макросоциологическая теория. Поскольку в США и других странах Запада долгие годы господствовала теория структурного функционализма, представленная такими выдающимися учеными как Т.Парсонс, Р.Мертон и другие, то ее следует без корректив перенести на нашу почву.

Автор настоящей книги принадлежал к первой группе и должен откровенно признаться, что процесс перехода на позиции творческого марксизма в социологии оказался трудным. Перечитывая страницы написанного в 60-70-ые годы приходится испытывать двоякое чувство: под многим полностью готов подписаться и сейчас, но многое несет на себе черты ограниченности, обусловленные временем; впрочем, такой ход развития противоречий советского общества, который привел к распаду Союза, никто предвидеть тогда не мог. Однако, в отличие от представителей "социотропизма" и "прозревших в одночасье", автор продолжает считать, что самые основные положения марксистской макросоциологии, находящие выражение в признании их основой материалистического и одновременно диалектического подхода к функционированию и развитию общества доказаны всей предшествующей историей и находят в бурной истории XX века источник для подтверждения и вместе с тем существенного развития. В качестве важнейших "точек роста" следует указать новое понимание взаимодействия общества с природой и роли научно-технического прогресса, новые моменты во взаимодействии производства жизненных благ и не менее материального процесса воспроизводства рода, в трактовке соотношения формаций и цивилизаций. И, конечно же, в понимании путей перехода от капитализма к социализму в связи с переходом к постиндустриальной стадии развития в мировом масштабе.

Что же касается критики структурного функционализма, то от сказанного в то время и нашедшего обобщенное выражение в книге, вышедшей в свет в 1980 году¹, отказываться нет оснований, тем более, что по ряду существенных моментов она совпадает с критикой в адрес этого направления со стороны зарубежных ученых. Для этого направления в макросоциологии характерна абсолютизация устойчивости общества сравнительно с его изменчивостью, равно как абсолютизация целостности общества, единства интересов социальных групп сравнительно с противоречиями в жизни общества, конфликтами между социальными группами. Появление в 50-ые г.г. в США и других странах Запада конфликтологии, как соперничающего направления в макросоциологии, было своеобразным "ответом" на долголетнее господство структурного функционализма. Выше уже было отмечено, что увлечение последним "докатилось" до советского научного "истеблишмента" в конце 60-ых г.г. с большим запозданием, когда его влияние на Западе пошло на спад. В социологии оно нашло наиболее полное выражение в нашумевших "Лекциях" Ю.А.Левады, упоминавшихся ранее в связи с вопросом о пред-

мете социологии (см. первый очерк). Это увлечение было в значительной мере ответом на идеологическую монополию вульгаризованного Сталиным марксизма, в частности неспособностью "истмата по Константинову" ответить на многие вопросы социологической теории и выполнять роль методологической основы конкретных исследований.

Но отсюда не следует, что творчески понимаемый марксизм в области макросоциологии не может дать ответ на эти вопросы. Пренебрежительное отношение Ю.А.Левады и его поклонников в 60-ые годы и в последующие годы к марксизму, как таковому, дисгармонируют с позицией виднейших западных социологов. Например, бывший председатель Исполкома Всемирной Социологической Ассоциации в 70-ые годы Т.Боттомор посвятил специально марксистской социологии книгу, в которой попытался объективно оценить ее достоинства и недостатки².

Обратимся вновь к Н.Смелзеру, как авторитетному ученому в сфере макросоциологии 80-90-ых годов. Смелзер даже в учебном пособии, стало быть в качестве общепризнанного воззрения, выделяет две основных линии в развитии социологической мысли: "Исследователи макросоциологического уровня, как правило, придерживаются принципов одной из двух основных конкурирующих теорий: функционализма и теории конфликтов"³. Первую он ведет от Г.Спенсера, вторую от К.Маркса. Другое дело, что Н.Смелзер весьма упрощенно толкует взгляды Маркса, сводя их к признанию конфликтов только в форме борьбы двух классов, притом "капиталисты и наемные рабочие", якобы, "не имеют общих ценностей" (там же, с. 25).

Нам представляется, что применение к социологии известной формулы Гегеля о единстве и борьбе противоположностей, в которой выражена суть, ядро диалектики, и которая была принята в материалистической интерпретации Марксом, дает полную возможность объединить рациональное начало обоих этих направлений в макросоциологии в "снятом" виде. Данное гегелевское выражение подразумевает не эклектическое стремление "взять хорошее" из обеих теорий и "отбросить плохое"; Маркс на примере Прудона полтора века назад показал "нищету философич" подобного рода⁴. "Снятие" по Гегелю (и Марксу) предполагает выдвигание концепции, которая перекрывает обе предшествующие тем, что возвышается над ними как абстракция более высокого уровня, включающая в себя предшествующие как крайности, как односторонне выраженные моменты более глубокого воззрения. Подобным образом квантовая теория "превзошла" волновую и корпускулярную

теории света, конкурировавшие друг с другом со времен Ньютона и Гюйгенса.

В данном контексте это означает, что социальные противоречия вообще, в том числе конфликты, как особая форма их выражения, рассматриваются как прегиворечия, развертывающиеся на основе единства всех сторон жизни общества, а также интересов всех входящих в данную общность (социум) групп, субъектов социального действия. Развитию каждой из сторон формулы о единстве и "борьбе" противоположностей применительно к социальным организмам разного типа и взаимодействию между ними как раз и посвящены данный и последующий очерки. При этом, рассматривая вопросы структуры (строения) социума, как целостности, мы все время будем учитывать противоречивость этого единства, этой целостности, и, наоборот, рассматривая противоречия и конфликты, будем иметь в виду, что они формируются, развертываются и находят (полное или частичное) разрешение в рамках определенного социума, целостности, единства.

О ПОНЯТИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ, ЕЕ ОСНОВНЫХ РОДАХ (ТИПАХ). Понятие структуры приобрело значение одного из важнейших общенаучных, а потому и философских понятий со второй половины прошлого века в связи с гигантским шагом вперед естествознания в познании таких основных объектов как молекула (теория химического строения молекулы) и живой организм (теория клеточного строения организмов). Непосредственным продолжением последней явились органицистские теории в социологии, представлявшие общество как некий социальный организм, как совокупность клеток-индивидов, с присущими ему специфическими, отличными от животного, в том числе человеческого организма, системами регуляции, обеспечивающими его бесперебойное функционирование, сохранение его целостности.

Дальнейший мощный прогресс естествознания в XX веке нашел выражение в познании внутренней структуры атома, а затем его ядра и микромира в целом, с одной стороны, и строения, структуры биосферы Земли, нашей галактики, а затем и обзримой Вселенной, т.е. мегамира, с другой. Развитие структурализма как общенаучного и философского направления было обусловлено также прогрессом гуманитарных наук, особенно этнографии и лингвистики. Понятие структуры в наши дни употребляется чрезвычайно широко, подчас "замещающая" некоторые другие понятия. В политическом словаре наших дней, притом именно в применении к обществу, структурой называют попросту организацию. Так, банды угольников, организованную пре-

ступность сплошь и рядом именуют "криминальными структурами", органы правопорядка, имеющие оружие и право его применять - "силовыми структурами"; органы управления - "управленческими структурами" и т.п. При этом не учитывается, что понятие организации применительно к обществу предполагает наличие сознания и воли людей в качестве формообразующего фактора, в то время как социальные структуры во многих случаях образуются стихийно, как результат объективного развития общества, так что входящие в них индивиды лишь частично, не сразу и не полностью осознают себя входящими в эти структуры. Так обстоит дело, например, с классами, на чем мы подробнее остановимся далее.

Не менее распространена, особенно в социологической литературе, подмена понятия "система" понятием "структура". В сотнях книг и статей по проблемам социальной структуры советского, а теперь российского общества, в названиях исследовательских групп и научных конференций, в заголовках книг фигурирует "социальная структура", хотя на деле речь идет об определенной социальной системе, входящих в ее состав классах, социальных группах, слоях, то есть об элементах этой системы и отношениях между ними; в своей совокупности последние образуют социальную структуру данной системы. В химии под строением, структурой молекулы понимается именно характер связи между атомами, в том числе их пространственное расположение, и называть молекулы не молекулами, а "структурами" не принято. В подобном словоупотреблении чувствуется определенное влияние структурализма, как философского течения, склонного абсолютизировать познание связей в ущерб познанию материального субстрата элементов и системы. Если еще к тому же характер связей полагать плодом творчества нашего разума, вносящего порядок в необозримое море случаемного в чувственном опыте эмпирического материала, то открывается широкое поле для субъективизации реальных процессов.

С учетом высказанных выше замечаний обратимся к философским категориям, которыми осознанно или стихийно оперирует социология. Исторически ранее, еще в древнегреческой философии появились категории целого и части, причем уже тогда было выяснено, что целое обладает рядом качеств, которыми не обладают части, взятые сами по себе. В связи с развитием системного подхода в настоящее время чаще говорится о целом как о системе, о частях, как элементах этой системы, и о структуре, как способе связи между элементами; упомянутые выше качества

получили название "системных свойств", присущих системе как целому.

О значении данных категорий для социологии и о противоположности диалектики - эклектике и материализма - идеализму в их понимании применительно к обществу нам пришлось достаточно подробно писать ранее. Повторять сказанное не имеет смысла, мы просили бы читателя обратиться к книге, в которой точка зрения автора была изложена весьма обстоятельно⁵. Здесь же надо подчеркнуть лишь то, что необходимо для понимания последующего хода мыслей насчет социальной структуры.

Во-первых, любая социальная система обладает иерархичностью строения. Это означает, что система расчленена объективно на подсистемы, которые выступают по отношению к ней в качестве основных элементов; те, в свою очередь образованы из подсистем, как элементов и т. д. В ряде случаев последним элементом оказывается индивид, взятый в его определенной социальной роли; в других таким конечным элементом может выступать отдельный акт действия или его результат, например, данная теория в науке или конкретное произведение искусства; в-третьих, слово или фонема какого-либо конкретного языка и т. д.; в-четвертых, отношение между двумя индивидами в определенной сфере, например, акт обмена и т. д. Считать число промежуточных ступеней в иерархической лестнице - дело бессмысленное вследствие сложности социальной системы и наличия переходных и промежуточных форм.

Во-вторых, под понятием социальная структура на деле разумеется клубок крепко сплетенных между собою, наподобие нитей ДНК, различных структур, каждой из которых присущ свой критерий различия между элементами, который как бы "по вертикали" пронизывает каждую данную иерархическую лестницу. Вполне понятно, что при рассмотрении, скажем, этнической структуры должен применяться тот же самый, а не иной, критерий при переходе от более крупных к более мелким таксономическим единицам. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу при классификации социальной структуры по ее родам и видам.

В-третьих, система находится в процессе непрерывного функционирования, а это значит, что ее структура равно как элементы системы с их внутренней структурой, должны рассматриваться как образование изменчивое, подвижное. Еще более важно это учитывать в процессе развития системы, будь то онтогенез, т. е. развитие индивида, либо филогенез, т. е. развитие общества. Именно в этой связи следует различать два смысловых отскака в содержании категорий, две противоположные (и находящиеся в

единстве) стороны процесса: дифференциацию и интеграцию. Функционирующей социальной системе присуща дифференциация на части, элементы и т. д., вплоть до мельчайших элементов, все они выполняют определенные функции "во благо" системы в целом, которой равно присуща интеграция всех этих элементов и выполняемых ими функций, благодаря наличию обеспечивающих согласованность этих действий механизмов. Таков статический срез этих категорий. Однако в процессе развития системы происходит дальнейшее усложнение строения, количественно и качественно растет дифференциация системы и одновременно совершенствуются механизмы интеграции, возрастает степень устойчивости системы ко внешним воздействиям. В качестве наглядного примера обычно берут развитие нового человека от момента зачатия, слияния двух клеток вплоть до полного созревания организма. Эта биологическая закономерность очевидна, но на то, чтобы усмотреть в онтогенезе краткое повторение филогенеза понадобились столетия развития биологии. Но у человека биологическое развитие идет параллельно с социализацией индивида и в последней также свершается сокращенное повторение исторического пути, пройденного обществом. Наконец, развитие общества от ранних племенных образований, сходных по разделению функций со стадами высших животных, до современных цивилизованных наций с разветвленным разделением труда и сотнями социальных ролей, выполняемых индивидом, и параллельно растущей многогранной системой управления может быть понято только в категориях дифференциации и интеграции, взятых в их динамическом аспекте, как процессов развертывания каждой из этих тенденций развития, взятых в их единстве и взаимодействии.

По нашему мнению, следует выделить три основных рода (типа) социальной структуры человеческого общества.

Первый из них должен отобразить процесс исторического развития человечества на нашей планете как вида *homo sapiens*. Будучи, судя по последним открытиям в антропологии, единым по своему происхождению от некоего вида человекообразных обезьян, люди постепенно расселились по всем материкам и освоили способы выживания, добывания средств к поддержанию собственной жизни и производству потомства в самых различных, в том числе экстремальных условиях, вроде северной тундры или выжженных солнцем пустынь центральной Австралии. Каждое племя - особое общество, взаимодействие между ними приводило к образованию более крупных объединений, обычно называемых народностями. Параллельное развитие крупных ре-

гиональных очагов цивилизации в Средиземноморье, Индии, Китае, Центральной Америке и т.д., установление все более тесных связей между ними, вплоть до всемирной взаимозависимости в экономике, политике и культуре двух сотен государств, входящих ныне в ООН, - таков колоссальный путь изменения структуры человечества, рассматриваемого в его биологическом и социокультурном единстве. Это проблема всех областей исторической науки и, с другой стороны, совокупности специализированных наук о современных международных отношениях, среди которых немалая роль принадлежит социологии международных отношений.

Макросоциология, обращенная как в прошлое, так и в будущее, призвана выяснить закономерности прогрессивного развития общества, перехода от его примитивных форм к современным (здесь она смыкается с философией истории и социальной философией), и на основе достижений всех общественных наук прогнозировать хотя бы ближайшие перспективы развития человечества. В условиях нарушения экологического равновесия неизбежно должны возрастать интеграционные процессы, укрепляться сотрудничество между народами и регионами в экономике и культуре, изживаться опасность ядерно-ракетного уничтожения цивилизации. Выше уже было высказано наше положительное отношение к концепции устойчивого развития. Следует вместе с тем подчеркнуть, что возникшие на основе роста интеграционных процессов т. наз. "мондиалистские концепции", весьма усердно пестуемые определенными кругами на Западе и затронувшие нас крылом "нового мышления", нередко оказываются, особенно после крушения СССР и "двухполюсного мира", идеологическим прикрытием стремления узкой группы стран во главе с США к установлению "нового мирового порядка", а иными словами Pax Americana.

Взаимодействие народов и государств, мирное и военное, оказывает глубокое влияние на их внутреннее развитие, на два других рода (типа) социальной структуры, которые характеризуют внутреннее состояние любого данного общества: структуру взаимодействия различных областей, сторон общественной жизни и структуру взаимодействия социальных групп, общностей, из которых состоит общество [второй и третий род (тип) по нашей классификации]. О втором типе уже ранее говорилось во втором очерке как о диалектике взаимодействия экономики, политики, идеологии, и за недостатком места развивать далее эту тему здесь нет возможности. Тем более, что о базисе и надстройке написаны сотни книг с марксистских позиций и еще

больше (с применением, естественно, иной терминологии) с других позиций в макросоциологии и социальной философии. Наше внимание в данном очерке будет сосредоточено на третьем роде (типе) социальной структуры. В этом случае термин социальный употребляется не только в его общем, но и частном значении. Попытки терминологического разграничения двух рассматриваемых типов социальной структуры предпринимались неоднократно. Например, в болгарской социологической литературе второй род (тип) часто называют социологической, в то время как третий социальной структурой⁵. Нам подобного рода терминологические условности представляются вносящими путаницу в устоявшееся содержание понятий. И та, и другая структура являются социальными (общественными) и одновременно социологическими, поскольку в равной мере изучаются социологией, хотя к последней понятие "социальный" применяется в узком его значении.

Прежде чем перейти к видам социальной структуры как строения общества из групп, подгрупп, слоев и т. д., вплоть до индивида, который, выступая в разных социальных ролях, является последним "кирпичиком" каждой из них, следует хотя бы кратко остановиться на взаимосвязи внешних и внутренних факторов в развитии обществ под интересующим нас здесь углом зрения, а именно влияния межплеменных в далеком прошлом, а ныне межгосударственных отношений на внутреннюю структуру общества в обоих указанных смыслах. Обмен товарами, культурными ценностями, миграционные потоки, вложение капиталов, подготовка специалистов в университетах и другие формы мирного взаимодействия в целом способствуют модернизации менее развитых обществ в общем направлении социального прогресса, проложенного обществами более развитыми. Но это взаимодействие, во-первых, носит крайне противоречивый характер даже в условиях мирных, примером чему может служить продолжающаяся эксплуатация народов бывших колоний и зависимых стран после обретения ими национально-государственной независимости. Во-вторых, на протяжении всей истории человечества оно находило выражение в войнах, которые на определенный период закрепляли новое соотношение сил. Во многих же случаях завоевание приводило к деструктуризации сложившихся социальных организмов и их исчезновению, как например, при вторжении испанских конкистадоров в государства инков и ацтеков в Америке. Для оценки деформирующего воздействия войн на внутреннюю структуру общества, впрочем, вовсе не обязательно углубляться в далекую историю.

Поражение Советского Союза в третьей мировой ("холодной") войне привело к распаду сложившегося веками сообщества народов, отбросило собственно Россию на Юге и Западе к допетровским временам и сделало русских разделенным народом, поскольку до 30 миллионов людей русской культуры оказались в новых независимых государствах, где их права подвергаются ущемлению, понуждая ежегодно десятки и сотни тысяч к бегству или вынужденному переселению с потерей жилья и имущества. Попытки представить распад Союза как результат только или преимущественно роста внутренних противоречий не соответствует истинному соотношению внутренних и внешних факторов в распаде государства. Примером крайне одностороннего освещения этого явления может служить книга, выпущенная в свет группой сотрудников Института социальных и национальных проблем (б. ИМЛ при ЦК КПСС) под названием: "Несостоявшийся юбилей". В ней собраны тенденциозно подобранные документы за семьдесят лет с целью доказать, что распад СССР был обусловлен целиком внутренними причинами. Ни одного документа, свидетельствующего о борьбе Запада против Советской России и СССР в книге не приведено, в таком же духе выдержано и авторское предисловие, с оговоркой, что в нем выражено "личное мнение"⁶. Как будто не было ни стремления Черчилля "задушить большевизм в колыбели", ни плана "Барбаросса" и фашистской агрессии, ни замыслов нанесения ядерных ударов вроде плана "Дропшот"! Последовательно проводимая руководством США и их союзниками по НАТО политика "сдерживания коммунизма", а на деле экономического изматывания Советского Союза и его удушения, провозглашенная А.Даллесом в 1945 году, принесла в конце концов свои плоды. Об этом с полной откровенностью говорил президент Д.Буш в одном из своих предвыборных выступлений в ходе "президентской гонки" 1992 года: "Да, не сомневайтесь, крушение коммунизма не было чем-то само собой разумеющимся. Для этого потрудились решительное руководство президентов от обеих партий"⁷. Конечно, силы национализма и сепаратизма внутри многонационального государства, каким являлся Союз и упорная борьба за власть двух групп элиты в Москве при этом были поддержаны и использованы; не случайно участники беловежского соглашения об упразднении СССР в первую очередь доложили о содеянном президенту США Бушу, и лишь после этого президенту СССР Горбачеву. Исчерпывающий ответ на вопрос: "почему СССР не отпраздновал своего 70-летия?", поставленный авторами-составителями в подзаголовке книги, требует всестороннего объектив-

ного анализа, основанного на изучении всех (в том числе не раскритикованных) источников и осмысления хода всемирной истории в XX веке. Но уже сейчас можно выяснить в главном как сказались за краткий срок (три года) коренное изменение международных условий на социальной структуре поверженной и раздробленной страны. Если говорить только о Российской Федерации (а в других государствах дела идут примерно так же или хуже), структура высокоразвитой индустриальной страны превращается в структуру полукolonии. Происходит разрушение научно-технического потенциала, деиндустриализация, прежде всего за счет наукоемких отраслей, свертывание сельского хозяйства, раздувание спекулятивной торговли, превращение страны в сырьевой придаток и свалку отходов для развитых стран Запада. Одновременно происходит коренное изменение социальной структуры, как деления общества на группы и слои, прежде всего структуры социально-классовой.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ТРЕТЬЕГО ТИПА. СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВАЯ. Деление общества на группы и слои может быть проведено по самым различным критериям, в том числе достаточно произвольным или пустяковым, например, любви (или нелюбви) к пиву. Для социологии, как науки, существенными являются два момента: избирать критерии, которые позволяют оценить решительно существующие, социально-значимые различия и, что пожалуй наиболее трудно, - выявить характер связи между ними, а тем самым отображаемыми в них различиями.

В многочисленных теориях социальной стратификации, т.е. деления общества на слои (страты), обычно избирается несколько критериев, причем предпочтительно те, что допускают количественное измерение показателей реального расслоения общества в каком-то определенном отношении. Такого рода "одномерные" срезы имеют большое значение при исследовании конкретных процессов. Так, в теориях стратификации обычно для изучения степени материального благосостояния используется критерий получаемого (на одного занятого либо на душу) месячного либо годового дохода. Безусловно, этот показатель уязвим уже потому, что не учитывает имеющегося у граждан (или семей) имущества, в том числе ценных бумаг, и, что самое главное, не дает сведений об источниках дохода. В США, например, принято делить по уровню годового дохода на три (высокий, средний, низкий) или пять, шесть, семь групп которые нередко называют "классами", - в ином смысле, чем в теории Маркса. Примером некритического заимствования этого

подхода может служить "Социологический задачник", составленный А.И.Мичуриным, где деление на страты определяется целиком доходом и взято (из американской литературы) семь "классов": высший высший, высший, высший средний, средний средний, низший средний, средний низший, низший низший "классы"⁹. Далее, когда будет идти речь о теориях "среднего класса" мы вернемся к этому вопросу.

Точно так же для измерения социально-культурных различий используется такой сравнительно легко квантифицируемый критерий как уровень образованности населения, измеряемый обычно числом лет обучения в учебных заведениях разного типа. Так, в СССР обычно указывалось на число законченных классов в общеобразовательной школе. Окончание среднего специального учебного заведения расценивалось как дополнительные два года к 10 (потом 11) классам школы, а высшего учебного заведения как пять лет. И этот показатель имеет большое применение во всех странах; у нас он использовался для оценки тех сдвигов в культуре широких масс населения, которые произошли за годы Советской власти. Недостатки и этого критерия достаточно очевидны, прежде всего он не учитывает качества образования. Специализированная школа в крупном вузовском центре и сельская десятилетка давали разный уровень общей подготовки; ныне, после "Закона об образовании" 1992 года, когда обязательной оставлена так наз. основная школа (9 классов), когда возникли сотни гимназий и лицеев с весьма ощутимой платой за "дополнительные образовательные услуги" и частных школ с очень высокой платой за обучение, дифференциация в сфере образования стала стремительно нарастать, и "цена" года обучения (по качеству) стала еще более разниться. При больших различиях в системе образования между странами этот критерий используется и в сравнительных международных исследованиях.

Задача теоретической социологии, поскольку она стремится к исследованию общества не по отдельным его "срезам", а как целого, в единстве всех сторон жизнедеятельности людей, состоит в том, чтобы найти систему взаимосвязанных критериев социальных различий, которые в совокупности должны дать комплексное представление "интегрального" характера о строении общества. Отметим два основных теоретических подхода: М.Вебера и К.Маркса.

В западной социологии (и у тех наших социологов, которые поспешили отказаться от марксистской теории, например Р.Рывкиной⁹) так или иначе, с теми или иными поправками и дополнениями, принята схема Вебера. К выдвинутым им трем

критериям различий по доходу, власти (power) и престижу добавляют "по вкусу" ряд других. Например, в обзорной статье по исследованиям социальной стратификации в США Б.Барбер отметил шесть "независимых измерений" социальной стратификации: "престиж профессий", "степень власти и могущества", "доход или богатство", "образование или знание", "религиозная или ритуальная чистота", "ранжирование по религиозным или этническим группам"¹⁰. Нетрудно видеть, что первые три повторяют Вебера с небольшими поправками, в то время как три последующих дают "сечения" общества по степени образованности и религиозности населения, т.е. детализируют социально-культурные различия, в то время как последний вводит совершенно новый момент, имеющий значение для стран вроде США (а также СССР и России), учитывающий разнородность этнического и конфессионального состава населения.

Схема М.Вебера имеет то преимущество, что в ней охвачены экономические различия (доход), экономико-политические, поскольку власть индивида или группы над другими людьми и группами может выражаться как в экономической, так и в политической мощи, т.е. власти над людьми, предполагающей принуждение или возможность его применения, и социально-психологические, поскольку в оценке престижа занятий, профессий и т.д. находит выражение осознание людьми "высоты" своего (и чужого) положения в социальной иерархии. Слабым местом этой схемы является проблема связи между этими тремя критериями, а тем самым видами социальных различий. Не случайно Б.Барбер называет их "независимыми"; подобным же образом трактуют вопрос об их связи в своих схемах, связанных с веберовской, но в чем-то отличных от нее, и многие другие исследователи социальной структуры. Попытки свести их в общую картину оказываются эклектическим "наложением" друг на друга различных частных картин, а при графическом изображении - кривых, каждая из которых дает свое "сечение" общества на слои.

На наш взгляд, марксистский подход дает существенные преимущества для макросоциологии, поскольку в нем удастся реализовать системный подход в познании общества. Это касается как установления связи между указанными ранее тремя типами (родами) социальной структуры, а также связи между различными критериями деления общества на группы, общности разного вида. Укажем на два главных момента в марксистском подходе, понимаемом творчески. Конечно, если ограничить свою задачу подбором цитат, то многое из того, что высказано ниже не может быть непосредственно подтверждено, поскольку в наследии

Маркса и Ленина специально посвященных систематическому изложению теоретической социологии трудов не обнаружено.

Первый состоит в выделении классового или, точнее, социально-классового деления, как основного для понимания всей совокупности социальных различий рассматриваемого типа. Конечно, он не является единственным и сводить социологическую теорию, основанную на социологических взглядах Маркса, только к структуре общества из классов и борьбе между ними, было бы намеренной или непреднамеренной, как, например, у то же Смелзера, вульгаризацией материалистического и диалектического подхода к пониманию социальной структуры. Помимо социально-классовой структуры в любой серьезной книге марксистского направления называются такие виды социальной структуры этого типа: а) социально-демографическая, охватывающая половые и возрастные различия; б) поселенческая, притом в двух разрезах - между типами поселений, в т.ч. городом и деревней, и регионами, что в такой стране как Россия особенно важно; в) социально-профессиональная; г) социально-культурная, находящая одно из своих выражений в упоминавшихся различиях по уровню образования; д) этническая, если рассматривается полиэтничное общество; е) конфессиональная, если рассматривается общество, в котором эти различия существенны и т. д. Отличие от классификации Б.Барбера, которая упоминалась выше, заключается в том, что все эти градации не рассматриваются как полностью "независимые", и все они связаны тем или иным образом со структурой социально-классовой; в отношении профессиональной структуры это очевидно. Но и половозрастные различия с ней тоже связаны. Конечно, они существовали и в первобытной общине, определяя разделение труда, и вообще было бы смешно зачислять их в "классовые". Но положение женщины в обществе определяется общественным строем, притом оно различно у различных классов в ту же эпоху в той же стране. Возрастные границы молодежи, в свою очередь, зависят от степени развития общества и классовых различий в положении тех же возрастных слоев молодежи. Крестьянские дети в старой России начинали трудовую жизнь на полях и по уходу за скотом в отрочестве и превращались в "мужиков" в 15 лет или ранее, в то время как сыновья и дочери дворянства проходили обучение в гимназиях, лицеях, пансионах благородных девиц, кадетских и пажеских корпусах и т. д. до 18 и более лет. Да и в наши дни подготовка рабочего требует начального профессионального образования, в то время как врача, инженера, юриста и т. д. высшего образования. Соответственно сроки вступления в самостоятельную

трудовую жизнь, а тем самым перехода во "взрослое" в экономическом смысле состояние, различны. У нас здесь нет возможности проследить связь других видов структуры с социально-классовой, но каждой "линии связи", по крайней мере, советского общества, посвящена солидная литература.

Второй момент определяется содержанием понятия "класс", поскольку оно употребляется в социологии и других общественных науках в самом различном смысле. В письме к И.Вейдемейеру в 1852 году Маркс оценил шаг, сделанный им вперед сравнительно с предшественниками в данном отношении в следующих словах: "...мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой". И далее, в качестве первого пункта принадлежащего ему нового Маркс отмечает, что "существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства"¹¹. Иначе говоря, каждая из этих фаз, т.е. исторически сменявших друг друга способов производства, обладает своим, только ему присущим делением общества по классовым признакам. Широко известное определение классов, данное Лениным в 1919 году, как бы "расшифровывает" приведенное выше положение Маркса. Поскольку вокруг этого определения было немало споров, позволим привести его здесь полностью: "Классами называются большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественном разделении труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства"¹².

Это определение нуждается в пояснениях. Оно состоит из трех блоков. В первом по сути повторяется приведенная выше основная мысль Маркса, это уже самое краткое определение классов. Во втором блоке оно расшифровывается. Как известно, система производственных отношений, независимо от ее исторической формы, состоит из трех основных элементов: отношений собственности на средства производства, отношений обмена деятельностью в процессе производства (это и есть общественная организация труда) и отношений распределения. Все эти моменты процесса производства тесно связаны и столь же тесно связаны соответствующие три признака в определении классов.

Третий блок характеризует социальную сущность классовых отношений. Согласно диалектике в различии всегда есть зачаток противоречия. Отсюда "осторожность" формулировки насчет *возможной* антагонистической формы противоречия, когда одни группы эксплуатируют труд других.

Возражения против этой формулы можно свести к следующим основным тезисам. Во-первых, среди марксистов нередко проявляется догматическая любовь к "подсчету признаков", их насчитывали некоторые три, другие четыре, третьи пять, причем связь между ними не улавливалась. Предполагалось "в одних случаях" брать такой признак как "различие по формам собственности", в других случаях - по роли общественной организации труда, в-третьих - по размерам дохода и т.д. Так, различие между рабочим классом и колхозным крестьянством в СССР проходило по одному из критериев, между этими классами и работниками умственного труда (которых именовали интеллигенцией) - по другому, внутри этих основных групп по слоям - по третьему. Такого рода вульгаризация встречалась практически в каждом учебнике по историческому материализму или научному коммунизму. Эта вульгаризация, это упрощение на деле является возражением, поскольку связь признаков оставалась в тени, а о возможности эксплуатации вообще умалчивалось; этот вывод Ленина считали относящимся только к предшествующим "классовым" формациям и "для наших условий" "уже устаревшим". Два других возражения исходят от критиков марксизма по этому коренному пункту: а) определение, мол, касается только экономики, а не общества в целом; б) оно относится только к классам, а надо смотреть на структуру общества более широко, изучать его деление на слои (страты), а они не сводятся к классам. Оба эти возражения серьезные и ныне они воспроизводятся в российской социологической литературе настолько часто, что нет резона указывать на отдельных авторов.

Действительно, рассматриваемое определение классов указывает на различия по их месту в объективно складывающихся производственных, экономических отношениях; Маркс и Ленин считали это достаточным для научного определения *сути* классовых различий. Для них само собою предполагалось, что различия в экономических интересах находят продолжение в различиях интересов в сфере политики и в различиях идеологических. Как известно, марксизм в классовых отношениях, в борьбе классов первое место отводит борьбе политической, как способу разрешения коренных противоречий в экономической области, экономическая борьба - суть борьба за частные уступки, это подчиненная

форма; идеологическая борьба, в том числе в сфере теории, есть необходимое условие выработки программы политических действий на перспективу и завоевания духовного влияния на людей, принадлежащих к тому или иному классу, группе, а также на более широкие круги общественности. Стало быть, Лениным было дано не определение "экономических классов" (Р.Рывкина), ибо таковых вообще не существует, а политэкономическое определение сущности социально-классовых различий и противоречий, которые находят выражение, продолжение и пути разрешения в политической и идеологической областях.

Для социологии здесь налицо сложная проблема, поскольку политика, а также идеология обладают относительной самостоятельностью и собственной внутренней логикой развития. Маркс разграничил в применении к рабочему классу в капиталистических странах состояние "класса в себе" и "класса для себя". Превращение первого во второе - длительный и сложный процесс, который подвержен влиянию многих внутренних и внешних факторов. Ленин разработал применительно к российским условиям начала XX века пути и способы внесения социалистического сознания в стихийное рабочее движение и создания политической партии, выражающей интересы рабочего класса и возглавляющей его борьбу за свои интересы. Но разрыв в объективном положении, обусловленных им экономических интересах, с одной стороны, и сознательном участии в политической борьбе, т.е. становлении субъекта действия за эти интересы, может быть чрезвычайно велик во времени, да и вообще объективное и субъективное полностью не совпадают. Именно этот пункт является основным для Р.Дарендорфа в его труде по классовому конфликту (см. очерк пятый) для несогласия с Марксом. Действительно, западноевропейский рабочий класс в ряде стран (как и в США) вообще не имеет ориентированной четко на отстаивание его интересов массовой партии, а в ряде других стран, где таковые есть, например, лейбористы в Англии или социал-демократы в ФРГ, значительная часть лиц наемного труда составляет электорат партиям буржуазным, каковы британские консерваторы (и либералы), германские ХДС/ХСС и т.д. Для социологии проблема состоит в том, чтобы с помощью количественных методов связать воедино количественные исследования политических предпочтений, например, на выборах и в промежутках между ними, с ценностными ориентациями и реальными экономическими интересами социальных групп. Но для решения этой задачи следует исходить из объективного социально-классового строения общества, сопоставляя эмпирически получаемые

данные о политическом поведении и ценностных ориентациях с данными основополагающими, которые характеризуют различия в экономическом положении.

Другое возражение тоже имеет известные основания. Речь должна идти в определении не только о классах как больших социальных группах, а о социальных *группах и слоях вообще*. На деле в марксистской классической литературе дается конкретный анализ экономического положения различных слоев буржуазии и рабочего класса, например, торговой буржуазии в отличие от промышленной (что для нас в России 90-ых г.г. XX в. особенно важно учитывать), равно как рабочей аристократии, полупролетариата и т.д. среди работников наемного труда (что также чрезвычайно важно в наших условиях сегодня в связи с очень большими различиями в оплате труда в государственном и частном секторах экономики). Столь же важно учесть в современных условиях детальный анализ промежуточных слоев, например рабочих на Урале в конце прошлого века, ведущих параллельно частное сельское хозяйство, что было отмечено Лениным в "Развитии капитализма в России". В капитализирующейся и находящейся в глубоком кризисе России через сто лет ведение приусадебного хозяйства в сельской местности либо пригороде и пресловутых "шести соток" в коллективном саду или огороде является якорем спасения для значительной части рабочих и служащих, определяя не только их бытие, но и во многом сознание. Столь же важным представляется исследование слоев, в которые входят по тому или иному из указанных признаков представители разных социальных групп. Вполне понятно, что речь не идет о слоях, группах, различающихся по чисто-политическим признакам (предпочтение тем или иным партиям или лидерам), личным нравственным характеристикам и т.д., вплоть до упомянутых выше "любителей пива", которых при желании можно рассматривать в России (но не в Германии или Чехии) как в определенном смысле слой общества.

Мы полагаем, что речь должна идти о социально-классовой структуре общества, чем подчеркивается, с одной стороны, необходимость рассмотрения всех социальных групп и слоев, различающихся по положению в системе производственных отношений, и с другой стороны, принадлежность данного вида социальной структуры к более общему роду (типу) социальных структур, названному нами условно третьим по счету. Данный термин использовался Н.И.Бухариным еще в начале 20-ых г.г., что вызвало критическое замечание В.И.Ленина¹³. В данном случае Бухарин

был прав. В 60-70-ые годы это понятие достаточно широко вошло "в оборот" по указанным выше основаниям.

ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА К ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАПИТАЛИЗМУ. К середине 80-ых г.г. в СССР сложилась социальная структура общества, которую можно назвать государственным социализмом, государственно-бюрократическим социализмом, административно-командной системой и т. д. Последнее наименование, предложенное Г.Х.Поповым, не представляется удачным, так как оно характеризует способ управления, оставляя в стороне характеристику объекта управления. Нам представляются более приемлемыми два наименования, приведенные первыми. Они по сути равнозначны, второе лучше в том отношении, что в определенной мере характеризует и способ управления. Распространяемые в последние годы утверждения, что, мол, социализма никакого в СССР в помине не было, что надо разоблачать "миф" о "реальном социализме", что господствовал тоталитаризм и этим все сказано, представляются легковесными с точки зрения научной аргументации. Тоталитаризм, как политическая надстройка, обеспечивающая мобилизацию всех сил нации-государства в чрезвычайных обстоятельствах, может существовать при различном социально-экономическом строе, при разной социально-классовой структуре населения, примером чему может служить параллельное существование тоталитаризма в СССР и Германии в годы перед и во время второй мировой войны.

Вариантом рассматриваемого воззрения могут служить определения, данные этому строю А.П.Бутенко: "тоталитарный казарменный псевдосоциализм", "общество-монстр" и т.п.¹⁴. В отличие от противников марксизма, данный автор пришел к подобным умозаключениям, имея целью доказать, что временное поражение социализма в СССР не означает поражения идей марксизма, поскольку Сталин, мол, их извратил. Однако общество-"монстр", то-бишь урод, не могло бы добиться колоссального подъема производительных сил и культуры, обеспечить победу над сильнейшим противником в войне и ядерное равновесие со вчерашними союзниками, бывшие противниками до и снова ставшие ими после второй мировой войны. Открытое заявление об этом было сделано еще в 1946 году в фултонской речи Черчилля.

В Советском Союзе был построен социализм, но не "развитый", как уверяло брежневское руководство в 70-ые г.г., чтобы словесно "компенсировать" провал хрущевской программы построения основ коммунизма к 1980 году, а "ранний". Иными

словами говоря, социализм в СССР находился в начальной стадии, притом с особенностями и деформациями, находящими свое объяснение: (а) в вековой исторической отсталости России, которая не могла быть преодолена за десять лет, как обещал Сталин в 1931 году, да и за 50 лет, т.к. другие страны в эпоху НТР не стояли на месте; (б) до и после войны экономическое и научно-техническое развитие были настолько подчинены задачам обороны, что 20-25% валового национального продукта уходило на содержание вооруженных сил и создание самой современной военной техники, не уступающей по качеству своему технике более богатых противников, а также на поддержание союзов оборонного характера, призванных обеспечить глобальное равновесие. Эта задача была для экономики СССР непосильной, тем более, что во имя указанного равновесия были совершены тяжкие политические ошибки: применение войск в союзных странах, карибский кризис, дорогостоящая поддержка ряда африканских и арабских режимов, афганская авантюра и т.д.

Таковы объективные причины деформаций не только в политической сфере, где применение террора по отношению к собственным гражданам перешло все известные истории (даже во Франции 1793-94 г.г.) границы, но и в структуре общества. Обойтись без сильного государства, а тем самым бюрократии, ни одно современное общество не может. Не может оно также обойтись без строгой регламентации в распределении ресурсов во время тотальной войны, будь-то вторая мировая или "холодная". Поэтому раздувание и всевластие государственного бюрократического аппарата, включая органы подавления, применяющие насилие внутри страны, не являются специфическим для СССР явлением. Другое дело, каковы масштабы первого и второго. В соответствии с социалистическими программными установками и вследствие страшного разорения после первой и второй мировых войн уравнивательные тенденции в СССР проявились много сильнее, чем в других странах, в том числе провозгласивших социалистические цели. На общем фоне обеспеченного, но сравнительно с Западом скромного стандарта жизни масс, стала проявляться и болезненно восприниматься такая деформация социализма, как растущие привилегии верхней части бюрократии, так называемой "номенклатуры" - государственного, партийного, хозяйственного управленческого аппарата.

К середине 30-ых г.г. после коллективизации в СССР в основных чертах сложилась социальная структура общества, которая развивалась эволюционно до конца 80-ых г.г. Если отвлечься, за неимением места, от этой эволюции, которая была предметом

научного исследования во многих наших предшествующих работах, то ее главные черты были названы в официальных документах еще в 30-ые годы. Это известная формула "2 + 1": рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция; отличие первых двух состояло прежде всего (но не только) в различии форм собственности, а их обоих от интеллигенции, как социальной группы (но не "слоя" или "прослойки"), в различии между умственным и физическим трудом. Самые основные черты социально-классовых различий, кроме одного - о нем речь далее - эта формула "схватывала". Кроме того, она была неопределима в идеологическом отношении, для обоснования тезиса об единстве общества - к этому вопросу мы обратимся в следующем очерке. Отмеченный выше самый существенный изъян этой формулы был назван еще Л.Троцким, а затем М.Джиласом в книге "Новый класс" (1953). В советской социологической литературе с середины 60-ых г.г. это различие неизменно отмечалось как различие по характеру труда между организаторским и исполнительским умственным трудом и вытекающие отсюда, вследствие сложности и ответственности первого, различия в распределении. Что касается реальных доходов номенклатуры, то отклонение от принципа социализма "по количеству и качеству труда" вследствие присвоения номенклатурой привилегий (во многом неумело маскируемых), то оно также отмечалось во всех дискуссиях, в т.ч. на всесоюзных конференциях по социальной структуре, начиная с первой (Минск, 1966 г.). Название "класс" к ней не применялось, ибо тогда (и сейчас) налицо далеко не все признаки самостоятельного класса; скорее речь должна идти о социальной группе или социальном слое.

Детальное описание социальной структуры советского общества как она сложилась к сер. 70-ых г.г. содержится в книге, созданной в Институте социологических исследований¹⁵ и многих других трудах того периода и после. Не повторяя сказанного там и воздерживаясь от внесения "задним числом" поправок на вынужденные умолчания и принятую в то время терминологию, отметим несколько моментов, которые необходимы для ее сравнения с социальной структурой современного российского (и постсоветского в других странах СНГ) общества.

Во-первых, в основе отношений распределения, при всех отклонениях, лежало два принципа, которые следует признать родовыми для социализма: оплата по труду в зависимости от его количества и качества и бесплатное (или льготное) обеспечение основными материальными и духовными благами, как-то: жильем, образованием, охраной здоровья (включая курортные

дело и организацию отдыха и туризма), услугами учреждений культуры и т.д. за счет общественных фондов потребления (ОФП). При отсутствии безработицы и реализации права на труд доступ к указанным благам имело, по сути, все общество. Упомянутые выше отклонения находили выражение не только в привилегиях номенклатуры, но и в территориальном и отраслевом аспекте (преимущества столиц и "закрытых" городов ВПК, вообще для работников крупных предприятий "оборонки" и некоторых других отраслей промышленности), в заниженной оплате квалифицированного умственного труда массовых профессий. Так, зарплата ИТР и рабочих, находившаяся до войны в соотношении 2:1, в 70-80-ые г.г. составляла 1:1, а в ряде отраслей и ниже. Вообще от понимания интеллигенции как столь обширной социальной группы, как она подавалась в политических документах, социологи отказались, выделив управленческий слой и разграничив основную массу на слои специалистов и служащих, различающихся по сложности умственного труда и тем самым по его оплате.

Во-вторых, от кооперативной формы собственности в колхозах осталось немного, поскольку жесткое планирование материально-технического обеспечения и реализации произведенной продукции уравнивали условия в колхозах и сельскохозяйственных предприятиях государственного сектора. Существенным отличием практически всего сельского и части городского населения (в малых городах и пригородах) на деле было ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ), которому был в значительной части присущ товарный характер, т.е. оно отчасти было мелким частным производством. Если до войны колхозники половину дохода получали из ЛПХ, то к концу рассматриваемого периода примерно четверть. В связи с недостатками в снабжении городов, возрастающем дефиците продовольствия роль ЛПХ возрастала, как для самообеспечения семей, так и на продажу. Массовый характер приобрело подсобное хозяйство горожан на садовоогородных и дачных участках. При уровне развития производительных сил, который был достигнут в СССР, мелкое производство и с ним вместе товарные отношения были необходимы, равно как кооперация мелких производителей.

В-третьих, на протяжении всего рассматриваемого периода и особенно к концу его в стране наличествовала "теневая" экономика, которую питали дефицит продовольствия и промышленных товаров широкого потребления. Она находила выражение в сбыте части продукции помимо плана "налево"; в организации подпольных цехов на фабриках и заводах, производящих шир-

потреб; в посреднических операциях по скупке сельхозпродуктов и их перепродаже на свободном городском ("колхозном") рынке; в спекуляции закупленными за рубежом и переправленными нелегально, а также в багаже туристов и командированных, ширпотребом ("фарцовка"); в осуществляемом частным образом сельхозпредприятиями и гражданами строительстве (бригады "шабашников") и т.д. На этой основе возник и расширялся, с одной стороны, слой подпольной буржуазии, мелкой буржуазии и наемных рабочих частного сектора, а с другой, слой коррумпированного чиновничества, включая аппарат органов правопорядка, без санкции которого операции на "теневом" рынке были невозможны либо крайне опасны. Всякие "рыбные", "хлопковые" и прочие "дела" 80-ых г.г. были верхушкой айсберга.

В провозглашенной весной 1985 года Горбачевым "перестройке" нашло выражение стремление основных социальных групп общества ускорить процесс развития производства, повысить производительность труда и на этой основе повысить благосостояние, по уровню которого возросло отставание от ведущих стран Запада, особенно в насыщении средствами транспорта и бытовой техникой. Одновременно в "перестройке" нашло выражение стремление номенклатуры к достижению уровня жизни менеджеров и политиков того же уровня в социальной иерархии стран Запада и уменьшению зависимости своего статуса от контроля снизу и сверху, от парторганизаций и вышестоящего начальства. Своеобразие положения этого слоя состояло в том, что снятие с должности автоматически влекло за собою лишение служебной автомашины, дачи, дополнительных источников снабжения, престижных заграничных командировок, права на комфортные условия отдыха и лечения и т.д. В "перестройке" была также особо заинтересована верхушечная часть художественной, научной, занятой в средствах массовой информации интеллигенции, тянувшаяся к стандартам "общества потребления", где специалисты такого же класса имели доходы несравнимо более высокие. Наконец, в ослаблении контроля и полной свободе товарно-денежных отношений были крайне заинтересованы дельцы теневой экономики.

Об истории "перестройки" написано немало, по ходу развертывания исторического процесса ее подлинная роль в падении и развале великой державы и последующих бедствиях становится все более ясной. Что же касается удовлетворения отмеченных выше интересов ряда социальных групп, то следует из общего потока событий выделить два, наглядно выразивших расхождение интересов элиты и большинства народа. Поначалу под воз-

действием массовой пропаганды, перестройка была воспринята как совершенствование социализма в СССР и одновременно ослабление напряженности на международной арене при взаимных уступках обеих сторон глобального противостояния, а тем самым облегчения бремени военных расходов и обращения высвобождающихся ресурсов на обновление технического уровня "гражданских" отраслей и рост потребления.

Первое нашло выражение в провозглашении кооперации - совсем по Ленину - "столбовой дорогой" к социализму. Но у Ленина в начале НЭПа речь шла о кооперации мелкого производства реально существовавших тогда мелких крестьян в деревне, ремесленников и кустарей в городе. В Законе "О кооперации", принятом в 1988 году, а затем на практике, центр тяжести пришелся на другое. Было разрешено организовывать при государственных предприятиях, НИИ и других организациях под именем кооперативов инициативные группы, которые стали немедленно и в растущих масштабах "перекачивать" государственные средства в свой карман - путем использования казенных материалов и рабочего времени, а также перевода безналичных средств на счета предприятий и организаций в наличные. Это привело за каких-то два года к резкому ухудшению и без того напряженного положения в сфере денежного обращения и росту бюджетного дефицита. Зато теневая экономика смогла выйти "на поверхность" и форсированным темпом аккумулировать средства. Вопреки официальным надеждам принимавших Закон инстанций, а также населения, эта "кооперация" получила развитие в основном в сфере обращения и услуг и не привела к росту производства потребительских товаров, напротив, содействовала превращению дефицита во всеобщий при быстром обогащении слоя, получившего тогда ироническое название "кооператоров", а на деле новой буржуазии.

Второе событие - отмена статьи шестой Конституции 1977 года (и всех предшествующих советских конституций), закреплявших за Коммунистической партией роль основной несущей конструкции системы управления. Фактически партийный аппарат был стержнем государственного управления, он обеспечивал доминирующую роль общих интересов над ведомственными, контроль за деятельностью всех других звеньев государственного аппарата управления, как сверху, так и в известной мере и снизу. При несомненной бюрократизации партийного аппарата с парткомами на предприятиях и в организациях администрация вынуждена была считаться, поскольку в их составе кроме директора и секретаря парткома были представлены рабочие, ИТР, другие

категории персонала, на партийных собраниях критика постоянно раздавалась, а массовая печать уделяла немалое внимание критическим выступлениям рядовых граждан. Эта отмена, происшедшая в 1990 году под флагом демократизации по воле высших партийных руководителей, включая Горбачева, фактически предрешала как распад СССР на отдельные государства, так и развал всей системы управления, который был закреплён запретом КПСС в августе 1991 года. Этим была открыта дорога для развития капиталистических отношений на базе не регулируемых государством рыночных отношений, становления новой буржуазии, центром мощи которой стали коммерческие банки, и перерождения номенклатуры из "коммунистической" (по названию КПСС, ибо ничего собственно коммунистического в ее бытии и сознании не было) в "демократическую" (тоже только по названию, ибо ничего собственно демократического в ее бытии и сознании нет).

За прошедший после запрета деятельности КПСС и развала Союза короткий срок Российская Федерация прошла сложный и крайне болезненный путь капитализации общественных отношений. Этот процесс проходил и продолжается в условиях жесточайшего кризиса производства и далек от завершения. В наши задачи здесь не входит ни описание хода этого кризисного развития, подведшего Россию к национальной катастрофе, ни оценка сценариев выхода из него. Остановимся только на краткой, резюмирующей суммарные сдвиги в социально-классовой структуре фиксации ее нынешнего состояния, с тем, чтобы в следующем очерке рассмотреть характерные для нее социальные противоречия и возможные пути их разрешения.

Превращение государственного социализма в государственный капитализм продолжило на качественно новом этапе отмеченные выше тенденции, берущие начала в недрах советского общества эпохи "застоя", усилившиеся на этапе "перестройки", особенно к концу таковой. Главной чертой трансформации первого во второй является появление крупной буржуазии, по своему характеру компрадорской (подчиненной международному капиталу) и сосредоточенной в основном в сфере обращения. Вырученные ею от посреднической деятельности, в том числе легального (лицензированного) и нелегального экспорта сырья, миллиарды долларов, вследствие нестабильности обстановки и высоких налогов пока что не вкладываются в производственную сферу. Они пущены далее в оборот в торговле и финансах либо вложены в зарубежные банки, которые их инвестируют по своему усмотрению, но менее всего в России. Иностранные инвестиции

в России пока крайне незначительны, в 1994 году они составили всего 2% от общей их суммы. Центрами мощи новой буржуазии являются коммерческие банки. Сравнительно большая (по западным меркам) часть прибыли идет на паразитическое потребление и приобретение недвижимости за рубежом. Начатый с лета 1994 года второй, аукционный период приватизации по замыслу властей должен привести к массовой скупке по дешевке заводов и фабрик, земли и строений в городах, другой недвижимости. Предстоящее банкротство тысяч государственных и превратившихся после первого этапа приватизации в акционерные предприятий вследствие искусственно вызванного кризиса неплатежей должно облегчить эту задачу; результатом будет дальнейшее укрепление позиций новой буржуазии, как экономического господствующего класса, стремящегося к полному политическому господству.

Вторая черта трансформации - превращение старой номенклатуры в говую. Многие социологи, экономисты, политологи эту черту полагают главной; отсюда их предложения называть новый строй "номенклатурным капитализмом"¹⁷. Отсюда же призывы вроде известного шекспировского "чума на оба ваши дома" (Н.Шмелёв). Нам представляется, что данная черта имеет, при всей ее важности, подчиненный характер. Основное отличие нынешней бюрократии от ее исторической предшественницы в том, что она все более успешно вписывается в капиталистические отношения. Два основных пути этого процесса: а) приобретение в собственность крупных пакетов акций и тем фактического права распоряжения бывшей народной собственностью. Это проявилось вполне отчетливо при разных "моделях" "ваучерной" приватизации. Данный путь более всего используется так наз. хозяйственной номенклатурой, т.е. директорским корпусом и высшими чинами хозяйственных министерств и ведомств. Если ранее ставки зарплат определялись сверху, то ныне директора их устанавливают для себя и административной верхушки сами, причем даже на убыточных предприятиях, где зарплату рабочим задерживают подчас месяцами, в десятки раз выше, чем средняя по предприятию; б) систематическое взяточничество, что более всего используется административной номенклатурой. Бывший мэр Москвы Г.Х.Попов, которого грех заподозрить в неосведомленности, однажды заметил, что на взятку в среднем "должно" уходить 10-20% стоимости сделки. В Японии для бизнесменов издан справочник, в котором указано, какому должностному лицу в Москве сколько платить. Кроме того, работники администрации регионов, городов и т.д., вопреки официальным распоряжениям, за

выполнением которых они же должны следить, часто совмещают государственную службу с коммерческой деятельностью, занимая посты в разного рода фирмах. Коррупционированность аппарата управления, начиная с милиционера или писаря и кончая гражданским и военным "генералитетом", стала отличительной чертой государственного капитализма в России, продолжая и "углубляя" вековые традиции российской бюрократии, которые были лишь отчасти прерваны десятилетиями советской власти.

Наряду с указанной трансформацией "верхов", элиты, идет социальная дифференциация основной массы населения, которая ранее составляла сравнительно (о различиях было сказано выше) однородную массу работников наемного труда, занятых на государственных предприятиях и в организациях, в колхозах. Отметим следующие направления этой дифференциации.

Во-первых, появился слой мелких частных собственников. В деревне 200-300 тысяч фермеров, в городе мелкие торговцы, в том числе многотысячная армия "челноков", совершающих "шоптурные" авиарейсы за рубеж и заполняющие вещевые рынки, начиная с всероссийского торжища на стадионе в московских Лужниках. К этому слою также относятся "самодельные", постоянно занятые этим промыслом торговцы на рынках и улицах городов. Что касается торговли цветами, фруктами, спиртным и т. д., то она в основном монополизирована и продавцы являются наемной рабочей силой.

Во-вторых, существенно изменилась структура людей наемного труда. На их положение ныне оказывает решающее влияние связь с той или иной формой собственности. Государственные магазины и предприятия сферы услуг в результате приватизации в большинстве своем стали собственностью не отдельных лиц, а "товариществами с ограниченной ответственностью" (ТОО), которые устанавливают торговую надбавку по своему усмотрению и получают доход не только в форме зарплаты, но и процент с прибыли.

Крупные предприятия пока что частично остались государственными, частично перешли на аренду либо стали акционерными компаниями. Зарплата работников в этих переходного типа "полугосударственных" предприятиях в принципе должна дополняться доходом, зависящим от числа акций и прибыли предприятия. Пока что этот фактор, однако, играет весомую роль в нефте- и газодобыче и небольшом числе "благополучных" заводов и фабрик, прошедших акционирование. Большинство же предприятий, будь то государственные, арендные, акционерные,

задыхаются от неплатежей и не в состоянии своевременно выдавать зарплату.

Появилось, далее, немало частных предприятий, в том числе совместных с иностранным капиталом. Они пока что учреждаются в таких сферах, где прибыль может быть обеспечена и при нестабильных условиях хозяйствования, как-то, инфляции, высоких ставках кредита, чрезвычайно высоких ставках налогов.

К числу наемных работников, находящихся в особых условиях следует также отнести упомянутых выше "сидельцев" в палатках, занятых коммерческой торговлей и пунктах обмена валюты, а также охранников банков, офисов, тех же пунктов обмена валюты, а также персонал личной охраны "новых русских". Это сотни тысяч вооруженных, хорошо тренированных и высокооплачиваемых, как правило, молодых мужчин.

В-третьих, появились достаточно многочисленные паразитические слои. К ним надо отнести прежде всего криминальные элементы: рэкетиров, воров, грабителей, проституток, вымогателей "уличного" типа вроде "надерсточников", гадалок. Основную роль приобрела организованная преступность, в которой представлены все уголовные типы, вплоть до наемных убийц ("киллеров"), жертвами последних становятся не только бизнесмены, но и депутаты Государственной Думы. Впрочем, в значительной мере название "паразитические слои" применимо к упомянутой охране и части бизнеса.

По всем признакам появляется и такой "классический" паразитический слой общества, как рантье, живущий на доход с капитала. Социальный фон для его появления, на первый взгляд, представляется неблагоприятным. Долголетние сбережения населения были фактически реквизированы государством 1 января 1992 года; смехотворная компенсация в размере трехкратного вклада по состоянию на это число (при росте цен на хлеб в 5-6 тысяч раз) никого не утешила. Доверие к Сбербанку было потеряно; оно не восстановлено до сих пор, т.к. начав прием денег на депозиты, Сбербанк оставил за собой право произвольно менять процент в зависимости от конъюнктуры.

Тем не менее, вследствие нестабильности экономической ситуации, население стремится делать сбережения: в первом полугодии 1994 года они составили 17% от суммарных доходов. Данный источник накопления во всем мире играет существенную роль в инвестициях, которые производят банки и сберкассы, аккумулирующие сбережения населения. В наших условиях катастрофической нехватки инвестиций (в 1994 году снижение на 30% по сравнению с предшествующим годом, прогнозируется,

что в 1995 году они составят не более одной трети к объему 1989 года¹⁶), этот источник используется в высшей степени недостаточно и нерационально. Частные фирмы, в большинстве своем не имеющие лицензий Центрального банка РФ, при попустительстве властей стали принимать деньги от "физических лиц" под высокие, подчас явно нереальные проценты, выпускать ценные бумаги (при отсутствии законодательства о их обращении). С лета 1994 года эти фирмы стали лопаться одна за другой: МММ, "Тибет", "Чара" и сотни более мелких. Население оказалось ограблено вторично, теперь уже ловкими дельцами при попустительстве государства. Поток сбережений устремился на скупку инвалюты, курс которой растет, и в более солидные коммерческие банки.

На этом общем фоне происходит выделение слоя рантье, притом не только из числа разбогатевших "новых русских", но также известной части пенсионеров и высокооплачиваемых служащих, которые получают доход с капитала, сравнимый с доходом от основной деятельности или пенсии, а подчас превосходящий его. Телевидение и другие СМИ внесли свой весомый "вклад" в пропаганду жизни "на халяву", принимая в целях рекламы сюжеты любых компаний без какой-либо проверки; так, и после скандала с МММ "три бабочки" не сошли с экранов телевизоров, а в вагонах московского метро продолжают манить пассажиров объявления о давно исчезнувших финансовых компаниях, основателей которых тщетно разыскивают следственные органы.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА "СРЕДНЕГО КЛАССА". *Социальная поляризация* является одним из основных проявлений социальной дифференциации. Подобно дифференциации понятие поляризации вообще употребляется в двояком смысле: статическом, когда фиксируется наличие полюсов и взаимосвязь между ними, и динамическом, когда происходит процесс нарастания полярности, или, иначе говоря, роста напряженности во взаимодействии полюсов¹⁷. Здесь нас интересует поляризация социальная, рассматриваемая применительно к современному этапу развития общества в нашей стране.

В обществе наиболее наглядно бросается в глаза противоположность богатства и бедности, сосредоточение роскоши и расточительства на одном полюсе, нищеты и голода - на другом. Возникнув в процессе разложения первобытнообщинного строя, полярность такого рода сопровождается человечеством на всем протяжении его последующей истории, принимая самые разные формы, то обостряясь, то, напротив, несколько сглаживаясь. Однако когда рассматриваемая противоположность находится в

близком к статическому состоянию, когда наблюдаются незначительные отклонения в ту или иную сторону - это одно дело. Совсем иное дело, когда процесс поляризации приобретает ярко выраженную динамику.

В современной Великобритании общественное сознание в основном смирилось с наличием глубокого имущественного неравенства, "привыкло" к нему. Согласно данным, приводимым Э.Гидденсом в учебнике социологии, в 1987 г. в этой стране 1% населения владел 21% "личного богатства". Если же брать в качестве "верхушки" 5% населения, то на их долю приходится 16% общего дохода, в то время как 50% (половина!) населения владеет 5% общего дохода¹⁸.

Не менее разительны эти различия в США. Н.Смелзер приводит динамику доходов с 1950 по 1984 год и обнаруживает, что "низшие" 20% за треть века увеличили свою долю с 4,5 по 4,7%, а "верхние" 20% на 0,2% (с 42,7 до 42,9); самые верхние 5% имели и имеют 16-17%, что очень близко к Англии¹⁹.

В качестве популярного показателя неравенства в доходах используется так наз. "децильный" коэффициент, выражающий соотношение доходов "верхних" 10% населения к 10% "нижних". Этот коэффициент не дает полного представления о неравенстве в распределении материальных благ, так как учитывает текущие (месячные, годовые) доходы, не учитывая накопленное имущество, а в него входят не только предметы потребления, но и средства производства, акции и другие ценные бумаги. И тем более он недостаточен для социального анализа, ибо не учитывает различия в источниках дохода. Тем не менее, он дает известное представление о динамике процесса поляризации населения.

При хорошо известном несовершенстве нашей статистики данный коэффициент в СССР в 1991 году определялся на уровне 4-5; есть основания полагать, что на деле он был несколько выше, т.к. в нем не учитывались ни подлинная стоимость привилегий бюрократии, ни скрываемые доходы дельцов теневой экономики. Со вступлением в "эпоху реформ" в России он стал быстро возрастать, несмотря на общее сокращение фонда потребления. За пределами наших возможностей оценить имущественное расслоение в других государствах, возникших на территории СССР, но в некоторых этот процесс сдерживался довольно успешно до начала рыночных реформ (Украина, Белоруссия), но с их началом они бросились "вдогонку" за Россией и во многом превзошли ее. В России он уже к концу 1992 года возрос до 8 и продолжал, с известными колебаниями, расти к концу 1994 г. до 15. Но этот же коэффициент по получаемой зарплате дошел (по официальным

данным) до 21!²⁰ Различие в этих официальных коэффициентах, столь велико, что его нельзя объяснить ни доходами от личного подсобного хозяйства, ни весьма скромными дотациями на детей и т.д. По оценкам независимых экспертов децильный коэффициент до доходов к августу 1994 г. возрос до 25²¹, и это до "черного вторника" на бирже 11.X.1994 г. и последующей инфляционной волны. В западных странах, проводящих достаточно продуманную социальную политику, например, Швеции, где социал-демократы с небольшими перерывами на протяжении десятилетий находятся у власти, эта цифра удерживается порядка 5-6.

На одном полюсе растет масса обедневшего и обнищавшего населения. Знаменательно, что еще весной 1992 года вместо применявшегося долгие годы понятия "прожиточный минимум", предполагавший удовлетворение основных потребностей человека на основе "советского образа жизни", Указом Президента РФ был введен наряду с прежним "физиологический прожиточный минимум", согласно которому 70-80% дохода должно уходить на весьма скудную продовольственную "корзину"²². Но и ниже этого минимума, то есть педодея и донашивая обноски прежней одежды, фактически в состоянии нищеты последние два года находилось до трети населения. Если же пользоваться прежним критерием, то более 80% населения оказались за границей прожиточного минимума.

Поскольку поляризация происходит на фоне общего падения производства и национального дохода, то на полюсе бедности и нищеты находится подавляющая масса населения, а на втором - незначительное меньшинство; средние цифры по всем показателям неуклонно ползут вниз. Концентрированное выражение перерастающий в катастрофу кризис находит в демографических показателях. Уровень смертности вдвое превысил уровень рождаемости, в 1994 г. убыль населения составила более 900 тыс. человек.

При всех недостатках отечественной статистики, возросшей ее "закрытости" она дает достаточные свидетельства роста поляризации (т.е. поляризации в динамическом аспекте) по доходам. Социология подтверждает эту тенденцию многочисленными опросами, в которых обычно применяются различные шкалы оценок: а) в сравнении с предшествующим периодом: "живу хуже", "живу лучше"; б) в сравнении "с другими": "лучше, хуже других, "как все"; в) в отнесении себя (или семьи) к различным слоям по уровню дохода: "высокий"; "средний"; "низкий", и другие.

В этом плане заслуживает внимание статья Т.И.Заславской "Доходы работающего населения России", помещенная в двух

номерах издаваемого Интерцентром ВЦИОМ журнала, в которой вводится субъективная шкала материальной обеспеченности работников (речь идет о занятых, а не о душевом доходе на человека), "в основе которой лежит отношение доходов не к исчисляемому статистиками индексу цен, а к массовым представлениям самого населения о доходах, отражающих определенные ступени бедности и достатка"²³. Автор выделяет две ступени: доход, обеспечивающий прожиточный минимум, который далее обозначается как "социальный прожиточный минимум" (СПМ), и "позволяющий жить нормально". Сравнение с индексом цен показывает, что оба эти оценочных представления растут в общем и целом параллельно росту цен. Но далее автор совершает, на наш взгляд, ошибку, исключая из рассмотрения верхние 10%, "десятый дециль", ибо "он резко отрывается от всего остального массива, превышая значение девятого в 2,5-3 раза" (там же, с.6). Верно, одна десятая - это и есть новая буржуазия, высшее чиновничество и наиболее преуспевающая часть их obsługi, от адвокатов до телохранителей и персонала ночных клубов. Поэтому при всей тщательности анализа представлений 90% работающего населения, верная картина дифференциации российского общества не может быть получена. Об этом свидетельствует хотя бы то, что соотношение децилей № 9 и № 1 по СПМ (т.е. представлений о прожиточном минимуме) по разным месяцам 1993 года колеблется в интервале 3,6-6, в то время как реальные доходы в отношении децилей № 10 и № 1, согласно статистике, колебались в районе 10-11.

Но и без 10% богатых, автор получает такие данные по обеспеченности на душу населения, т.е. благосостояния семей: нищета - 16,3%; бедность - 33,6%; нуждаемость - 26,9%; относительный достаток - 15,6%; состоятельность - 7,6%. Итого 77% населения сами относят себя к нищим, бедным, нуждающимся (там же, с. 9).

Задачи социологической теории социальной структуры не могут ограничиться сравнением объективной тенденции роста поляризации общества по доходам и субъективной оценки этого процесса. Следует идти дальше и выяснить его социальную сущность, т.е. выяснить, какие *социальные группы* богатеют, а какие нищают.

В общих чертах об этом было сказано выше при описании положения социальных групп и слоев. Но сказанного недостаточно. Надо учитывать глубокую дифференциацию внутри всех социальных групп и слоев и даже профессий, определяемых особенностями этапа первоначального накопления в столь крупной

стране, как Россия. Это проявляется, во-первых, в дифференциации уровня жизни по регионам и оплаты работников по отраслям, во-вторых, от того, с какой формой собственности на средства производства они связаны. Региональная дифференциация находит наиболее полное выражение в отдаленных районах России. Быстрый рост стоимости транспортных расходов при потере управления страной уже привел к массовому обезлюдению и растущему запустению Северных регионов, где сосредоточена добыча важнейших минеральных ресурсов. В навигации 1994 года на Сибирский Север (по рекам, из Владивостока и по Севморпути по морю) было завезено менее половины необходимого продовольствия и топлива. России грозит потеря не только Севера, но и Дальнего Востока, где "продовольственная корзина" стоит в 4-5 раз дороже, чем в среднем по стране, что не покрывается коэффициентами в зарплате. После очередного природного бедствия Южнокурильские острова теряют население. Весь Дальний Восток, отрезанный ж.-д. тарифами от центра и даже Сибири, усиленно колонизируется китайцами и корейцами, в основном нелегально.

Отраслевая дифференциация наглядно проявляется в колоссальном разрыве в зарплате и сроках задержки с ее выдачей. Если на нефтегазопромислах средняя зарплата рабочих достигает 1-2 млн. рублей в месяц, то в тех же сибирских областях в машиностроении и легкой промышленности она в десять раз ниже, и, к тому же, ее выдача по месяцам задерживается. В наихудшем положении оказываются центральные области европейской России, где исторически сосредоточилась текстильная и машиностроительная промышленность, которые поразил кризис сбыта: первую из-за падения спроса населения, резко сократившего покупку тканей и швейных изделий, т.к. в бюджете большинства семей деньги идут на пропитание, а вторую - из-за отсутствия средств у предприятий на обновление машинного парка. В Ивановской, Владимирской, Тульской, Тверской областях большинство рабочих периодически отправляется в вынужденные отпуска с выдачей мизерных сумм вместо зарплаты, а полностью безработные в каждой из них составляют более 10-20% работоспособного населения.

Но наиболее значима дифференциация, связанная с формами собственности. Частный капитал завладел в основном сферой финансово-кредитной и торговой, где экспортно-импортные операции приносят бешеные прибыли вследствие различия цен (в долларах) на внешнем и внутреннем рынке; появляются и предприятия с частным капиталом, в т.ч. зарубежным, но там,

где обеспечена высокая прибыль. Наконец, новая буржуазия одержима манией потребления, что требует привлечения работников ряда профессий: строителей (дачи, коттеджи), автослесарей, механиков, шоферов (личный транспорт), портных, модельеров, манекенщиц (одежда), личных услуг (охраны, персонал ночных клубов, баров и т.д.), наконец, менеджеров, экономистов, бухгалтеров, переводчиков, делопроизводителей, специалистов по ЭВМ (офисы) и т.д. Беглое изучение объявлений в прессе и банка данных в фирме "Тризна" убеждает, что специалисты одних и тех же категорий могут получать оплату в 2-3 (для рабочих) и в 5-10 раз больше (для специалистов с высшим образованием, знающих языки), чем в государственных (или акционированных) строительных трестах или автохозяйствах, в государственных "конторах" разного рода.

В свете всего сказанного, "социальный срез" процесса поляризации выглядит следующим образом; мы ограничиваемся качественными характеристиками, ибо количественных данных такого рода статистика не дает. На одном полюсе, где сосредоточено примерно 10% населения, имеющих высокие доходы и выражающих удовлетворенность своим материальным положением, находятся новая буржуазия и высшая государственная и хозяйственная бюрократия. К ним присоединяется тонкая верхушечная прослойка интеллигенции (специалистов), которая коммерциализировалась, установила тесные связи с Западом и идеологически обслуживает "новый порядок". Так, некоторые академики-экономисты стали крупными коммерсантами: С.С.Шаталин создал фирму, объявлениями которой о приеме денег оклеены вагоны метро в Москве; А.Г.Аганбегян превратил Академию Народного Хозяйства в крупный коммерческий центр по подготовке кадров, тесно связанный с аналогичными центрами за рубежом и т.д. "Большие деньги" обладают магическим воздействием и к ним тянется, получая от них свой "кусочек", известная часть интеллигенции.

На другом полюсе сосредоточена основная масса населения, составляющая не менее 70% населения. Это основная масса рабочих и служащих на государственных и полугосударственных предприятиях. Это "массовая" интеллигенция, каковы врачи, учителя, инженеры, культработники и т.д. Это научная интеллигенция, которая ранее принадлежала к сравнительно обеспеченным слоям, а ныне по уровню зарплаты отрасль "наука и научное обслуживание" - вторая с конца (последняя - культура). Это почти целиком крестьянство, будь-то колхозное, совхозное, фермеры и т.д. Это, конечно, безработные и бродяги, нищие и др. слои "дна".

Наконец, это низшая часть чиновничества. Введение ЕТС (единой тарифной системы) делает чиновников, находящихся на нижней и средней части этой шкалы, полностью зависимыми от поступающего с опозданием (сравнительно с ростом инфляции) указанием свыше о повышении зарплаты. Привилегиями, в отличие от лиц, занимающих "посты" в министерствах и ведомствах в центре, от руководителей региональной администрации, включая начальников департаментов, они не пользуются. И далеко не в каждом учреждении они могут использовать свое положение для "подкормки" за счет взяток, да и не все идут на это. Различие между Акакием Акакиевичем и "статским" генералом в России конца XX века не менее значительно, чем в начале XIX века.

Примерно 20% населения можно причислить к тем, кто по съездившимся жизненным стандартам находится за пределом бедности, но вместе с тем не дотягивает до уровня жизни советских времен. Сюда можно отнести квалифицированных рабочих, служащих и специалистов таких отраслей, как нефте- и газодобыча, а также государственных банков и кредитных учреждений; часть научных работников и профессуры вузов, получивших доступ к грантам различных фондов (в т.ч. зарубежных), выезжающих за границу на определенный срок для работы; наемный персонал частных предприятий, офисов и банков. Наконец, к этой промежуточной, самой пестрой по составу группе следует отнести торговцев разного рода: спекулянтов на городских рынках и на улицах, в коммерческих киосках, "челноков", сделавших рейды в Турцию, Китай или Эмираты своим постоянным занятием. Характерной чертой этой промежуточной группы является неустойчивость положения людей, которые сегодня имеют указанные источники дохода, но завтра могут их лишиться.

ВОПРОС О "СРЕДНЕМ КЛАССЕ". Именно в связи с наличием этого, неоднородного по своему составу, по социальному положению и источникам дохода слоя мы обязаны обратиться к вопросу о "среднем классе", который приобрел особую значимость вследствие постоянных "воздыханий" высоких лиц в администрации и некоторых социологов насчет необходимости "срочно" иметь этот класс в качестве социальной базы нынешнего правящего режима. Так, вице-премьер Ю.Яров в статье "Вперед, к среднему классу", полагает, что наше общество состоит из "трех основных групп: предпринимателей, наемных работников и нетрудоспособных". Нетрудно заметить, что если не учитывать третью группу, то активное, самодеятельное население автор делит

чисто "по-капиталистически": "предприниматели и наемные работники", и далее заявляет, что "именно эти две группы должны стать основой формирования среднего класса"²⁴. В том же духе высказывается мэр Санкт-Петербурга А.Собчак. В интервью "Комсомольской правде", пугая читателей "красно-коричневой" опасностью, он выразил надежду на скорое преобразование социальной структуры общества, в результате которого "преобладающее место занимал бы средний класс, олицетворяющий надежность"²⁵.

В этом и сотнях аналогичных высказываний создается очередная миф в сфере социальных отношений. Технология создания этого мифа не блещет оригинальностью. Она основывается на произвольном обращении с понятием "средний класс", которое широко употребляется социологией (и вообще в общественно-научной литературе) преимущественно в двух смыслах.

Первый из них характерен для западной статистики и социологии при анализе отношений распределения. Мы уже отмечали, что в США принято говорить о "высшем классе" как о совокупности лиц, доходы которых значительно превышают средние показатели, "среднем классе" - со средними доходами, и "низшем классе" - с низкими доходами. Можно выделить не три "класса", а более, но от этого по сути ничего не изменится. Понятие класс допускает и такое употребление, но к теории классов оно не имеет отношения.

В СССР существовал весьма мощный пласт людей среднего достатка, при желании его можно назвать "средним классом" в указанном смысле. Крайние слои были сравнительно немногочисленны: относительно богатыми можно было считать высший слой номенклатуры, имевший привилегии, и часть наиболее квалифицированной интеллигенции. Относительно бедными были часть колхозников и работников совхозов в слабых хозяйствах, пенсионеры с малой пенсией, служащие в сфере культуры и т.д. Уровень социальных гарантий был весьма высок, никто не голодал, дети учились, лечебная помощь оказывалась - лучше или хуже - всем. Уравнительные тенденции, как говорят, "имели место", но линия на соблюдение принципа оплаты по труду в основном определяла место работника в отношениях распределения. Безусловно, основная масса людей труда со средними доходами составляла социальную базу государственной политики и это способствовало стабильности общества. Выше уже было показано, что последовавшая за "перестройкой" "реформа" этот "класс" разрушила.

И пока что ни о каком "формировании" нового "среднего класса" как устойчивого ядра общества, которое достаточно обеспечено, в основном довольно условиями жизни и поэтому может служить залогом социальной стабильности, говорить не приходится.

Понятие "средний класс" или "средние слои" употребляется в социологии применительно к буржуазному обществу, и в более строгом смысле, как класса, чье место находится посередине между владельцами капитала, нанимающими рабочую силу или живущими на ренту с приобретенного любым способом капитала, с одной стороны, и упомянутыми выше лицами наемного труда, с другой. Наличие счета в сберкассе или в пенсионном фонде, равно как покупка нескольких акций, дающих "добавку" к основному доходу или подстраховку "на черный день", несколько не меняет сути дела. По сведениям, приводимым уже упоминавшимся английским социологом Э.Гидденсом в Британии 5% населения владеют 90% всех акций, в то время как на долю 95% приходится всего 10%¹⁸. Эти мелкие держатели акций никакой погоды в большом бизнесе не делают, но зато помогают банкам аккумулировать средства.

Между полюсами находится масса мелких собственников, обходящихся трудом своей семьи или временным наймом нескольких работников. Это та самая мелкая буржуазия, которая порождает из своей среды удачливых крупных собственников и одновременно в массе разоряется, не выдерживая конкуренции с крупным производством (ремесленники, крестьяне-фермеры) или с крупными торговыми фирмами (мелкие лавочки). К этим традиционным, "старым средним слоям" примыкают так называемые "новые средние слои": лица свободных профессий, преподаватели высшей школы, профессионалы-управленцы, чей оклад несравним с зарплатой рабочего или конторского служащего, и т.д. Гетерогенность этого слоя подчеркивается всеми исследователями, независимо от их идеологической ориентации, начиная с Э.Бернштейна, обратившего на него внимание в конце XIX века. Тем более гетерогенным оказывается "средний класс", если брать его в целом; поэтому вернее говорить о "средних слоях".

Как же обстоит дело со "средним классом" в этом понимании в нашей стране, которая до Октября 17 года справедливо считалась по составу населения мелкобуржуазной? Мелкие производители были упразднены задолго до того, как они исчерпали свои экономические потенции: крестьяне в деревне и ремесленники в городе были одним махом кооперированы в конце 20-х - начале

30-ых г.г., причем и колхозы, и производственные кооперативы в городах по сути были огосударствлены еще при рождении; вторые в конце 50-ых г.г. влиты в местную промышленность. Остатки мелкого производства, тем не менее, продолжали существовать в форме личного подсобного хозяйства крестьян и части горожан.

В конце 80-х г.г. мелкое производство, наряду с кооперацией, было восстановлено в правах. Но большого развития в производственной сфере оно не получило, несмотря на все заверения правительства в поддержке и немалые (безвозвратные по сути дела) кредиты, выданные фермерам. Общий развал сельского хозяйства вследствие диспаритета цен и неуплаты государством денег за сданную продукцию, начиная с 1992 г., подкосил не только колхозы и совхозы (под новыми названиями акционерных обществ приобретшими известные черты кооперативов), но и новорожденное фермерство. Сейчас в России существует 270 тыс. фермерских хозяйств, которые дают всего 2% валовой продукции сельскохозяйственного производства. Фермеры, не успев стать толком на ноги, разоряются. Посетивший 5-тый Съезд АККОР Е.Гайдар заявил в феврале 1994 г., что он ожидает "полезных решений, способствующих развитию среднего класса деревни". Ожидания б. вице-преьера не оправдываются. На съезде преобладали жалобы и растерянность. Показателен заголовок статьи об итогах съезда в официозной "Российской газете": "Средний класс деревни собрался сказать, что умирает"²⁶.

Индивидуальная трудовая деятельность в городах в сфере производства играет мизерную роль. Мелкий бизнес сосредоточился в сфере спекуляции, перепродажи купленных либо в магазинах или на фабриках товаров массового потребления, либо товаров иностранного производства, привезенных фирмами, "челноками", матросами дальнего плавания. Спекулятивного "среднего класса" развелось много, об этом речь шла выше. Однако подлинную свою опору нынешний режим видит вовсе не в фермерах и спекулянтах. Это лишь вспомогательная армия, равно как и питаемая бизнесом сфера рэкета, силой берущего "свою" долю в процессе грабежа основной массы населения. Центрами мощи нового класса являются банки, биржи и ваучерные фонды. Мало кто из новых капиталистов стремится вкладывать свои средства в развитие производства, в основном они наживают прибыль в сфере обращения, используя искусственно вздутый курс доллара по отношению к рублю. В своей массе это буржуазия компрадорская, т.е. подчиненная зарубежному капиталу и помогающая ему в разорении России. Лучшим свидетель-

ством ее паразитического характера является тот факт, что ежемесячно примерно 2 миллиарда долларов перекачивается на счета иностранных банков - и это при крайней напряженности платежного баланса страны, которая не в силах выплачивать вовремя даже проценты по долгам западным государствам и частным банкам.

Пока что буржуазия делит власть с новой "демократической" номенклатурой, т.е. высшей бюрократией. Важно отметить, что последняя постепенно сливается с буржуазией, и не только потому, что служит ей, проводя политику ей выгодную. Новая номенклатура потеряла благодетельный страх перед высшими инстанциями. Она поражена насквозь коррупцией и таким путем получает "свою" долю прибылей бизнеса. Хозяйственные кадры с помощью приватизации (подчас прибегая к скупке ваучеров, как на ГАЗе в Нижнем Новгороде) становятся владельцами крупных пакетов акций, деля власть с частными фирмами (как на Уралмаше, где 18,5% акций скупил фирма "Биопроект"). Об общности интересов и вместе с тем противоречиях и конфликтах между двумя группами элиты речь будет идти в следующем очерке.

Буржуазия требует от своих идеологов создания мифов. В их числе и мифа о том, что буржуазия является частью народа, "трудящейся массы, а поскольку в нищие ее зачислить трудно, то хотя бы частью "среднего класса". Желтая печать трубит о "среднем классе" как классе предпринимателей, смешивая киоскёра или фермера с банкиром или биржевиком. Не остаются в стороне некоторые представители науки. Так, в годичном отчете Института социологии РАН за 1993 год по разделу "Социальная структура и стратификация" можно прочесть следующее: "формирование среднего класса будет происходить за счет следующих слоев переходного периода: 1. предпринимателей, менеджеров; 2. высококвалифицированных специалистов; 3. высококвалифицированных рабочих; 4. производительно крестьянства"²⁷.

Более осторожно рассуждает директор того же Института В.А.Ядов. В статье 1991 года он утверждал, что "средний класс" в нынешних условиях "формируется в двух основных типах: в своей традиционной буржуазной разновидности (выделено мною - М.Р.) и как новый средний класс, независимый и противоположный и бюрократии, и плутократии"²⁸. Автор не жалеет похвал для характеристики этого класса и его представителей: "высокообеспеченный, информированный, умелый, деятельный", "инициативный и предприимчивый работник", "инновационный тип личности" (там же). Перечисляя социальные группы, из ко-

торых данный класс формируется, автор упоминает рабочих, крестьянство, интеллигенцию. Как же соотносится "новый средний класс", для которого "судьба перестройки неразрывно связана с его собственной судьбой" (там же), с буржуазией? Единственное упоминание о последней содержится в высказывании, приведенном выше. Таким образом, для В.Ядова буржуазия - часть "среднего класса", который состоит из буржуазии ("по традиции") плюс нечто вроде "нового среднего класса".

Подобные теоретические построения, независимо от субъективного желания авторов, по сути, являются "переименованием" буржуазии и служат своеобразным ее прикрытием, поскольку большинство населения привыкло относиться к этому слову с опаской. Такой же оценки заслуживают игры вокруг понятия "третье сословие", в т.ч. в упоминавшемся отчете ИС РАН. Оно имело вполне определенный смысл и точное значение во Франции конца XVIII века, когда дворянству и духовенству противостояли народные массы, включая нарождавшуюся буржуазию. Уже во время революции началась резкая дифференциация интересов третьего сословия, которая нашла политическое выражение в борьбе якобинцев и жирондистов. В дальнейшем этот термин сохранил лишь историческое значение. Попытки возродить его в России конца XX века производят комический эффект. Они призваны представить новую буржуазию как часть народа, основные интересы которой совпадают с интересами массы наемных работников, и тем самым дезориентировать общественное мнение. Но люди на собственном опыте ежедневно постигают, что интересы спекулянта и рабочего, биржевика и вузовского профессора различны.

Социальная поляризация в стране продолжает нарастать. Свидетельством тому может служить дальнейший рост децильного коэффициента: до 15 по денежным доходам на душу населения, до 21 по размерам получаемой зарплаты. Этот показатель не фиксирует скрываемую дельцами от налогообложения прибыль и получаемые чиновниками всех рангов взятки равно как затраты на содержание дач, парка автомашин, охраны и челяди, оздоровительных учреждений номенклатуры. Так что реальная пропасть между богатыми и бедными много шире и глубже, чем это показано в приведенных выше цифрах, и она продолжает расширяться.

Во второй половине XX века в развитых странах набирает силу тенденция к смягчению социального неравенства, которая действовала и действует с большими особенностями, в зависимости от характера экономического строя: в СССР и ГДР, к при-

меру, иначе, чем в Великобритании и ФРГ. Одним из ее выражений является установление "вилки" в оплате труда между минимальной и максимальной; во Франции и Польше она равна примерно 10^{29} , причем минимальная ставка обеспечивает прожиточный минимум. Новое российское государство разрушило до основания существовавшую ранее в СССР систему социальных гарантий. У нас в начале 1995 года минимальная ставка заработной платы в 20 тысяч рублей обеспечивала примерно 12% физиологического прожиточного минимума; принятые законодательными органами решения о ее повышении до 54 тыс. руб. были заморожены исполнительной властью. Приведение низшей ставки оплаты труда в соответствие с хотя бы "физиологическим" прожиточным минимумом для работника, постепенное "сжатие" указанной "вилки" хотя бы до 10, принятие строгого налогового законодательства и жесткие меры против всех, кто скрывает доходы и уклоняется от полной выплаты установленных налогов, повышение уровня социальных пособий всех видов - таковы самые первые шаги, которые должны быть сделаны для того, чтобы российское государство могло называться "социальным". Рано или поздно от возрастания социального неравенства будет осуществляться переход к постепенному его уменьшению. В новых социально-экономических условиях смешанной экономики этот процесс будет идти иначе, чем в Советском Союзе при господстве государственной собственности на основные средства производства и директивном регулировании отношений распределения. В труде начала 80-ых г.г.³⁰ мы пытались обрисовать сложность и противоречивость этого процесса. Безусловно, вследствие закрытости социальной статистики, а также налагаемых идеологическим контролем ограничений не все могло быть там высказано; отдал автор также известную дань господствовавшему в общественственной литературе того времени облегченному подходу к противоречиям указанного процесса.

Российская Федерация рано или поздно выйдет из затянувшегося экономического кризиса, ступит на путь социальной стабильности и указанная общая тенденция смягчения социального неравенства снова начнет действовать в новых формах. Но в современных условиях исследовательская задача состоит в том, чтобы с максимальной объективностью отобразить процесс социальной поляризации и тем облегчить органам управления задачу выработки доступных в нынешних трудных условиях мер по социальной защите подавляющего большинства населения страны и против угрожающего разрастания так называемых "маргинальных слоев", иначе говоря "социального дна", на кото-

рые опускаются не только алкоголики, бездомные, нищие, безженцы, больные, безработные и т.д., но и многие категории занятого в народном хозяйстве населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руткевич М.Н. Диалектика и социология. М., Мысль: 1980. Гл. V.
2. *Bottomore T. Marxist Sociology.* N. Y., 1975.
3. Смелзер Н. Социология. С. 23.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 65-185.
5. См., например: Минков М. Социологическата структура и нейното операционализиране // Социологически проблеми. София, 1978. № 1. С. 30 и др.
6. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 5.
7. Сов. Россия. 1994. 18 янв. С. 4.
8. Социол. исслед. 1994. № 10. С. 127.
9. См.: Постыжение. М., 1989. С. 17-35.
10. См.: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 225-42.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 426-427.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.
13. См.: Ленинский сборник XI. С. 368.
14. См.: Социол. исслед. 1994. № 6. С. 157-158; 1994. № 10. С. 96 и др.
15. См.: Социальная структура развитого социалистического общества в СССР / Под ред. М.Н.Руткевича, Ф.Р.Филлипова. М., Наука: 1976 и др.
16. См.: Кризис госкапитализма в России обернулся войной в Чечне // Финансовые известия. 1994. № 65. С. 1.
17. См.: Руткевич М. Социальная дифференциация и интеграция // Вестн. АН СССР. 1991. № 1.
18. Гидденс Э. Социология. Челябинск, 1991. С.57.
19. Смелзер Н. Социология. С. 277.
20. См.: Известия. 95. 11 мая. С. 1.
21. Хорев Б. Гаснем, словно свечи // Правда. 1994. 27 дек. С. 2.
22. См.: Гонтмахер Е. Что может государство дать бедным? // Независ. газ. 1992. 17 апр. С. 1-2.
23. Заславская Т.И. Доходы работающего населения России // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. М., 1994. № 1. С. 5.
24. Яров Ю. Вперед, к среднему классу! // Рос. газ. 1993. 14 дек. С. 3.
25. См.: Комсомольская правда. 1992. 3 марта. С. 1.
26. См.: Рос. газ. 1994. 10 февр. С. 2.
27. Социально-стратификационные процессы в современном обществе. М., 1993. Кн.1. С. 35, 19 и др.
28. См.: Коммунист. 1991. № 6. С. 57.

29. См.: *Балдырев Ю.* О размере минимальной зарплаты // Независ. газ. 1995. 7 февр. С.2.
30. *Руткевич М.Н.* Становление социальной однородности. М., Политиздат. 1982.

ОЧЕРК ПЯТЫЙ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНФЛИКТЫ

РОЛЬ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА. Переходя от рассмотрения социальной структуры к рассмотрению социальных противоречий и конфликтов, следует еще раз подчеркнуть внутреннюю связь этих проблем. Противоречие (и конфликт) принадлежат к сфере общественных отношений, иначе говоря, отношений между элементами, частями, сторонами социальных систем и отношений между последними; конечно надо учитывать, что внешние отношения между системами данного порядка всегда оказываются внутренними отношениями для системы более высокого порядка. Сказанное полностью относится и к противоречиям.

Данная в предшествующем очерке классификация социальной структуры по ее родам и видам поэтому вполне приложима также к классификации социальных противоречий; безусловно, она не является единственно возможной, но для наших целей она подходит. Действительно, социальные противоречия можно рассматривать как противоречия между племенами, народами, нациями-государствами; как противоречия между сторонами, областями жизнедеятельности данного общества (социума); как противоречия между социальными группами, разного вида общностями, входящими в данный социум. Анализ всех указанных типов противоречий и связей между ними потребовал бы специального труда. Поэтому основное внимание нами здесь будет обращено, кроме общих вопросов, на противоречия третьего типа и их развитие в советско-российском обществе последних десятилетий; среди них главное внимание будет уделено противоречиям социально-классовым и национальным, этническим, поскольку те и другие сегодня наиболее значимы и являются полем оживленных дискуссий среди обществоведов всех специальностей, в том числе социологов.

Представляется необходимым сделать одно предварительное замечание, касающееся соотношения социальных противоречий

и конфликтов. *Социальные конфликты* суть противоречия особого рода, об их специфике будет сказано ниже. К ним полностью относится приведенная выше классификация, с одним необходимым уточнением. Дело в том, что понятие противоречия по своему содержанию шире конфликта, и не только потому, что последний относится к обществу, в то время как противоречия определяют движение и природных объектов. Конфликт предполагает наличие противостоящих субъектов со своими интересами, т.е. людей, которые не только размышляют и ставят идеальные цели, но и действуют. В отношении противоречий первого и третьего типа очевидно, что при их перерастании в конфликт субъектами выступают государства либо социальные группы, осознавшие свои цели, создавшие те или иные организации, предназначенные для действия во имя достижения этих целей. Иным образом обстоит дело с противоречиями между областями, сторонами жизни общества, например, противоречиями между потребностями развития производительных сил и тормозящими это развитие устаревшими производственными отношениями. Нет сомнений в том, что данному противоречию принадлежала решающая роль в событиях последнего периода отечественной истории. Оно нарастало по мере того, как брежневское руководство блокировало принятие кардинальных мер по совершенствованию системы управления хозяйством, а тем самым изменению отношений между хозяйствующими субъектами. Подчас данное противоречие называют конфликтом. На наш взгляд, оно, скорее является основой для возникновения конфликтов и трансформируется в конфликты между определенными социальными силами тогда, когда они начинают осознавать свои интересы и становятся: одни - сторонниками изменения существующих отношений в сфере экономики и политики, а вторые - сторонниками их сохранения, а это уже противоречие (и конфликт) третьего рода. *Конфликт возникает*, попросту говоря, *при осознании объективно существующего противоречия субъектами социального действия.*

Материалистическая диалектика, как это неоднократно нами подчеркивалось, не просто признает развитие в природе и обществе и видит в противоречии его источник. Ленин однажды заметил, что "с принципом развития в XX веке согласны все"¹. Суть различий в том как понимать развитие и как понимать роль противоречий. Противопоставим под этим углом зрения базирующуюся на материалистической диалектике макросоциологию, с макросоциологией структурного функционализма, занимающего и поныне центральное место в "академической" науке на Западе.

В дополнение к тому, что было сказано автором по этому поводу в предшествующих очерках, отметим два решающих момента: различие в понимании роли противоречия в функционировании социальной системы и в процессе ее развития.

Функционирование системы суть способ ее движения в условиях относительного покоя, на стадии сравнительно стабильного существования. Оно предполагает воспроизводство существующих отношений на протяжении ряда циклов, с незначительными изменениями от одного цикла к другому, последующему. В социологии структурного функционализма общество рассматривается как отлаженная система, в которой противоречиям отводится второстепенная роль таких "нарушений" нормального хода функционирования, патологических явлений, "дисфункций", которые преодолеваются действием заложенных в самой основе социальной системы защитных механизмов.

В этом воззрении наличествует известная доля истины: общество вынуждено бороться с асоциальным поведением индивидов и групп. Социальный организм и в этом отношении имеет определенное сходство с живым организмом. Последний испытывает время от времени "поломки", вызванные неблагоприятным воздействием других организмов и климатических факторов, следствием нехватки пищевых ресурсов и т. д. либо "износом" отдельных органов и функциональных систем. Эти дисфункции преодолеваются путем изменения режима жизнедеятельности, мобилизации внутренних резервов организма, смены ареала обитания (у животных) и т. п. Однако в ходе старения организма сбои и поломки учащаются, защитные механизмы не справляются со своей задачей и он, рано или поздно, погибает. Все это верно и для организма человека, с поправкой на роль социальных факторов. Усилиями терапевтов и хирургов с помощью лекарств и аппаратуры могут быть созданы особые условия жизнедеятельности, которые расширяют возможности преодоления "дисфункций". Напротив, при ослаблении механизмов социальной защиты, в т. ч. системы здравоохранения, ухудшения питания, дефиците лекарств и т. д., как ныне у нас в стране, эти возможности сокращаются, продолжительность жизни уменьшается, смертность растет; в исконно русских областях "средней полосы" она уже вдвое превысила рождаемость.

Социальный организм качественно отличается от организма животного и человека, но в известных пределах аналогия допустима. Общество в принципе способно справиться с социальными патологиями и изучение этих механизмов - важная задача

социологии. Однако сводить противоречия в жизни общества только к нарушениям нормы - значит, во-первых, уходить от познания подлинных законов его функционирования и, во-вторых, закрывать себе дорогу к пониманию причин исторического развития общества, т.е. эволюции социальных систем, их качественной трансформации и даже гибели, о чем многократно свидетельствовала история.

И то, и другое может быть понято с позиций диалектики, требующей изучать как противоречия функционирования социальных систем, так и противоречия их исторического развития. Важно отметить, что вторые действуют не "отдельно" от первых, а через них. Проведем снова аналогию с живой природой. Противоречие между ассимилирующей вещью и энергией и диссимиляцией того и другого обуславливает обмен веществ, т.е. функционирование живого организма. На этой основе в ряду сменяющихся друг друга поколений данного вида возникает противоречие между такими тенденциями развития как наследственность и изменчивость. Первая закрепляет характерное для вида строение ДНК в последующих поколениях; вторая аккумулирует воздействие изменившихся условий среды на организм. Вопреки Ламарку и Лысенко, это воздействие проявляет себя закреплением в потомстве таких случайных мутаций ДНК, которые помогают выживанию в изменившихся условиях; как и во многих других процессах необходимость как бы "пробивает себе дорогу" через множество случайностей.

Первоначально противоречия процесса воспроизводства, функционирования и противоречия процесса развития в первобытном обществе находятся почти в неразделенном виде. Прогресс в орудиях труда, способах добывания средств для жизни, трудовых навыках и обрядах, во внутриобщинных отношениях и т.д. идет чрезвычайно медленно, многие поколения почти во всем повторяют жизненный цикл предков настолько медленно, что этнографам, изучавшим быт наиболее отсталых племен в пустынях Австралии, джунглях Амазонки, горах Новой Гвинеи подчас казалось, что он законсервировался, что изменения возникают вследствие соприкосновения с цивилизацией, притом не всегда в лучшую сторону.

Однако впоследствии бег истории ускоряется, так что некоторые определяющие стороны общественной жизни, например, накопление научных знаний и развитие техники в наши дни растет даже не по параболе, а скорее по экспоненциальной кривой. В то же время в других областях наличие прогресса приходится

ставить под сомнение; так обстоит дело в нравственности и некоторых областях искусства².

В ходе истории человечества противоречия воспроизводства сближаются с противоречиями развития. Это важное обстоятельство впервые было отмечено Марксом, который увидел в противоречии труда и капитала, работников наемного труда и владельцев средств производства, нанимающих рабочую силу, противоречие не только функционирования, "самодвижения" буржуазного общества, но и противоречие, призванное в ходе своего дальнейшего развертывания вывести общество за пределы данного общественного строя, к социальной системе, в которой отсутствуют эксплуататорские классы, а затем и классы вообще. Ведущей силой этого преобразования Маркс признал рабочий класс, который в процессе качественного преобразования общества исчезнет одновременно со своим антагонистом - классом капиталистов. В СССР за 70 лет были сделаны самые первые шаги в направлении "уничтожения классов", притом в самых тяжелых внешних и внутренних условиях. Как известно, нашей стране пришлось пройти через ужасы иностранной интервенции и гражданской войны, а затем и второй мировой войны, вызвавшими большие человеческие жертвы.

Попытки переосмыслить историю России-СССР сегодня - важный пункт идеологического противоборства, причем нередко высказываются крайние точки зрения. И подчас приведенный выше марксистский теоретический тезис о грядущем "уничтожении классов" как конечном результате длительного исторического процесса (Ленин не раз подчеркивал, что "это - дело очень долгое"³) толкуется следующим образом: "Впрочем, для чего рабочим объединяться Ленин рассказал и показал достаточно подробно. Соединяться надо для того, чтобы физически уничтожить все другие непролетарские классы и социальные группы"⁴. Подобную фальсификацию допускает постоянный автор некогда считавшей себя respectable газетой "Известия" театральный режиссер М.Захаров; сей "гуманист", как известно, рукоплескал расстрелу "Белого дома" со всеми находившимися внутри людьми из танковых пушек в октябре 1993 года.

При переходе от одной общественно-экономической формации к другой изменяется тип социальной системы, "социальный организм" качественно перестраивается, при этом неизбежны людские потери, масштабы их могут быть различны, например, во Франции конца XVIII века они были весьма велики. Но и гибель данного социального организма, а подобные случаи не раз знала история, вовсе неравнозначна физической гибели всех

участников социального катаклизма или только проигравшей стороны. Завоевание испанскими конкистадорами Центральной и Южной Америки разрушило традиционные общества индейцев, миллионы их погибли, но подавляющее большинство аборигенов, смешавшись с завоевателями, а также волнами иммигрантов, образовали "строительный материал", из которого сложились новые нации в Латинской Америке со своим специфическим общественным строем. Еще большие последствия для всемирной истории имело падение Западной Римской империи под напором германских и других завоевателей и образованием на территории бывших римских провинций таких "романских" наций, как итальянская, французская, испанская, португальская, румынская со своими языками, выросшими из вариантов вульгарной латыни.

Объяснение с макросоциологической точки зрения процессов зарождения, развития и гибели различных социальных систем возможно только при выяснении движущих сил этих процессов, а ими являются внутренние и внешние противоречия в их своеобразном сплетении. Для структурного функционализма, занятого обоснованием абстрактной, годной для всех условий на все времена, находящейся в стабильном состоянии и лишенной внутренних противоречий модели общества, - подобная задача и не стоит. Развитие понимается виднейшими представителями этого направления в макросоциологии в лучшем случае как "плоская эволюция", как совершенствование раз навсегда данного образца, в приметах которого угадывается американское общество середины нашего столетия. В противоположность структурно-функциональной макросоциологии общая теоретическая социология марксизма ставит перед собою эту задачу и видит ключ к ее решению в признании решающей роли противоречий процесса исторического развития отдельных социальных систем, т.е. обществ, и всего человечества, т.е. общества, как такового.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ЗЕРКАЛЕ "КОНФЛИКТОЛОГИИ". Недостатки структурного функционализма, начиная с 50-ых г.г., были подвергнуты весьма обоснованной критике в западной социологии с позиций теории конфликта, которое стало, наряду со структурным функционализмом, одним из основных направлений в макросоциологии на Западе. Если в 60-ые г.г. у нас было "модно" переписывать Т.Парсонса и Р.Мертонса, то сегодня не менее модно обращаться к теории конфликта и списывать у Л.Козера, А.Коллинза, Р.Дарендорфа и других видных представителей этого направления.

В трактовке Л.Козера конфликт - явление обязательное, причем выполняющее не роль своеобразной "болезни" социального организма, а средства своевременного выявления неполадок и их устранения. Конфликты, по Козеру, выполняют позитивные функции, они "служат скорее росту, чем уменьшению адаптации ... определенных социальных групп"⁵. Не случайно Р.Мертон рассматривал теорию конфликта в этом ее варианте одной из "теорий среднего уровня", т.е. вспомогательной по отношению к структурно-функциональной теории, как теории макросоциологической.

На крайнем фланге конфликтологии находятся Р.Маркузе и другие, которые абсолютизируют роль конфликта, но, не находя в современном западном обществе социальных групп, которые готовы были бы изменить коренным образом систему, уповают на "аутсайдеров", т.е. силы, стоящие как бы вне официального общества. Отсюда преувеличенные надежды на бунтующую молодежь, особенно после волнений в Париже 1968 года, на иммигрантов (коих во Франции и Германии по 4-5 миллионов человек, их адаптация происходит очень болезненно), и другие слои, не вписывающиеся в стандарт "общества потребления".

Признание социального конфликта, так или иначе, содержит в себе признание противоречий, как причины возникновения конфликта. Но признать противоречие интересов между субъектами, и этим не ограничиться, увидеть в противоречии объективную и субъективную сторону, найти глубинную основу противоречия в структуре общества и т.д. - совсем не то же самое. Материалистическая макросоциология усматривает основные внутренние противоречия в положении различных социальных групп в объективно складывающейся системе экономических отношений. Эти противоречия в той или иной мере осознаются людьми и становятся стимулом для сознательного действия, в том числе столкновения между группами, слоями, общностями, т.е. социального конфликта. С этой точки зрения, социальный конфликт это сознательное столкновение социальных общностей, он является проявлением социального противоречия, степенью его развития и средством разрешения (полного или частичного).

Между пониманием конфликта в макросоциологии, опирающейся на философию марксизма, и современной западной социологией конфликта - дистанция огромного размера. Так, для одного из видных представителей конфликтологии Р.Коллинза в основе теории лежит "признание человеческих существ общественными, но способными к конфликту животными". Нетрудно

заметить, что философской основой этого воззрения является гоббсовская "борьба всех против всех" и социальный дарвинизм, а объективная основа конфликта выпадает из рассмотрения. Пытаясь провести грань между личным и социальным конфликтом, Р.Коллинз обращается к одной из самых распространенных схем социальной стратификации - по занятиям. О марксовской теории у него представления более чем приблизительные, ему представляется, что Маркс кроме борьбы классов никаких других противоречий и конфликтов в обществе не видел. Поэтому он предлагает придать теории Маркса "более абстрактную форму"⁶, т.е. свести ее к "войне всех против всех".

Более глубоко рассуждает Р.Дарендорф в своей основной книге по конфликту: "Классы и классовый конфликт в индустриальном обществе", изданной в сер. 50-ых гг. Дарендорф знаком с трудами Маркса и во многом соглашается с ними, но ... для XIX века, полагая, что учение Маркса едва поместить в "более широкую схему", отвечающую реалиям индустриального общества. На деле схема Дарендорфа оказывается несравненно более узкой. Для него теория классов и классовой борьбы Маркса является только "инструментом объяснения изменений форм общества", но не теорией о существующем обществе, а потому не теорией социальных слоев. Иначе говоря, Маркс дает только теорию исторического развития, но не теорию функционирования общества. Мы полагаем, что дело обстоит иначе: теория классов впервые связала противоречия функционирования и противоречия развития буржуазного общества.

Дарендорф заимствует у Маркса противопоставление "класса в себе" и "класса для себя", оформляя этот тезис в духе позитивизма, как различие "скрытых интересов" и "открытых интересов". И тут вскрывается принципиальное различие между двумя авторами. Для Маркса "скрытые", т.е. еще не осознанные интересы объективно существуют, поскольку объективно существует различие в положении, а поэтому противоречие в интересах, в то время как для Дарендорфа "скрытые интересы" - это лишь "теоретическая конструкция", а их носители - классы, пока они не вступили в борьбу за свои общие интересы, суть "фиктивные единицы". Классами они становятся лишь тогда, когда появляются "организованные политические группы интересов". Известно, что рабочие в той же Германии примыкают к различным политическим партиям. Поэтому, согласно Дарендорфу, в "современном индустриальном обществе "промышленные конфликты" уже якобы не выходят за ворота предприятия и "господствующие и угнетенные классы в

промышленности более не являются частями соответствующих классов в области политики. В последней господствующий класс - это "бюрократия", министры и парламентарии". В результате "конфликт организованных групп интересов превратился из классовой борьбы в квазидемократические споры"⁷.

Таким образом классовый конфликт в современном обществе, по Дарендорфу, превращается в разновидность "когнитивного" конфликта, в споры насчет возможных решений политического характера. О дальнейшей эволюции воззрений этого крупнейшего представителя социологической "теории конфликта" будет сказано далее.

КОНФЛИКТ И ПРОТИВОРЕЧИЕ. КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ. Как и во многих других случаях содержание теории во многом зависит от содержания, вкладываемого в основное для данной теории понятие. Незавершенность теории конфликта в марксистски-ориентированной макросоциологии во многом объясняется влиянием сталинской вульгаризации марксизма. Если понятие противоречия входило во все учебники по философии, но весьма неохотно допускалось для характеристики отношений между социальными группами советского общества (о чем далее), то понятие конфликт предназначалось для конфликтов между индивидами и малыми группами. В отношении же между социальными группами и народами о конфликтах не говорилось; не случайно в драматургии долго царствовала пресловутая "теория бесконфликтности" или "конфликта" между хорошим и лучшим.

Это не могло не сказаться на определении понятия "конфликт". Так, в "Кратком словаре по социологии" вслед за переводом термина с латыни ("столкновение сторон, мнений, сил") приводится следующее определение: "высшая стадия развития противоречий в системе отношений людей, социальных групп, социальных институтов, общества в целом, которое характеризуется усилением противоположных тенденций и интересов социальных общностей и индивидов"⁸. Явным недостатком является отнесение "тенденций", да и вообще социального конфликта к поведению индивидов. В международном "Словаре социологических терминов", где даются определения, принятые в разных областях общественнознания, подчеркивается: "В социологии - столкновение противоположных интересов, целей, взглядов, идеологий между индивидами, соц. группами, классами"⁹. В этих и подобных им интерпретациях в качестве исходной отмечается связь конфликта с противоречием, противоположностью интересов и т. д.

Это верно, но как любое краткое определение, оно требует более глубокого анализа ряда вопросов.

Первый из них состоит в выяснении связи конфликта как социологической категории с противоречием как категорией философской, отображающей не только общественную жизнь, но также природу и наше собственное мышление. Но и применительно к обществу понятие "конфликт", безусловно, существенно уже, чем "противоречие". Приведенные выше термины, с помощью которых авторы пытаются выразить это сужение ("обострение", "особая стадия", "доведенное до предела" и т. д.), имеют определенный смысл, но они явно недостаточны и "растяжимы". Более продуктивным представляется попытка классификации противоречий, содержащаяся в широко распространенном в англоязычных странах "Словаре по социологии". Конфликт там разграничивается прежде всего с соревнованием: "Когда два индивида мирно соревнуются за контроль за ограниченными ресурсами, мы говорим скорее о соревновании, чем о конфликте". И, далее, когда эти же два индивида "с конфликтными интересами" ведут торг в терминах обмена, мы говорим о споре¹⁰. Таким образом, конфликтность интересов трактуется авторами шире, чем собственно конфликт как таковой, а "рыночная ситуация" шире, чем "конфликтная ситуация". Первая (то есть конкуренция), по их мнению, переходит в конфликтную ситуацию только при наличии тех или иных ограничений свободной конкуренции. Эта схема продуктивна, поскольку вводит градацию между конкуренцией свободных товаропроизводителей, спором между ними, конфликтной ситуацией и собственно конфликтом. Но в ней не учитывается, что конкуренция в потенции всегда содержит конфликт, поскольку представляет собою противоречие между продавцами и покупателями, с одной стороны, конкуренцию между самими продавцами, с другой.

Именно поэтому Дарендорф признает наличие потенциального и латентного конфликта, который в определенных условиях перерастает в актуальный, применительно не только к рыночным отношениям вообще, но и к отношениям между основными классами буржуазного общества, продавцами и покупателями рабочей силы.

Понятия "потенциальная", "латентная" и т. д. "конфликтная ситуация", как и сам "конфликт", собственно, взяты у Маркса как иное обозначение понятий "класс в себе" и "класс для себя". Но данное разграничение, безусловно, имеет более широкий диапазон применения, поскольку подводит к вопросу о соотношении :

субъективной и объективной сторон в противоречии, а тем самым в конфликте.

Деятельность человека отличается от деятельности его ближайших предков наличием сознания и воли. Следовательно, в определении конфликта как противоборства между людьми должно быть обязательно внесено указание на осознанный характер противоречия интересов. Чаще всего этим и ограничиваются. Но при более тщательном рассмотрении неизбежно встает вопрос о наличии различных или даже противоположных объективных, не зависящих от сознания участников конфликта, условий существования, определяющих их интересы.

Для материалистической макросоциологии это не подлежит сомнению. Другими направлениями этот факт в той или иной форме признается, так как не заметить причины конфликтов в имущественном неравенстве, в борьбе за овладение земельными и иными ресурсами попросту невозможно. Объективные противоречия между нациями, классами, входящими в них индивидами определяются прежде всего различием их места в системе экономических отношений. Эти противоречия могут в течение известного времени не осознаваться; кроме того, осознание далеко не всегда означает готовность к вступлению в противоборство. Раб может сознавать себя рабом, но не пытаться изменить свое рабское состояние. Принимая во внимание вышесказанное, мы склонны трактовать потенциальный конфликт как накопление и обострение объективно существующих противоречий в интересах, их осознание и превращение сознания в стимул действия.

Не приходится, например, сомневаться в существовании объективного противоречия между интересами вузовских преподавателей и других категорий трудящихся, относимых к "бюджетникам", и правящими кругами современного российского государства. В конце 1994 г. профессор получал 300 тыс. рублей в месяц, в то время как грузчик не менее 400 тыс., водитель автобуса - до 1 млн. В бюджетной сфере индексация зарплат в соответствии с ростом цен отсутствует, надбавки же следуют с опозданием и "обеспечивают" все увеличивающееся отставание от среднего уровня зарплат, не говоря уже о доходах лиц, занятых в торговле или частном секторе. Жизнь заставляет работников вузов осознавать эту тенденцию, свои объективные интересы, но чувство ответственности перед молодежью и обществом сдерживают коллективные ответные действия; впрочем демонстрации профессоров (и работников науки) оставляют вла-

сти равнодушными, вузы лишаются ценных кадров, уходящих в коммерцию или убывающих по приглашению за границу.

Введение сознательности действий субъектов в определение конфликта встречает возражения двоякого рода. Во-первых, конфликт между индивидами, а подчас между группами (стычки "фанатов" на стадионах, столкновения демонстрантов с милицией, ОМОНОм и т. д.) может стимулироваться подсознательными или бессознательными импульсами. Пушкин назвал русский бунт "бессмысленным и беспощадным", однако в "Капитанской дочке" и "Истории пугачевского бунта" это не помешало ему верно охарактеризовать призывы "крестьянского царя" Емельяна Пугачева как антипомещичьи, признав тем самым наличие сознательного момента в конфликте восставших масс с правительством Екатерины II. Бессознательные и подсознательные импульсы в мотивации человеческой деятельности, в том числе в наиболее острых ситуациях - при конфликте, не могут служить основанием для оспаривания сознания как его отличительной черты. По этой причине употребление в этологии и зоопсихологии термина "конфликт" применительно к схваткам среди высших животных представляется нам не более, чем метафорой.

Во-вторых, под конфликтом нередко понимается только материальное столкновение борющихся сторон. Сюда не включаются осмысление конфликтной ситуации, планирование поведения в период подготовки к практическим действиям и т. п. Подчас утверждается, что мысленные действия, если они не выражены физически, не являются элементом начавшегося конфликта, под которым понимается фактическое противоборство сторон. В подобных рассуждениях не учитывается диалектическая взаимосвязь духовного и материального в деятельности людей. В этой связи уместно задать вопрос, когда, например, начался конфликт 1989 г. между шахтерами Кузбасса и правительством СССР? В момент, когда горняки "залегли на дно" или ранее, когда были выставлены (явно невыполнимые полностью) требования? И надо ли учитывать, что тогдашнее российское руководство планировало эту стачку в целях борьбы с Центром и снаряжало в Сибирь специально для этой цели своих представителей? Данный конфликт не может быть правильно понят без всех подготовительных действий, без планирования стачки и прогнозирования ее результатов, вне связи с более общим конфликтом - борьбой в Москве двух кланов за власть.

Наиболее адекватно связь конфликта с противоречием выражена в известной формуле Гегеля-Маркса - о единстве и борьбе

противоположностей. Конфликт здесь напрямую связан с "борьбой" противоположных сил и тенденций развития, с противоречьем между ними. Но противоположности не являются внешними силами, они принадлежат определенному целому, единству. Поэтому речь должна идти не только о противоположности, но и о единстве интересов, как объективной основы для разрешения конфликта.

Конечно, расхождение интересов бывает столь существенным, что единство "не выдерживает" напора и раскалывается. Однако это не означает его полной утраты. Взамен распавшихся семей из их обломков создаются новые. Распад государства происходит в рамках более широкой региональной общности и завершается созданием новых государств из тех же составных частей, как мы знаем из собственной истории. Наконец, борьба классов на исходе существования определенной формации может закончиться их гибелью (как при падении древнего Рима), но из тех же людей при перестройке экономических отношений постепенно формируются новые классы. Сейчас происходит становление новых классов в России, о чем шла речь в предшествующем очерке, но пока что российское общество, как определенное единство, как целостность, сохраняется, значит сохраняется известное единство интересов, как социальных групп, так и входящих в РФ национально-государственных образований и народов. Только на этой основе возможно разрешение тех национальных и социальных конфликтов, которые ныне сотрясают российское общество. Для понимания связи противоречия, как постоянно действующего глубинного отношения, и конфликта, как его острого выражения, прямого столкновения противоположных сил, часто с применением насилия, надо включить в рассмотрение посредствующее звено, каковым является конфликтная ситуация. Конфликтная ситуация характеризуется ростом напряженности в отношениях между противоположными силами. Она может перерасти в открытый конфликт, но может быть и смягчена, если стороны (или одна из них) идут на уступки и принимают меры по урегулированию назревающего конфликта. В этих целях могут быть использованы правовые, политические механизмы для достижения компромисса, а также обработка общественного мнения. В противном случае (или в случае стихийного взрыва недовольства отдельных групп населения, причем по частному поводу) конфликтная ситуация может лавинообразно перерасти в конфликт с применением массового насилия.

Вопрос о конфликтной ситуации освещен и в последней книге Р. Дарендорфа. Вернувшись через 30 лет к проблеме кон-

фликта, теперь уже не в индустриальном, а в постиндустриальном обществе ("золотого миллиарда" населения в странах, входящих в ОЭСР), автор утверждает, что "осталось еще достаточно следов старых конфликтов. Сюда относятся варианты классовой борьбы прошлых лет"¹¹. Нам представляется, что речь должна идти не о "следах" "классового конфликта". В странах Запада остается возможность конфликтной ситуации в сфере классовых отношений. Во-первых, за пределами ОЭСР живет четверть пятой человечества, и конфликтная ситуация в отношениях с Западом постоянно перерастает в конфликты, в которых США применяет насилие (Персидский залив, Сомали, Гаити и т. д.). Во-вторых, в рассматриваемом Дарендорфом в качестве основного для современного Запада противоречия "между классом большинства и деклассированным меньшинством" существует, кроме этнической стороны также и социально-классовая. В США в указанное меньшинство входит не только большая часть негритянского населения и "латинос", но также белые бедняки в некоторых районах, постоянно безработные, бродяги т. д. В Западной Европе это не только иммигранты, в том числе из бывших колоний (а теперь и из Восточной Европы и бывшего Союза), занятые малоквалифицированным трудом, но также "коренные" граждане, опустившиеся на дно и не имеющие возможности из него выбраться. Борьба "между новыми имущими и новыми неимущими", а их в богатой Европе 50 миллионов, представляют собою постоянно тлеющую конфликтную ситуацию. Если не считать особых случаев, когда конфликт между этническим меньшинством и государством длится веками и налицо воинственно настроенная террористическая организация (ирландцы в Ольстере, баски в Испании и др.), угнетенное меньшинство не в состоянии создать политическую организацию, выражающую их специфические интересы, способную вступить в конфликт с государством. Когда же конфликтная ситуация стихийно перерастает в конфликт (как при восстании негров в Уоттсе), он беспощадно подавляется "силами порядка".

Противоречия - и, следовательно, конфликтная ситуация - существовали в отношениях СССР и США на протяжении всех послевоенных десятилетий, перерастая в конфликт, как правило, на периферии зон влияния: на Ближнем Востоке, в Азии, а также внутри стран Варшавского договора (1953 - Берлин, 1956 - Венгрия, 1968 - Чехословакия и т. д.). Открытого конфликта стороны старались избежать, поскольку существовала опасность взаимного ядерного уничтожения. Карибский кризис 1962 г. оказался за весь период "холодной войны" единственным в своем

роде и был преодолен на основе уступок с обеих сторон. Завершение этого противостояния закончилось, как известно, распадом "восточного блока", поражением СССР и его расчленением без перерастания "холодной" войны в "горячую", без ядерного конфликта.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И ЛИЧНОСТЬ. Выше, предлагая дать типизацию социальных конфликтов, мы оставили в стороне вопрос о конфликте между индивидами либо малыми группами (в семье, среди соседей, в экипаже космического корабля, случайные конфликты на улице и т. д.), которые тщательно изучаются рядом наук (психология, правоведение и т. д.). Пересечение интересов исследователей несомненно, и в создании междисциплинарных трудов по конфликту принимают участие и социологи¹². Мы уже отмечали выше неправомерность введения конфликта между индивидами (личностями) в определение социального конфликта. Но границы между общностями, в т.ч. социальными, этническими, подгруппами, малыми группами достаточно размыты и поэтому представляется целесообразным рассмотреть пограничные случаи, когда социальный конфликт так или иначе проявляется в конфликтах личностного характера. Возьмем три достаточно типичных случая.

Во-первых, конфликт между классами, социальными группами, другими элементами социально-классовой структуры находит повседневное выражение в конфликте личностном, например, между предпринимателем (или представляющим его интересы менеджером) и рабочим. Если последний не нарушил внутренний распорядок и исправно выполнял производственные задания, это противостояние переносится на отношения между предпринимателем (фирмой) и профсоюзом и тем самым приобретает черты одного из проявлений классового конфликта. Аналогично этому противоборство двух солдат на поле боя оказывается частичкой более общего конфликта между воюющими государствами и т. д. Столкновение между представителями разных этнических групп на московском рынке нередко несет на себе черты общего нерасположения и подозрительности к лицам "кавказской национальности". На наш взгляд, весьма тщательно разработанные психологами методические указания по анализу конфликтных ситуаций межличностного характера и поискам их разрешения (в том числе в целях обучения студентов), имеют немалую ценность, хотя в них обычно недостает "мостиков" от конфликта между индивидами или в малой группе к собственно социальному конфликту.

Второй случай касается загрязнения среды и ухудшения условий обитания. Изображать данную ситуацию как конфликт между обществом и природой представляется нам теоретически бессмысленным. Природа безгласна и не может выступать в качестве одного из субъектов конфликта. Последний возникает между людьми по поводу использования окружающей природной среды, которая давно не является "дикой". Он может быть частным (например, между прохожим, бросившим на тротуар объедки, и милиционером, взявшим с него штраф), но и здесь личная стычка отражает реальный социальный конфликт, в котором противостоящими сторонами выступают определенные социальные группы и созданные обществом институты. В наших нынешних условиях экологические конфликты, порожденные хищническим хозяйничаньем таких ведомств, как Минводстрой, Миннефтегаз, Минатом и т. д., являются злостным и пока неразрешимым конфликтом между населением экологически неблагоприятных регионов и государством, которое должно представлять интересы всего общества и данных регионов. Пока что население, пострадавшее от чернобыльской и др. ядерных катастроф, выступает в основном как пассивная, страдающая сторона.

Третья ситуация - конфликт в душе человека, занимающий центральное место в религиозных учениях и в искусстве. Его глубинная социальная суть подчеркивается самыми различными направлениями в психологии. Так, согласно Фрейдю, между влечениями человека и ограничивающими их социальными нормами существует конфликт, диктующий индивиду его поведение. Поскольку принятые в данном обществе в данное время нормы морали и правила поведения обусловлены общественным строем, этот конфликт в основе своей является социальным; его формы определяются положением группы в системе общественных отношений.

Наиболее наглядно этот тезис иллюстрирует художественная литература, в которой характеры и действия персонажей представляют собой сплав черт, типических для тех или иных общественных слоев, и конкретных индивидуальных признаков. В судьбах героев "Тихого Дона": казака Григория Мелехова, офицера-помещика Листницкого и большевика Бунчука раскрываются отношения разных социальных групп в годы гражданской войны, а во внутренних колебаниях и душевных сомнениях Григория передается двойственная социальная природа трудового казачества.

Все эти и другие "пограничные" ситуации свидетельствуют о неправомерности как узкого понимания социального конфликта,

так и ограничения круга источников, привлекаемых в ходе его исследования. При этом нет сомнения в том, что эмпирическая социология, политология, правоведение, этнография и экономическая наука являются "поставщиками" материала для теоретического обобщения проблем возникновения, течения и разрешения социальных конфликтов всех упомянутых выше типов. Итак, личный конфликт сплошь и рядом оказывается проявлением конфликта социального, т.е. группового, классового. Но далеко не всякий: ссора на кухне или драка на улице вполне могут остаться приметой обыденности на определенной степени культурного развития общества.

Нам представляется методологически несостоятельным как "отсечение" личного (между личностями и внутри нее) конфликта от социального, так и привычка историографии сводить движущие силы истории к столкновению "великих людей" и внутренней драмы, которая раздирает их душу, хотя известное влияние на ее ход они могут оказать. Старинные схемы, однако, оживают под флагом "постмодернистской" социологии, которая, как мы уже знаем, сводит социальные процессы к сознательным действиям субъектов, не желая замечать объективных условий, которые вызывают эти действия. Отсюда попытки свести социальный конфликт к конфликтам между государственным деятелем, к борьбе окружения за влияние на "высокое лицо" и принимаемые ими решения, наконец, на душевные переживания этих лиц, конфликтные ситуации в их сознании и поведении. Подобный подход, уместный у Вальтер Скотта или А.К.Толстого, сводит конфликтологию, как направление теоретической социологии, к живописанию биографий "выдающихся лиц", а нередко и вовсе не выдающихся, но вынесенных волнами истории на высокие посты и вынужденных принимать решения, имеющие важное значение для страны и международной ситуации. Именно такова особенность новейшей российской истории. Обратимся к одной из последних статей уже известного нам "постмодерниста" А.Г.Здравомыслова, который, конечно же, является сторонником "модернизации" России, понимаемой как приобщение к западному образу жизни. В статье "Модернизация в России с точки зрения социологии конфликта" этот автор разъясняет свою позицию следующим образом: "В центре внимания оказывается субъект действия, действующее лицо, энергетический потенциал которого служит важнейшим инструментом для изменения социально-политической ситуации в стране". Ясно, что "энергетический потенциал" наиболее велик у того, кто может привести в движение маховик и колесики государственной машины. Далее

этот тезис вполне доходчиво разъясняется автором: "Уровень сознания политического деятеля, его менталитет выступают в нынешних условиях средством реализации социальных проектов, среди которых важное место занимает проект модернизации России. Необходимо поэтому понять не столько объективные критерии вписывания российского общества в современный многогранный и сложный мир, сколько тот образ модернизации, который сложился в представлениях верхних эшелонов политического руководства"¹³.

Мы оставляем в стороне вопрос о том, насколько правомерно уподоблять Россию странам "третьего мира" и прилагать к ней "теорию модернизации". Развитие страны, по мнению данного автора, "в нынешних условиях" определяется "уровнем сознания политического деятеля". Введенный драматургом В.Розовым термин "холуяж" может быть отнесен не только к участникам "спевки" в Бетховенском зале; с уточнением "теоретический", холуяж приложим к тем обществоведам, которые меряют судьбу нашей страны "уровнем сознания" властвующих ныне в России лиц.

К рассматриваемой проблеме соотношения личного и социального в конфликте относится еще один вопрос, поставленный именно "нынешними условиями". В России с конца 80-ых г.г. происходит невиданная в ее истории криминализация общества, названная С.Говорухиным "великой криминальной революцией". И дело не только в быстром росте преступности, которая в сводках МВД преуменьшена в несколько раз: половина зарегистрированных преступлений остается нераскрытой, еще больше случаев не фиксируется, осуждается малая часть привлеченных. Дело в том, что массовый характер приняли организованная преступность и криминальный бизнес. В докладе ИСПИ РАН утверждается: "По оценке экспертов, более 30% стартового капитала в частном секторе экономики имеет криминальную природу..."¹⁴ Это было написано до массового банкротства летом 1994 года финансовых фирм, учредители которых скрылись вместе с миллиардами рублей, собранных у доверчивых вкладчиков. Продолжается также процесс приватизации по заниженной во много раз стоимости объектов, нелегальный вывоз сырья за рубеж. Есть основания полагать, что удельный вес криминального капитала повышается, а с ним вместе и численный рост данного социального слоя. С этими двумя социальными слоями, а они насчитывают десятки, если не сотни тысяч людей, у общества (в принципе у государства, если оно стоит на страже интересов общества) налицо социальный конфликт, так что отдельные кон-

фликты между рэкетиром и его жертвой, МММ и вкладчиком и т. п. выступают как его проявления.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНФЛИКТЫ. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД. В соответствии с изложенным ранее планом, исходя из описания социальной структуры общества (см. очерк четвертый), мы переходим к вопросу о социальных противоречиях и конфликтах в развитии СССР-России в советский период, а затем в самый новейший период ее истории - период "перестройки" и "реформ".

Угол зрения на эти чрезвычайно сложные и многоплановые процессы диктуется замыслом книги. Автор не имеет возможности последовательно рассматривать развертывание общественных противоречий. При макросоциологическом подходе и недостатке места, мы отметим основные социальные противоречия каждого из этих периодов, причем только двух видов: социально-классовые и национальные. Неопределенность последнего термина требует уточнения: противоречия между этническими группами, народами, а также отдельно проживающими их частями выступающими в роли национальных меньшинств и "гитуйными" этносами, между национально-государственными образованиями в составе СССР-России - это достаточно разноплановые отношения, но в литературе обычно фигурируют в одной графе, как "национальные отношения"; мы будем, для краткости, следовать общепринятой терминологии. Тем и другим принадлежит решающая роль в отечественной истории XX века. Поэтому ниже мы остановимся только на них, ссылаясь на действие других противоречий в той мере, в какой они оказывают влияние на социально-классовые и национальные противоречия и вырастающие на их основе конфликты.

И еще одно замечание принципиального порядка. Согласно диалектике, противоречия между частями, сторонами и т. д. целого не существуют иначе, как в его рамках, границах, так что целое (система) выступает как единство противоположностей. В сфере социальных отношений это единство предстает как подвижное, изменчивое противоречивое даже в условиях стабильного общества, тем более оно зыбко в обществе нестабильном, раздираемом противоречиями и ослабляемом конфликтами, а именно таково российское общество сер. 90-ых г.г. Тем не менее, возможность разрешения противоречий, улаживания конфликтов имеет своей основой наличие указанного единства, целостность системы - до тех пор, пока она существует в данном качестве.

Каковы же основные социально-классовые противоречия советского периода истории и какое отображение они находят в

обществоведческой литературе того времени, находившейся под определяющим влиянием официальных партийно-государственных установок? Для ответа на этот вопрос следует начать с периода становления государственно-бюрократического социализма, с 20-ых годов, когда действовала "новая экономическая политика" введенная при Ленине для выхода из "военного коммунизма". "Номенклатура" с ее привилегиями тогда только складывалась. В партийных документах тех лет, например решениях XIV партийной конференции (1925 год), указывалось на два типа противоречий: между рабочим классом и основной массой трудового крестьянства, представлявшего собою тогда класс мелких производителей, а также между рабочим классом и буржуазией. Первое полагали неантагонистическим, поскольку общие интересы в перспективе перекрывали различие в интересах. Различие это выражалось в "ножницах" цен на хлеб и на товары производственного назначения и широкого потребления, предлагаемые городом деревне, а также в налоговой политике, ущемлявшей интересы зажиточного крестьянства. Это противоречие полагали неантагонистическим потому, что общие перспективные интересы указанных классов перекрывали расхождение в их интересах. Политическое выражение этих экономических отношений выражалось в союзе рабочего класса и трудового крестьянства (бедняки и середняки). Разрешение этого противоречия усматривалось в перспективе в постепенном изменении социальной природы класса мелких производителей через их кооперирование.

Второе противоречие, напротив, полагалось антагонистическим, поскольку оно прямо продолжало основное противоречие капиталистического общества, характеризовалось невозможностью примирения интересов и поэтому подлежащим разрешению путем ликвидации городской ("нэповской") буржуазии, как класса, что не означает физического уничтожения. Речь шла не только о городской буржуазии, но и кулачестве в деревне. Оба эти противоречия, казалось, были разрешены в процессе индустриализации и коллективизации страны, причем сопровождалась массовым насилием не только над кулачеством, но и середняком.

Во второй половине 30-ых г.г. Сталиным была выдвинута следующая схема. С одной стороны, внутри СССР ликвидированы эксплуататорские классы и достигнуто "морально-политическое единство советского общества"¹⁵, не предполагающее внутри себя каких-либо противоречий социального характера. Остаются только противоречия между сторонами общественной жизни, как-то производительными силами и производственными отношениями, растущими потребностями общества и до-

стигнутым уровнем производства и т.п. Впоследствии будут введены в оборот своеобразные "заменители" противоречий в социальной сфере. Таковыми уже после войны были названы существенное различие между городом и деревней (а тем самым между населением города и деревни, рабочим классом и колхозным крестьянством), а также существенное различие между умственным и физическим трудом, то есть между работниками, занятыми тем и другим видом труда, рабочим классом и крестьянством, с одной стороны, интеллигенцией, с другой. Вопреки диалектике, которая в различии видит зачаток противоречия, последние официальной идеологией игнорировались.

С другой стороны, в марте 1937 года в целях оправдания политики массовых репрессий Сталин "перенес" часть внешнего противоречия вовнутрь, объявив всех подлинных и мнимых противников режима "врагами народа"; поэтому обязательно фигурировало обвинение насчет их причастности к спецслужбам иностранных государств. Этот тезис широко использовался и во время войны, подтвердившей в экстремальных условиях подлинное единство интересов и действий абсолютного большинства населения, всех социальных групп и народов страны. К врагам народа справедливо были отнесены коллаборационисты на оккупированных территориях и участники созданных немцами вооруженных формирований: власовцев, легионеров дивизий СС, созданных германскими властями из прибалтов, галицийских украинцев и др., однако подозрение в измене распространялось на всех попавших в плен (а это более 5,7 млн. чел., из них погибло в плену 4 млн.), что послужило основанием для "филтрации" выживших после вызволения из плена и для осуждения тысяч людей, в том числе неповинных в сотрудничестве с врагом, на пребывание в лагерях - в дополнение к сотням тысяч, которые там находились.

В советской философской и социологической литературе после войны состоялось несколько дискуссий о противоречиях социализма. Многие участники этих дискуссий стремились привести в соответствие с жизнью рассмотренную выше схему, но не решаясь далеко выходить за поставленные идеологические ракурсы. Тем не менее, в социологических трудах на основе данных статистики и материалов эмпирических исследований была в 60-70-ые г.г. показана недостаточность политической формулы о трех социальных силах, о чем уже говорилось выше в очерке четвертом. Что же касается существенных различий, то они трактовались как содержащиеся в себе противоречия интересов. Интеллигенция рассматривалась как состоящая из ряда слоев,

причем слой организаторов производства, высших управленцев выделялся особо, как отличающийся по отношению к собственности (распоряжение государственной собственностью), по характеру труда и его оплате и т.д. Но условия цензуры не позволяли принять тезис о "новом классе" М.Джиласа и им подобные, которыми была полна советологическая литература на Западе.

Особо следует отметить попытки некоторых авторов (Л.А.Гордон, О.И.Шкаратан, Е.А.Фурман и др.), сводить все признаки классовых различий только по отношению к средствам производства и на этом, более чем шатком, основании зачислять всю интеллигенцию или часть ее в состав рабочего класса¹⁶ и тем ускорять (в собственном воображении) процесс движения общества к социальной однородности, процесс, который, согласно Ленину, должен занять целую эпоху, и, характеризовался им как "дело очень долгое". Эти попытки не встретили сочувствия среди обществоведов, были подвергнуты критике в печати и забыты.

В наши дни провозглашенный в партийных документах ВКП(б) конца 30-ых годов и неизменно повторявшийся на протяжении полувека тезис о единстве социально-экономических интересов и вытекавшем отсюда социально-политическом единстве классов и социальных групп, находившем выражение в лозунге о "единстве партии и народа", часто изображается "голой пропагандой". Подобная оценка составляет часть общей компании по очернению советского периода отечественной истории и усиленно навязывается массам с помощью СМИ. Нам представляется, что при объективном научном подходе эта оценка столь же односторонняя и уязвима, как и бытовавшая на протяжении многих лет вульгарная, антидиалектическая трактовка социально-экономического и социально-политического единства советского общества, как не содержащая в себе противоречий и возможностей возникновения социальных конфликтов.

Тот факт, что советское общество существовало как система, а тем самым как единство, очевиден и не требует доказательств. Советское общество и выражавшие его совокупную волю КПСС и советское государство были достаточно крепким монолитом до середины 80-ых г.г.. Затем оно было подточено, при усиливающемся нажиме извне, провалом "перестройки" и быстрым набуханием тлевших долгое время подспудных противоречий. Два взаимосвязанных обстоятельства определяло крепость указанного единства.

Во-первых, решающая роль внешних противоречий, военной опасности, сначала со стороны Германии, ставившей своей целью уничтожение России, и Японии, желавшей захватить земли

до Урала, а затем США и возглавляемого ими мощного "атлантического" блока. Эта опасность оказалась "обручами", скреплявшими бочонок с миллионами людей на колоссальной и уже поэтому манящей захватчиков, геополитически уязвимой (нет, как в США, двух океанов в качестве естественных границ) территории Евразии. Попытки этих противников "сыграть" на внутренних социальных и национальных противоречиях никогда не прекращались, но они смогли стать весомым фактором внутренней нестабильности лишь тогда, когда СССР по сути дела уже проиграл третью мировую войну, когда начался распад Варшавского Договора, а Горбачев сдавал одну позицию за другой, прикрываясь фразами о "новом мышлении".

Во-вторых, противоречие между основной массой трудящегося населения, работниками наемного труда на государственных предприятиях и в организациях и по сути не отличавшихся от них членов колхозов, с одной стороны, и слоем управленцев достаточно высокого ранга, именуемых для краткости "номенклатурой", на протяжении всего этого периода не имело признаков противоречия антагонистического, поскольку данный слой, обеспечивая себе привилегии, вместе с тем успешно выполнял роль организатора всей экономической, политической, духовной деятельности народа, особенно во время войны. Единство интересов всего народа, включая этот слой, Отечественная война наглядно продемонстрировала. Пока номенклатура успешно справлялась с задачей противостояния с экономически и технически более сильным противником и сумела обеспечить подъем народного хозяйства и сопровождавшей его, хотя и замедлявшейся со временем подъем материального и культурного уровня жизни населения, врожденные ее аппетиты по части присвоения избыточных благ, хотя и встречали нравственное осуждение в низах, но в целом воспринимались большинством, как неизбежное зло.

Возникшие время от времени конфликтные ситуации были связаны с временным понижением жизненного уровня той или иной категории населения, обусловленным провалом сельскохозяйственной политики. Такое в начале 60-ых г.г. случилось дважды: при введении ограничений на ведение личного подсобного хозяйства на селе и при повышении розничных цен на продукты животноводства. Если первая, потенциально конфликтная ситуация, вследствие разобщенности владельцев ЛПХ вылилась в глухое недовольство и в оскудение городских рынков и поэтому вскоре была отменена, то вторая вызвала кое-где стачки, а в Новочеркасске привела к открытому выступлению рабочих. Оно

было быстро и жестоко подавлено, а сведения о расправе скрыты от общественности.

Особо следует сказать о возникшем во второй половине 60-ых г.г., до и особенно после ввода войск в Чехословакию, так наз. "диссидентском" движении. Оно проявлялось в форме подписей под коллективными заявлениями, осуждающими политику властей по тому или иному частному вопросу, иногда в попытках провести демонстрации. В этом движении принимал участие узкий верхушечный слой научной и художественной интеллигенции. За демократическими требованиями свободы слова, печати, выезда за рубеж и т.д. стояли, впрочем, вполне реальные экономические и политические интересы. Сформулированные А.Д.Сахаровым в 1968 году программные тезисы о необходимости конвергенции социализма советского типа с капитализмом западного типа и замирения на международной арене внешне выглядели весьма привлекательно. Но все дело в том, что Запад ни на один день не отказывался от стратегии давления на СССР вплоть до полной победы над геополитическим (а не только идеологическим) противником. Поэтому выполнение этих требований могло означать для СССР только переход на рельсы капиталистического развития, отказ от системы союзов и неизбежное подчинение Западу.

Массовой поддержки "диссидентское" движение не встретило и власти с ним сравнительно легко справились: одних выслали за рубеж, другим дали право на свободный выезд (преимущественно в Израиль, хотя "по дороге" многие "рассосались" и быстро оказались в Америке), третьим устроив несколько показательных судебных процессов по статье 64 ("измена Родине"), убедив четвертых, что для блага карьеры следует снять свои подписи под ранее сделанными заявлениями и т.д. Особо следует заметить, что при этом репрессии обрушились (после статьи А.Н.Яковлева, тогда работника ЦК КПСС, в "Литературной газете") и на патристическую часть русской интеллигенции, ряд деятелей которой был выслан, а некоторые подвергнуты заключению.

Придание конфликтам отдельных лиц и групп прозападной ориентации имиджа "крупного социального конфликта", который, якобы "сотрясал общество" и исторически подготовил приход радикал-демократов к власти в России в начале 90-ых г.г., было одной из главных идеологических задач "демократов" в период, когда они рвались к власти. Использование идеалов и имени Сахарова и других честных людей, ратовавших за гражданские права в условиях, когда они были существенно ограничены, пр. доажается поныне социальными силами, которые уже добились

перехода России на рельсы капиталистического развития. Но ныне они ратуют не за демократию, хотя и продолжают себя называть "демократами", а за авторитарную власть, способную завершить этот переход в условиях, когда народное сопротивление ему возрастает. После того, как "демократы" благословили войска на кровавую расправу с парламентом в Москве в октябре 1993 года, хорошее слово "демократ" оказалось в общественном мнении скомпрометированным столь же успешно, как незадолго перед этим хорошее слово "кооператор".

Не менее существенное значение в развитии России XX века принадлежит социальным противоречиям другого вида, названных выше "национальными".

Как известно, Российская империя стала распадаться вследствие ослабления центральной власти сразу после Февральской революции 1917 г. Долго зревшие национальные противоречия "вырвались наружу". В период гражданской войны интервенты (сначала Германия, затем страны Антанты, а также Япония на Востоке), оказали прямое покровительство сепаратистским устремлениям местной национальной буржуазии (в Закавказье и Средней Азии также феодалов) в результате чего возник на территории бывшей Российской империи ряд новых, зависимых от интервентов государств.

Объединение заново полураспавшейся страны было совершено не под белым флагом восстановления "единой и неделимой", а под красным флагом пролетарского интернационализма. При этом вследствие неравенства сил не обошлось без известных территориальных потерь. Восстановление независимости Польши, обретение полной независимости Финляндии, территориальные потери на западной границе от Балтийского до Черного моря несколько сузили пределы великой евразийской державы. Но она - в новом облике СССР - независимо от характера общественного строя - продолжала оставаться объектом территориальной экспансии, прежде всего со стороны Германии и Японии. Планы расчленения Советского Союза, в том числе гитлеровский план "Барбаросса", предполагали использование националистических движений в целях подъема волны сепаратизма против российского государства с целью его полного уничтожения.

Программа разрешения национального вопроса, принятая ВКП(б) в начале 20-ых гг., включала в себя, с одной стороны, "национальное размежевание", создание национально-государственных образований - от союзных республик до национальных округов, при соединении принципов федерализма и автономии.

Размежевание это с самого начала порождало противоречия вследствие смешанного характера населения территорий и ряда совершенных ошибок. В нем были заложены зерна будущих конфликтов; так, Нагорный Карабах сначала был включен в Армению, а затем передан Азербайджану. Но до тех пор, пока центральная власть была сильна, административные границы имели достаточно условный характер и обусловленные указанным "размежеванием" противоречия носили скрытый характер, периодически выливаясь в локальные конфликты, погашаемые центральной властью с помощью партийных организаций на местах, а подчас с применением силы (басмаческое движение в Средней Азии, восстание 1924 г. в Грузии и т. д.).

С другой стороны, унаследованное глубокое неравенство в степени экономического и культурного развития народов России для своего постепенного преодоления с позиций интернационализма требовало перераспределения национального дохода в пользу окраин. Дотирование республик из союзного бюджета, направление инвестиций на окраины в целях создания в них индустрии, а также на мелиоративное, жилищное и культурное строительство, организованное направление в республики десятков тысяч квалифицированных рабочих и специалистов для обеспечения создаваемых предприятий рабочей силой, преподавания в вузах и школах, организации здравоохранения и многое другое означало постоянный перелив средств из российских (а частично украинских) областей на окраины страны. Противоречия в объективных экономических интересах народов находили выражение в политических противоречиях между правящей элитой в центре и в республиках, которые неизбежно принимали национальную окраску. Поскольку в результате уровень жизни в большинстве исконно русских территорий Центра к 70-80-ым г.г. оказался ниже, чем во многих республиках, где производительность труда продолжала отставать, данное противоречие стало все более отчетливо проявляться и в отношениях правительственных структур Союза и РСФСР, что впоследствии сыграло существенную роль при развале Союза.

Формула о социально-политическом единстве советского народа имела свое прямое продолжение в формуле о дружбе народов СССР, которая была конкретизацией принципа пролетарского интернационализма в границах такого многонационального государства как СССР, объединявшего десятки сформировавшихся (большей частью уже в советское время) наций, сотни этнических групп, находившихся на разных этапах исторического развития. При всех недостатках национально-государствен-

ной организации в СССР, она сумела, несмотря на указанные противоречия, на десятилетия обеспечить единство основных экономических интересов всех народов и их политическое единство, находившее выражение в союзном, по сути близком к унитарному государству при всевластии центральных партийных органов КПСС. Формула дружбы народов тоже выдержала испытания второй мировой войны, хотя и с большими потерями. Оккупация значительной части территории СССР Германией и ее сателлитами привела к возрождению центробежных тенденций в Прибалтике, Западной Украине, Молдавии, среди некоторых народов Кавказа. Воссоединение этих территорий с СССР в ходе войны встретили кое-где вооруженное сопротивление (Литва, Галиция), с другой стороны, некоторые народы, поддавшиеся на вражескую пропаганду и втянутые в действия против Советской Армии на фронте и в тылу, были депортированы. Возвращены (кроме крымских татар и немцев Польшья) они были на исконные места обитания только в середине 50-ых г.г., что также сопровождалось многочисленными конфликтами с освоившими эти земли переселенцами.

Советская общественно-политическая литература в освещении данной группы противоречий была "зажата", пожалуй, еще сильнее, чем противоречий социально-классовых. Эмпирические материалы об упомянутом разрыве в жизненном уровне и путях его выравнивания, о спорах при распределении капитальных вложений находили достаточное отражение в литературе, в т.ч. социологической. Однако в теоретическом плане речь шла только о дружбе народов, об их растущем сближении, о преодолении различий в уровне экономического и культурного развития, в социальном составе населения, о роли миграционных процессов и смешанных браков в этом сближении и т. д. Противоположного характера факты рассматривались как "неприятные случаи", "ошибки" либо флюктуации, неизбежные при действии долговременной общей тенденции, о которой речь шла выше.

Сложившаяся социально-классовая и национально-государственная система обладала значительным запасом прочности. В этом не сомневались не только официальные источники, не только обществоведы различных специальностей, исследовавших эти процессы, но даже диссиденты и западные политики и советологи. Нарастание внутреннего напряжения, особенно в национальных отношениях, было подспудно, оно стало явно ощущаться с конца 70-ых г.г., когда высшее руководство СССР выкатало в афганскую авантюру и "застряло" в ней. Необходим был сильный внешний толчок, чтобы объективные противоречия стали осозна-

ваться субъектами социальных процессов и перерастать в конфликтные ситуации, а последние в конфликты. И этот толчок воспоследовал. Прелюдией к этому толчку послужил новый курс внутренней и внешней политики, предложенный в 1985 г. М.С.Горбачевым и получивший неадекватное его сути название "перестройки" социализма в СССР.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНФЛИКТЫ. ПЕРИОД "ПЕРЕСТРОЙКИ" И "РЕФОРМ". Мы подошли к трагическому периоду в истории русского и других народов, живших совместно в дореволюционной России и Советском Союзе, который в новых условиях продолжил тысячелетнюю историю российской государственности. Внутренние противоречия этого периода (социально-классовые и национальные) не могут быть поняты вне контекста мировой политики, без учета решающей роли внешних противоречий с Германией до и во время Отечественной войны, а после нее - со странами НАТО во главе с США, мировыми центрами финансовой мощи. Всемирно-исторический факт поражения СССР в третьей мировой ("холодной") войне предопределил распад Союза и последующее развитие "новых независимых государств", как были наречены в ООН осколки великого государства. Еще раз следует подчеркнуть сугубый субъективизм и полное лицемерие адептов "нового мирового порядка", прикрывающих либеральной фразой разгром геополитического (а не только идеологического) соперника. Так, патриарх философии либерализма К.Поппер утверждает, что "открытые общества", как он называет капиталистические страны Запада с их демократическими институтами, устояли в условиях внешней угрозы (гитлеровской), в то время как "закрытое, тесно сплоченное общество - это дом, скрепленный железными цепями - дало трещину и стало разваливаться на части"¹⁷. Здесь, что ни слово, то передержка. Западные страны одна за другой с легкостью капитулировали перед Гитлером, Англия получила отсрочку, поскольку с осени 1940 г. вступил в силу план "Ост". Разгром германо-фашистских войск был осуществлен по существу в единоборстве (до лета 1944 года) Советской Армией, она спасла мир от фашизма, а советское общество, несмотря на страшные потери, быстро восстановилось и достигло бы несравненно больших успехов, если бы не навязанная бывшими союзниками гонка ракетно-ядерных вооружений и усиливающееся экономическое давление. Наши доморощенные либералы подпевают своим западным покровителям, когда утверждают в одном из ведущих органов буржуазной печати: "распад СССР, ослабление России имеют чисто внутренние причины"¹⁸.

Им с полным основанием возражают не только здравомыслящие, объективно оценивающие ситуацию ученые внутри страны, но и некоторые, выдворенные в свое время из России брежневскими властями "эмигранты поневоле". Так, известный философ и социолог А.Зиновьев в выступлении по российскому телевидению говорил: "Систему у нас разрушили снаружи и внутри искусственно - не само общество и государство распалось, пришло в негодность, как внушает нам нынешняя пропаганда, а его разрушило предательство, подлое поведение руководства, интеллигенции с 1985 года"¹⁹. А.Зиновьев совершенно прав, выдвигая на первый план внешний фактор и рассматривая внутренний как существенный, но вспомогательный. Однако слова "предательство", "подлое поведение" носят оценочный характер и не могут заменить социологического анализа. Почему Горбачев в решающих переговорах с Бушем и Колем "сдал" интересы Советского Союза? Каковы были мотивы, определившие поведенческие республиканских лидеров в 1989-91 годах, вплоть до соглашения в Беловежской Пуще? Почему определенные круги элитной интеллигенции в Москве и Ленинграде, а также в столицах республик, ждали развала Союза и способствовали таковому? Все эти действия лиц и групп были социально обусловлены, они на наш взгляд, были следствием назревания глубоких внутренних противоречий.

Указанные противоречия развергивались одновременно с изменениями в социальной структуре, о которых сказано выше. Это противоречия, в которых социально-классовые и национально-государственные моменты сплелись воедино. Особо следует отметить рост противоречий внутри "номенклатуры": между центральной бюрократией и местной, которая в союзных и автономных республиках была скомплектована в основном из интеллигенции "титовых" наций, "сработалась" с национальной "теневой" буржуазией, а в ряде случаев и с мафией, т.е. с главами организованной преступности.

Первоначальной целью перестройки было заявлено ускорение экономического развития, с тем, чтобы прирост национального дохода увеличить с 3% до 5% ежегодно и за этот счет добиться продвижения в решении социальных проблем. Однако, коренных изменений в экономических отношениях и хозяйственном механизме в планах руководства не оказалось. Призыв к мобилизации организационных и социальных резервов повис в воздухе, при сложившейся системе управления резервам неоткуда было взяться. Рост национального дохода официально определялся в 3% годовых, но статорганы лгали, на деле он был нуле-

вым. Без решительного снижения удельного веса военных расходов, конверсии военного производства и структурной перестройки народного хозяйства достигнуть декларированных целей было невозможно. Попытки "мирного" наступления под лозунгами "нового мышления" фактически вылились в политику односторонних уступок и постепенного отступления на мировой арене.

Вместо заявленного "обновления социализма" страна быстро двигалась к развалу экономики, прежде всего дестабилизации финансовой системы. Один из первых шагов был сделан в 1986 году, когда Постановлением Совмина СССР № 1115 было разрешено повышение зарплаты в отраслях материального производства на 30%. Возрастание денежной массы не было подкреплено соответствующим наращиванием объема производства в отраслях группы "Б" и в сельском хозяйстве. Вслед за этим стали подтягивать оплату труда во всем хозяйстве. Равновесие на рынке было нарушено, дефицит товаров стал причиной подавленной инфляции, дефицит бюджета стремительно возрастал (это скрывалось от общественности), золотой запас страны был почти полностью израсходован для покрытия импорта продовольствия и ширпотреба. Мы уже говорили ранее о принятом в 1988 году законе "О кооперации". Здесь следует подчеркнуть его дестабилизирующую роль. "Перекачиваемые" кооперативами безналичные деньги на счетах предприятий и организаций в наличные полностью дестабилизировали денежное обращение. Приведем один пример. В 1990 году 80% кооперативов оказались "осколками" госпредприятий, т.е. имели возможность прямой перекачки средств. Оплата труда, включая совместителей достигла 466 руб. в месяц, что вдвое превышало зарплату рабочих и служащих. Фонд оплаты труда достиг 35 млрд. руб., в то время как произведено товаров и услуг было на 8 млрд., притом, что кооперативы закупили в госторговле товаров на 6 млрд. руб. Их реальный вклад в насыщение рынка составил всего ... 2 млрд.²⁰, в то время как кредитов от государства было получено десятки миллиардов. Социальное значение кооперации в таком своеобразном ее "исполнении" свелось прежде всего к легализации теневой экономики и становлению новой буржуазии как легально занятого коммерцией класса, притом класса, паразитирующего на государственном секторе хозяйства.

Ухудшение продовольственного и прочего снабжения, всеобщий дефицит и бесконечные очереди - таковы были факторы, определявшие обострение противоречия между массой трудящихся, прежде всего в больших городах, и номенклатурой, вла-

стями. Стихийное недовольство масс позволило радикал-демократической интеллигенции, обращавшей свои взоры на Запад, возглавить многотысячные демонстрации и митинги в Москве и других центрах, забастовки шахтеров и других слоев рабочего класса. Социальная ситуация была распатана.

Следующий этап развития противоречий советского общества наступил в 1991 году, когда на первый план вышло отмеченное выше противоречие внутри "номенклатуры" - между центральными и республиканскими властями, которое всегда существовало в виде споров между союзной (ЦК КПСС, Министерства, Госкомитеты) и республиканской бюрократией по поводу дотаций из союзного бюджета, соотношения цен и уровня инвестиций на капитальное строительство. Рост производительных сил и развитие культуры в республиках вели к численному росту этого слоя и его "коренизации" за счет интеллигенции "титulyных" наций. Обеспечение поддержки снизу достигалось обращением к национальному чувству: "нас грабит центр", "наша продукция идет по дармовой цене" и т. д. Раздувание национализма на местах облегчалось традициями российского чиновничества, которые были унаследованы советской центральной бюрократией, например, вытеснением местных языков в деловой переписке, при ведении партийных пленумов, активов и т.п. Углублявшиеся экономические неполадки стимулировали стремление "тащить одеяло на себя", т.е. больше взять из союзного бюджета и меньше дать, "выбить" дотации и средства на инвестиции, а также предоставить больше прав в проведении кадровой и культурной политики. Выдвигавшиеся на первый план требования хозрасчета в межреспубликанском обмене при далекой от мировой системе цен, которая в силу исторических причин сложилась в СССР, формулировались так, что каждая республика выглядела как бы "эксплуатируемой" другими и, конечно же, центром. Подобного рода претензии предъявлялись также автономными республиками, регионами, краями и областями внутри Российской Федерации. Разрешение этих противоречий в 1989 году было еще возможно на путях преобразования в основном унитарного государства в подлинно федеративное; тогда на это соглашались даже лидеры прибалтийских республик, где кроме номенклатуры общесоветского образца в элиту входили крупнобуржуазные элементы, имевшие тесные связи с эмиграцией и особенно активно поддерживаемые США, правительство которых продолжало - вопреки Потсдаму и Ялте, вопреки хельсинским соглашениям 1975 г., вопреки уставу СБСЕ, не признавать вхождения этих республик в состав СССР. Впрочем, принятый

Конгрессом США в 1959 году Закон "О поработанных нациях" признавал "поработанными" все народы СССР, кроме русского, и четко ориентировал администрацию на полный развал СССР.

Руководство СССР колебалось, переходя от заигрывания к силовым методам воздействия (Вильнюс, Баку, Тбилиси и т.д.). В 1989 году еще было возможно, на наш взгляд, преобразование Союза на конфедеративной основе в отношениях со странами Прибалтики при сохранении федерации между остальными республиками. Это требовало политической воли со стороны Центра, но таковой не оказалось. С октября 1989 года, после падения "берлинской стены", когда стал распадаться "соцлагерь" при активном воздействии США, ФРГ, НАТО, дезинтеграционные тенденции внутри СССР резко усилились, стали раздаваться угрозы осуществления записанного в Конституции 1977 года права на добровольный выход из Союза.

Самым тяжелым по своим последствиям было поведение руководства Российской Федерации после избрания президентом в 1990 году Б.Н.Ельцина. Оно тоже требовало "суверенитета", "независимости" России от... центрального правительства в Москве, которое по сути представляло интересы России, понимаемой в историческом смысле, т.е. шире, чем РСФСР. Без поддержки российского руководства, выражавшего интересы части номенклатуры в Москве и ряде автономий, развал СССР не состоялся бы. Провалом в августе 1991 г. путча ГКЧП был дан последний толчок для провозглашения союзными республиками независимости. Беловежское соглашение в декабре 1991 г. между правителями Российской Федерации, Украины и Белоруссии поставило на союзном государстве окончательно крест, лишив подобия власти номинально еще занимавшего президентское кресло в Кремле Горбачева.

После распада Союза социально-экономические процессы в новых государствах стали разворачиваться по-разному. В нашу задачу не может входить сравнительный анализ развития в странах СНГ и Прибалтики. Поэтому о социально-классовых противоречиях будет далее идти речь только в России; при анализе национальных противоречий нам придется эти рамки раздвигать.

Получившее к концу 1991 года полную свободу рук руководство РФ приняло программу ускоренной капитализации страны методом "шоковой терапии", продиктованную МВФ и другими финансовыми центрами Запада. Разрушение до самого фундамента сложившейся системы управления хозяйством, либерализация цен, свобода спекуляции и внешнеэкономической деятельности, разрыв давно сложившихся хозяйственных связей с дру-

гими государствами привели за три года к поистине катастрофическим результатам. Объем промышленного производства снизился более чем наполовину, внешний долг перевалил за 100 млрд. долларов. На этом фоне происходил (и продолжается) процесс первоначального накопления капитала и растет социальная поляризация, о чем говорилось в предшеств

На этом фоне происходит (этот процесс незакончен) формирование двух основных социально-классовых противоречий. Первое из них - противоречие между двумя упоминавшимися социальными группами, составляющими привилегированную часть (эли́ту) современного российского общества: новой буржуазией и новой номенклатурой, непосредственно выросшей из старой и в основном состоящей из тех же самых людей, но несколько пополнившейся за счет выдвинувшихся к власти "демократов", главным образом в верхнем эшелоне государственного управления в Москве и администрации в субъектах Федерации. В аппарате хозяйственного управления, среди высших чинов центральных ведомств и в директорском корпусе в основном сохранился старый персональный состав. Мы говорили выше о том, что социальная природа этого слоя существенно изменилась и продолжает изменяться, поскольку он обуржуазивается за счет участия в коммерческой деятельности и коррупции.

Вторая составная часть новой элиты - буржуазия, которая захватила в свои руки банки и биржи, экспортно-импортные операции, коммерческую торговлю и рвется к приобретению заводов и фабрик, земельных участков и прочей недвижимости. Так, в Екатеринбурге фирма "Биопроект" приобрела 18,5% акций Уралмаша, этого "завода заводов" за скушленные по дешевке у населения ваучеры. Политизация всего и вся, независимо от источника денег - таково основное стремление данного слоя, находящее выражение в правительственной программе второго этапа (аукционной) приватизации, начатого летом 1994 г.

Между этими двумя привилегированными слоями существуют известные противоречия в интересах. Так, ваучерная приватизация и аукционы непосредственно выгодны владельцам сколоченных неизвестно каким путем капиталов, но она встречает известное сопротивление хозяевам номенклатуры, которая предпочитает выкуп предприятий трудовым коллективом, при котором в ее руки попадает контрольный пакет акций. Эти противоречия ярко проявляются и в борьбе вокруг основных статей Земельного Кодекса: буржуазии желательно снять все ограничения при покупке и покупке земли, в то время как номенклатура, в состав которой входят директора совхозов и председатели колхозов

(переименованных в кооперативы, но пока еще не сумевших реализовать преимущества этой формы хозяйствования из-за общего кризиса сельского хозяйства), желательно сохранить крупные хозяйства и свои позиции в сфере управления агропромышленным комплексом. Одним из важных пунктов разногласий является также вопрос о свободном, безлицензионном экспорте нефти и нефтепродуктов. Это выгодно компрадорам, но неизбежно приведет к росту внутренних цен на топливо и ударит по промышленности, транспорту, сельскому хозяйству, населению. Этот список можно было бы продолжить.

Отметим, что противоречия в экономических интересах находят свое продолжение в политике в весьма своеобразных формах, обусловленных "правилами игры", установленными авторитарической Конституцией от 12 декабря 1993 года. Политических партий, в том числе представленных в Думе, немало, но до нормальной многопартийной системы России еще далеко. Борьба идет за влияние на реальную власть - президента, а это значит за места в окружении президента, в президентской администрации, в правительстве. Очередная схватка этих двух групп, вызванная началом военных действий в Чечне против банд авантюриста Дудаева (получившего, кстати сказать, вооружение три года назад из рук московских правителей), развернулась в декабре 1994 года. Компрадорская буржуазия показала свою силу, умело используя либеральную интеллигенцию и принадлежащие в основном ей СМИ, всячески спекулируя на пролившейся крови. При этом замалчивается тот факт, что "гуманисты" вроде Гайдара в октябре 1993 года призывали к кровавой расправе с парламентом и демонстрантами в Москве.

Второе - и оно является главным - это противоречие между обеими группами властвующей элиты и массой трудящегося населения. Основу последнего составляют люди наемного труда, занятые на государственных и "полугосударственных" предприятиях и в организациях, неразрывно с ними связанные безработные, число которых к концу 1994 года, считая полубезработных, достигло 10 миллионов, и пенсионеры. Это те же рабочие, служащие, специалисты либо отстраненные от труда, либо вложившие свой труд (и пролившие кровь на полях сражений) в могущество государства, а ныне обреченные им на бедность и нищету. К этой основной массе примыкают также обнищавшее офицерство в лишенных нормального финансирования частях; после вывода армии из соседних стран многие без квартиры, вынужденные увольняться в запас в цветущем возрасте. Студенты, получающие ничтожную стипендию, в большинстве подрабатыва-

ющие во время учебы, не имеющие ясных перспектив трудоустройства после окончания института.

Выше мы уже писали о растущей дифференциации среди всех групп населения. По этой причине известная часть названных социальных групп находится в сравнительно благополучном состоянии, в основном удовлетворена своим положением. Определяющим настроением всей этой массы пока что является политическая пассивность, неверие властям и неверие в обещанную неоднократно стабилизацию обстановки в стране. Тот общественный подъем, который в свое время был использован "демократами" для прихода к власти, преподает урок: этой власти нельзя верить, точно так же, как не верили "перестройщикам" несколько лет назад. Расправа с Верховным Советом тоже преподала урок. Власть сильна, вооружена до зубов, окружила себя "преторианской гвардией": личной охраной, ОМОНОм, размещенными под Москвой привилегированными дивизиями, крови она не боится. Самые пламенные политические призывы левых экстремистских сил ко всеобщей стачке пока что не встречают отклика в массах.

Распространение имеют экономические стачки местного значения, в которых главным требованием выдвигается обычно выдача задержанной на несколько месяцев заработной платы. В январе-сентябре 1994 года в России количество забастовок увеличилось на 69% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, число бастовавших предприятий на 144%²¹. Эти трудовые конфликты разрешались, как правило, удовлетворением указанных требований: администрация угольных шахт, других предприятий находила средства на выдачу зарплаты либо через вышестоящие инстанции, либо заимствуя деньги под большие проценты у коммерческих банков. Состоялись массовые акции протеста сотрудников академических учреждений в Москве, Новосибирске, в городах, которые из-за сокращения финансирования находятся под угрозой закрытия. Конфликты ученых с правительством не дали эффекта, власти продолжают сокращать ассигнования на науку. Данный социальный конфликт "угасает" самым простым образом: работники науки и научного обслуживания покидают свои коллективы, переходят в другие отрасли или в коммерческие структуры, убывают за границу. Наиболее крупные демонстрации и митинги оппозиционных сил приурочиваются к датам майских и октябрьских праздников, дню Победы и т.д. Наиболее массовыми были: акция протеста профсоюзов 27 октября (8,4 млн. чел.) и митинги 7 ноября 1994 г.

(более 10 млн. чел.). В стачке шахтеров 8 февраля 1995 г. приняли участие до 80% рабочих отрасли.

Каждое выступление такого рода содержит в себе возможность перерастания в конфликт с применением силы. Однако как организаторы массовых мероприятий, так и милиция, учитывая уроки кровавых событий в Москве в мае и октябре 1993 года, стремятся не выходить за рамки согласованных с местными властями предписаний о дате и количестве участников, избегают стычек. К концу 1994 г. общую ситуацию можно охарактеризовать как *углубление* социальных противоречий при желании *избежать* конфликтов с применением насилия, поскольку в данной ситуации это нежелательно для обеих сторон.

Иначе обстоит дело с противоречиями и конфликтами, которые выше были объединены под общим названием "национальные". Распад Союза привел к их трансформации и резкому усилению. Столкнулись два принципа решения национальных проблем. Один из них, сформулированный в Ялте и Потсдаме державами-победителями во второй мировой войне (подобно Венскому Конгрессу 1815 года или системе договоров в Версале и др. после первой мировой войны), провозглашает незыблемость установленных новым соотношением сил границ. Послевоенные границы в Европе были дополнительно торжественно закреплены в Хельсинки в 1975 году на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ); декларация была подписана правительствами всех европейских стран, а также США и Канады. Второй принцип глубоко демократичен по своей природе - это право наций на самоопределение, включая право образования самостоятельного государства. Эти два принципа и стоящие за ними интересы государств, народов, классов после очередного передела мира остаются в противоречии, ибо, с одной стороны, не все народы обретают права на "самоустройство", и, с другой стороны, возникают новые проблемы, порожденные перекройкой границ.

Возникновение второй мировой войны было в значительной мере предreshено версальским миром, прежде всего стремлением Германии к реваншу, к отторжению населенных немцами земель у Франции, Польши, Чехословакии. Не меньше национальных проблем было порождено договорами в Потсдаме по Европе 1945 и в Сан-Франциско по Азии в 1951 году, подводившими черту после второй мировой войны.

Поражение СССР и его союзников в конце 80-ых г.г. в третьей мировой ("холодной") войне породило стремление со стороны Запада к новому переделу мира на своих условиях.

Особенность настоящего этапа состоит в том, что США и НАТО лицемерно используют принцип "нерушимости государственных границ" для расчленения СССР и Югославии, т.е. для нарушения этого принципа. Объявление союзными республиками в СССР в 1991 г. государственной независимости получило немедленное признание административных границ (проведенных в свое время без должного учета этнического состава территорий и без какого-либо волеизъявления населения) государственными; сначала это было сделано ведущими странами Запада, а затем Организацией Объединенных Наций. Этот прием в точности был применен и в Югославии, спровоцировав многолетнюю гражданскую войну.

В результате для России возникли одновременно ряд взаимосвязанных глубочайших противоречий, таящих в себе на десятилетия и столетия вперед серию конфликтов самого различного характера и силы.

Во-первых, это противоречия с другими странами СНГ, а также государствами Прибалтики. Новые границы впервые разрезали на куски живое тело русского народа, а также принявших русскую культуру и язык миллионов сограждан различных национальностей. На Украине проживает 20% русских, 40% украинцев, по сути двуязычных, и 40% украинцев, считающих для себя основным украинский. В Белоруссии 80% населения считает родным языком русский, в Казахстане более 50% населения. Признание русского вторым государственным языком и полное равноправие двух языков в государственной жизни, делопроизводстве, подборе и расстановке кадров является самым очевидным требованием русскоязычного населения этих трех государств, и оно должно отстаиваться всеми средствами властями РФ, как самая первейшая обязанность перед русским народом, а также всеми тремя братскими славянскими народами, давно образовавшими своеобразную "сверхнациональную" общность. Не случайно на протяжении веков русскими называли представителей всех трех братских народов. К сказанному выше вплотную примыкает требование полного гражданского равноправия для русского, славянского, всего русскоязычного населения в Прибалтике и тех странах СНГ, где уже сейчас наблюдается растущее ущемление прав русских, особенно в Эстонии, Латвии и северном Казахстане, где значительные территории издавна населены русскими казаками.

Во-вторых, это противоречие в сфере экономической между стремлением народов всех постсоветских государств к интеграции, к свободному передвижению людей, товаров, капиталов, сохранению единой транспортной и энергетической систем

(которые однако уже начинают разрушаться) и эгоистическим стремлением правящих этнократических элит "отгородиться" друг от друга и от России заставами, погранвойсками, таможенными, пошлинами и т.д. Та степень интеграции, которую Европейское общество достигло в результате многолетних усилий, много ниже, чем имевшаяся налицо в едином экономическом комплексе Советского Союза. Это преимущество уже утрачено, но в жизненных интересах всех народов возродить экономическую интеграцию на основе трезвых финансовых расчетов. Интересам народов, которые от экономической интеграции только выиграют, противостоят интересы указанных выше групп правящей административной элиты, в том числе кремлевской, затормозившей, исходя из узко понятых интересов РФ, шаги белорусского руководства к объединению в экономической и финансовой сфере.

В-третьих, это противоречие в сфере оборонной, включая охрану границ б. Советского Союза. Намерения Запада вбить клин между постсоветскими государствами, провоцировать конфликты между ними, привлекать к себе финансовыми подачками или нефтяными контрактами, используя всюду, где удастся, "исламский фактор" с помощью Турции и ряда других исламских государств, приносят известные результаты. Разрушается сложившаяся стройная система противоракетной обороны и охраны общей границы. Защита границы б. СССР российскими пограничниками в Таджикистане и совместная с местными погранвойсками в Армении, по-видимому, должна стать общей на всех границах б. Союза, кроме Прибалтики, это в интересах обороны всех стран СНГ. Следует заметить, что предстоящее расширение сферы НАТО до границ СССР не встречает пока должного противодействия со стороны российского правительства. А тем временем готовится новый "санитарный кордон", вроде того, что существовал в 30-ые годы; более того, вынашиваются планы "балтийско-черноморского союза", включающего в себя Литву, Украину и Белоруссию, а тем самым продвижения НАТО к нынешним границам Российской Федерации. Этим устремлениям разрушителей исторической России должно быть противопоставлено международное признание постсоветской территории сферой геополитических интересов России.

Рассмотренное противоречие суть прямое продолжение того внутреннего противоречия в границах СССР, о котором шла речь ранее, но оно трансформировалось, поскольку его стремятся перенести как межгосударственное, внешнее внутрь исторической России, и где союзником внешних сил выступают (или могут

выступать) уже не группы автономистов и сепаратистов, а правящая в новых государствах этнократическая бюрократия (или часть ее), имеющая серьезную поддержку со стороны националистически настроенной интеллигенции и отравленных пропагандой кругов населения.

В-четвертых, это противоречие в сфере культуры. Оно может быть разрешено только при условии свободного доступа к газетам, журналам, книгам, теле и радиопрограммам всех стран СНГ и Прибалтики на всех языках, в уважении со стороны государства права наций на национально-культурную автономию включая, безусловно, сферу образования и культуры. Стоит напомнить, что в 1994 году в Белоруссии на русском языке работало менее пяти процентов школ, что вызвало массовые протесты населения, а в галицийских областях Украины русские школы в основном свернуты. Это стало возможным, поскольку националисты ("Рух" на Украине, БНФ в Белоруссии) сумели прибрать к рукам руководство Министерством образования.

Наконец, в-пятых, это противоречия *национально-территориального устройства*, в том числе на территории собственно Российской Федерации. Именно эти противоречия, связанные с землей, на которой люди на протяжении поколений живут, трудятся и воспитывают детей, стали источником наиболее кровавых конфликтов в Карабахе, Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии, на границе Северной Осетии и Ингушетии.

Особо следует сказать о нынешнем конфликте в Чечне. Он не мог бы принять такого масштаба, если бы криминальная власть Дудаева и его окружения не была поддержана в Кремле теми, кто в 1991-1992 г.г. оставил ему горы оружия и три года спокойно взирал на геноцид русского населения, на тысячи актов разбоя на железной дороге, на террористические акты по захвату самолетов, на поток фальшивых авизо из Чечни и т.д. Только благодаря этому, а также вследствие неквалифицированного руководства вооруженными акциями, этот криминальный "президент" и его окружение смогли возродить лозунги джихада и увлечь за собою часть коренного населения республики.

Сны во многом были порождены в советские времена непродуманной политикой "областной автономии" для нацменьшинств. Подчас царил полный произвол, когда Абхазия в 1924 г. была включена в состав Грузии, а Крым в 1956 передан Украине. Автономные республики и области в Российской Федерации были "нарезаны" так, что в 15 из 21 региона "титульные" нации ныне составляют меньшинство, а во многих крайне незначительное меньшинство населения. В период "суверенизации", когда

президент РФ предложил автономиям "брать суверенитета столько, сколько сумеете проглотить", этнократическое руководство национально-государственных образований захватило многочисленные привилегии для "своих" субъектов Федерации и для себя лично. Так, например, республика Саха (Якутия) выторговала себе право оставлять 20% добытых алмазов для международной торговли. Налоги в федеральный бюджет поступают по воле правительств этих субъектов Федерации в размерах ниже установленных, в культурной и кадровой политике наблюдаются те же перекосы, что и в б. союзных республиках, хотя менее грубо и открыто. В результате складывается неравенство в фактическом положении этих республик и русских краев и областей, что вызывает ответную реакцию вроде провозглашения "Уральской республики", которую быстро "отменили".

Таково неполное описание клубка глубоких внешних и внутренних, социально-классовых и национальных противоречий, которые определяют сегодня бытие и сознание народов Российской Федерации, противоречий, непрерывно создающих конфликтные ситуации и конфликты в самых разных, в том числе насильственных формах, с применением танков, авиация, артиллерии, систем залпового огня и т.д. Но в них надо выделить главное. Этим главным противоречием, на наш взгляд, является внешнее противоречие между Российским государством и объединенными силами империализма Запада во главе с США и НАТО, к которым примыкает Япония. Это силы мирового капитала, политическим органом которого являются "саммиты" семерки наиболее развитых стран, вырабатывающих общую линию поведения в мировом масштабе и мирно улаживающих противоречия между собой. По отношению к России они приняли эстафету из рук своих исторических предшественников в XX веке.

В 1914-18 г.г. во главе сил, планирующих раздробление России, стояла Германия, захватившая Украину, Белоруссию, Крым, почти целиком Прибалтику, частично Донскую область и т.д. Оккупацию пришлось прекратить вследствие поражения германских войск на Западном фронте. Планы Антанты, оккупировавшей часть территории нашей страны под предлогом борьбы с немцами, были не менее масштабными. Лелогвардейские армии и правительства, посаженные ими, начиная с "Верховного правителя России" Колчака и кончая сепаратистскими правительствами в Закавказье и Средней Азии, были пешками в ее руках. Не кто иной, как П.Н.Миллюков, недавний вождь партии кадетов писал из Парижа в 1920 году, что "на Западе в более грубой и от-

кровенной форме выдвигается идея эксплуатации России как колонии ради ее богатств..."²². Детально исследовавший документы этого периода В.В.Кожинов приходит к заключению: "Запад, в частности в 1918-1922 годах, делал все возможное для расчленения России, всемерно поддерживая любые сепаратистские устремления"²³.

В 1939-1945 г.г. эстафету приняло фашистское руководство "третьего Рейха". Немецкий историк А.Хильгрубер, на основе тщательного изучения всех источников приходит к выводу: "Завоевание Европейской России для создания германской континентальной империи как базы германских мировых позиций было основной целью Гитлера"²⁴.

Ныне эстафета перешла к США, конструирующим после завершения холодной войны "новый мировой порядок". Первая цель достигнута - историческая Россия расчленена, перестала быть глобальным противовесом для мирового господства США. На очереди дальнейшее ослабление позиций России, в том числе дальнейшее ее расчленение. Уже выдвигаются территориальные претензии на Калининградскую область, Принаровье, Чечню и другие районы Кавказа, Южные Курилы - и все они открыто или пока тайно поддерживаются американской администрацией и НАТО. Противостоять этому давлению может только экономически сильная Россия, сохраняющая и модернизирующая свои вооружения, прежде всего стратегические ядерные силы, сплачивающая вокруг себя все "постсоветское пространство".

Для того, чтобы сдерживать развитие этого противоречия необходимо наличие пользующегося народной поддержкой и доверием политического руководства. Оно должно ставить во главу угла интересы трудового народа, а не эгоистические интересы верхних слоев бюрократии и компрадорской буржуазии, склонных подражать образу жизни западных "верхов" и приукрашивать, идеализировать голтытику своих западных "партнеров", идти на бесконечные уступки им во имя "общечеловеческих идеалов" либо "совместной борьбы с коммунизмом". Иными словами, назрел вопрос о смене политического руководства страной, поскольку "перестройщики", а вслед за ними "реформаторы" исчерпали кредит доверия. Главным делом нового руководства должно стать укрепление российского государства и придание ему по-прежнему народного характера, с тем, чтобы интересы русского и других народов Федерации, русского населения за ее пределами, всех бывших советских народов были доминантой во всех областях внешней и внутренней политики.

Мы вышли бы далеко за пределы темы, если бы на этом месте наших рассуждений вступили на почву политической социологии, и, тем более, политологии, и пробовали бы установить связь между социальной и партийно-политической структурой современной России. Выше уже было отмечено, что между партиями в политике и определенными социальными группами и слоями нет полного соответствия. Тем более это так в нашей стране в наши дни, когда многопартийная система только складывается, следующие выборы внесут в расклад сил на партийной арене существенные изменения, да и сам парламент, обе его палаты, пока что не имеют права назначать правительство и отправлять его в отставку. Поэтому, намеренно отказываясь от анализа программ различных политических партий и движений, мы выскажем самые общие соображения насчет путей выхода Российской Федерации из нынешнего катастрофического положения.

Залогом стабилизации социально-экономического и социально-политического положения с последующим восстановлением экономического и научно-технического потенциала России и "доперестроечного", а сначала "дореформенного" уровня жизни основной массы населения, может быть только приход к власти правительства, которое в центр всей деятельности поставило бы в их неразрывной связи социальные и национальные задачи. В социальной сфере, на наш взгляд, это задача возобновления исторического движения российского общества к социальной справедливости, к социализму в его новых формах, отвечающих достигнутому этапу общечеловеческой цивилизации и вместе с тем полностью учитывающих национальные особенности и исторические традиции России. В национальной сфере это задача собирания запово русских земель, установления братского союза трех восточнославянских народов, восстановления в новой форме (федерации, конфедерации, подобия Европейского Союза или еще какой-либо иной) исторической России как содружества народов. Мы верим, что Россия в XXI веке займет почетное место в мировом сообществе, соответствующее природному, трудовому, научному потенциалу страны и ее народов.

1. Ленин, В.И., Полн. собр. соч. Т. 29. С. 229.
2. См. об этом: Руткевич М.Н. О диалектике прогресса // Вести. РАН. 1994. № 5.
3. См.: Ленин В.И., Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.
4. См.: Известия. 1994. 24 дек. С. 2.
5. Coser, L. The Function of Social Conflict. Glenkoe, 1958. P. 8.
6. Collins R. Conflict Sociology. N. Y.; L., 1975. P. 79, 61-62.
7. Dahrendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in Postindustrielle Gesellschaft. Stuttgart, 1957. S. 17, 169-171, 240, 257.
8. Краткий словарь по социологии. М., 1989. С. 125.
9. Словарь социологических терминов. С. Варшава, 1991. С. 80-81.
10. A Dictionary of Sociology / Ed. by G.D. Mitchell. L., 1968. P. 38-39.
11. См.: Иностран. лит. 1993. № 4. С. 242.
12. Например, см.: Дмитриев А., Кудряцев В., Кудряцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М., Изд. РАН: 1993.
13. Вести. РАН. 1994. № 4. С. 291.
14. Социализм и социально-политическая ситуация в России: Первая половина 1994 г. Анализ и прогноз. М., 1994. С. 18.
15. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 575.
16. См.: Кротов Ф.Г., Фокин Л.В., Шкаратан О.И. Рыбочий класс - ведущая сила строительства коммунизма. М., 1965. С. 12; Фурман А.Е. Исторический материализм (курс лекций). М., 1970. С. 121 и др.
17. Поплер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 478.
18. Независ. газ. 1993. 3 авг. С. 4 (подчеркнуто мной - М.Р.).
19. Цит. по газ.: Сов. Россия. 1993. 3 авг. С. 4.
20. См.: Диалог. 1991. № 2. С. 63-64.
21. Социальная и социальн-политическая ситуация в России. 1994 год. М., С. 57.
22. См.: Наш современник. 1994. № 11-12. С. 241.
23. Там же. С. 240.
24. "Совершенно секретно. Гольфо для командования". М., 1967. С. 35.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Очерк первый. О предмете и структуре социологической науки.....	4
<i>Литература</i>	31
Очерк второй. Философские основания теоретической социологии.....	32
<i>Литература</i>	61
Очерк третий. Социология, власть, общественное мнение.....	63
<i>Литература</i>	99
Очерк четвертый. Социальная структура.....	101
<i>Литература</i>	142
Очерк пятый. Социальные противоречия и конфликты.....	144
<i>Литература</i>	186

Научное издание

РУТКЕВИЧ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

МАКРОСОЦИОЛОГИЯ: Методологические очерки

*Утверждено к печати Бюро Отделения философии,
социологии и права РАН*

Научный редактор *А.В.Дмитриев*
Корректурa автора

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 29.06.95.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л. 11,75. Уч.-издл. 11,85. Тираж 500 экз. Заказ № 035.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор *Е.Н.Платковская*
Компьютерная верстка *Е.Н.Платковская*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119842, Москва, Волхонка, 14